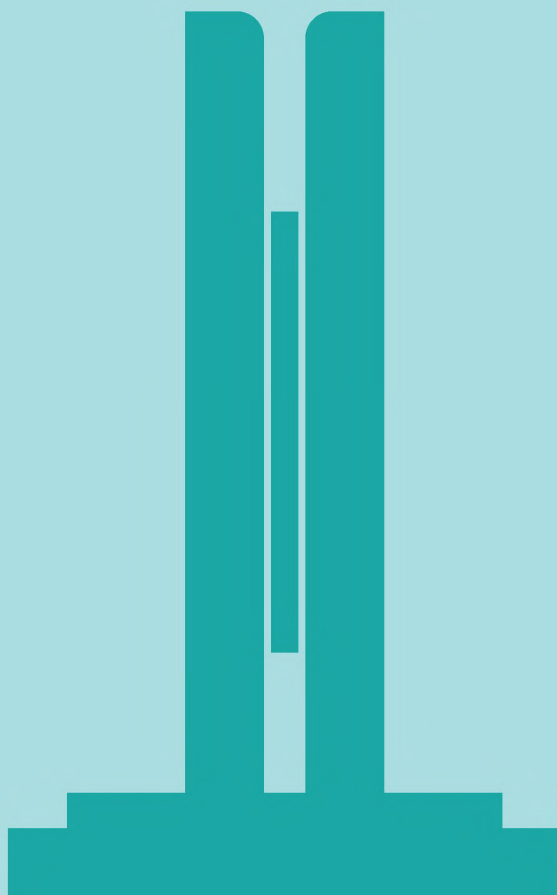

IV Всероссийская научная конференция
**«ФИЛОСОФСКИЕ КОНТЕКСТЫ
СОВРЕМЕННОСТИ: ГУМАНИТАРНЫЕ
СМЫСЛЫ ЦИФРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»**

27 – 28 февраля 2026 года

г. Ижевск, Россия

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
Институт истории и социологии
Кафедра философии и гуманитарных дисциплин
ФГБУН Институт философии и права УрО РАН
ФГБУН Удмуртский федеральный научно-исследовательский центр
Удмуртская республиканская общественная организация
«Союз научных и инженерных общественных отделений»

Σ ФИКОС Ξ

**ФИЛОСОФСКИЕ КОНТЕКСТЫ СОВРЕМЕННОСТИ:
ГУМАНИТАРНЫЕ СМЫСЛЫ
ЦИФРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ**

Сборник статей IV Всероссийской научной конференции
(Ижевск, 27-28 февраля 2026 г.)

Ижевск
2026

УДК 101.1:316:004(063)

ББК 87.6я431

Ф563

Рекомендовано к изданию Редакционно-издательским советом УдГУ

Отв. редактор: Н. Б. Полякова

Редколлегия: *Полякова Н. Б.* канд. филос. наук, доцент, зав. каф. философии и гуманитар. дисциплин ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», *Ломаев С. Л.* канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотрудник ФГБУН «Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН», *Тронина Е. В.* преподаватель каф. философии и гуманитар. дисциплин ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет».

Ф563 Философские контексты современности: гуманитарные смыслы цифровой цивилизации. ФИКОС-2026 : сб. ст. IV Всерос. науч. конф. (Ижевск, 27–28 февраля 2026 г.) / отв. ред. Н. Б. Полякова. – Ижевск : Удмуртский университет, 2026. – 274 с.

ISBN 978-5-4312-1346-5

DOI: 10.35634/978-5-4312-1346-5-2026-1-274

Сборник статей ФИКОС является итогом IV Всероссийской научной конференции «Философские контексты современности: гуманитарные смыслы цифровой цивилизации» (ФИКОС-2026).

Материалы сборника представляют научный интерес для исследователей в области современной социально-философской проблематики, а также могут быть использованы научными работниками, преподавателями, аспирантами, магистрантами и студентами в учебном процессе.

УДК 101.1:316:004(063)

ББК 87.6я431

ISBN 978-5-4312-1346-5

DOI: 10.35634/978-5-4312-1346-5-2026-1-274

© ФГБОУ ВО «Удмуртский

государственный университет», 2026

© Авторы статей, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 1. ФИЛОСОФИЯ НАУКИ ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ СОВРЕ- МЕННОСТИ.....	7
<i>Орехов А. М.</i> Институционализм и современная философия науки: возможен ли плодотворный союз?.....	7
<i>Русаков В. М.</i> Философия науки перед вызовами современ- ности? (Против эпистемологического анархизма)	12
<i>Гареев А. А.</i> Апология антиуниверсализма, или зачем нужна русская космотехника	17
<i>Ковалев М. А.</i> Проблема феноменальных состояний в аспекте задач сильного (общего) искусственного интеллекта	24
<i>Ломаев С. Л.</i> Предметный смысл как мост от математичес- кого формализма к научной теории.....	28
<i>Полякова Н. Б.</i> Феномен искусственного интеллекта в гори- зонте смыслотворчества: симулякр и мысль	34
<i>Поповкин А. В.</i> От конструктивизма к расширенному соци- альному реализму: познавая мир, в котором духовные цен- ности и общности реальны	40
<i>Суров И. А.</i> Человек, машина, цифра: онтологический мост.....	47
<i>Чусов А. В.</i> О предельных основаниях наук.....	53
<i>Фабрус И. В.</i> Градиент достоверности: эпистемологические пределы AI-опосредованного познания и задачи философии науки	61
СЕКЦИЯ 2. ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРОИЗВОДСТВО ЗНАНИЯ: АРХИВЫ, АЛГОРИТМЫ, ЭПИСТЕМЫ.....	66
<i>Юмашева Ю. Ю.</i> Прошлое, настоящее и будущее архивов электронных документов и данных	66
<i>Клецкина О. Г.</i> Выявление исторических фактов в условиях тотального распространения цифровых технологий в научном мире.....	73

<i>Башев А. В.</i> Опыт использования цифровых технологий в архивном исследовании «Студенты и преподаватели в годы ВОВ (по материалам архива УдГУ)»	80
<i>Губайдуллин Р. М.</i> От хранилища к интерфейсу: как цифровизация превращает архив в среду знаний.....	95
<i>Губайдуллина Т. С.</i> Цифровые микроданные в изучении брачности старообрядцев Ижевского завода: возможности метода, ошибки интерпретации и роль искусственного интеллекта.....	102
<i>Олифиренко А. А.</i> Эпистема алгоритмов искусственного интеллекта в производстве знания и практиках рационального управления на основе персональных данных	106
<i>Тронина Е. В.</i> ГИС УИАД: от пользовательского интерфейса к исторической интерпретации (постановка проблемы)	112
<i>Уманский А. Е.</i> Философско-педагогическое осмысление обучающихся СПО в контексте цифровизации: архивы, алгоритмы и эпистемы	119
СЕКЦИЯ 3. ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО БЫТИЯ В ЦИФРОВЫХ КОНТЕКСТАХ	127
<i>Ладыжец Н. С.</i> Философская рамка анализа интегративного социо-нейросетевого взаимодействия	127
<i>Латыпов И. А.</i> Фракталоподобие социально-информационных процессов цифровой трансформации социального бытия: философские аспекты.....	132
<i>Майленова Ф. Г.</i> Когда машины обретают душу: искусство о моральных границах ИИ.....	139
<i>Платонова С. И.</i> Цифровой габитус: создание смысла и алгоритмизация	146
<i>Пономарев А. М.</i> Трансформация социальных ценностей в процессе цифровизации общества	153
<i>Змеев М. В.</i> К пониманию реальности в мире в мире действующих технических объектов.....	159

<i>Сухих Н. И.</i> Информационно-коммуникационные технологии в контексте некоторых работ Э. Тоффлера и Д. Белла	165
<i>Шавецко Н. А.</i> Этика информационных войн.....	172
<i>Бирюков Е. С., Исламова Р. Р.</i> Право на забвение и семантическое открытие будущего	180
<i>Владимиров Д. С.</i> Точка совпадения естественной и цифровой коммуникации.....	186
<i>Забелина Е. Н.</i> Цифровое ученичество в традиционных ремеслах как феномен социального бытия в эпоху неотрадиционализма	191
<i>Федяев Р. В.</i> Искусственный интеллект и пространство: возможность цифрового социального бытия	200
<i>Габисов М. О.</i> Кризис метанарративов в массовой культуре	206
СЕКЦИЯ 4. НОВЫЕ СОЦИАЛЬНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ УТОПИИ (АНТИУТОПИИ): ЦИФРОВИЗАЦИЯ, ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ, БОЛЬШИЕ ДАННЫЕ, БАЗОВЫЙ БЕЗУСЛОВНЫЙ ДОХОД.....	211
<i>Круткин В. Л.</i> Изображение и воображение среди утопий визуальной культуры.....	211
<i>Андреев Г. С.</i> Утопии не было	217
<i>Брекоткина И. П.</i> «Теология» современного общества в художественном проекте Демиена Херста New Religion	224
<i>Лямина Т. Е.</i> Общественный идеал в романе А. А. Богданова «Красная звезда» и строительство социализма в СССР в 20-х годах XX в.	228
<i>Томильцева Д. А.</i> Этика искусственного интеллекта неоднородна: траектории разделения	234
<i>Шамшурин А. А.</i> Цифровая деконструкция экономической теории Адама Смита: диалектический подход	243
<i>Шляпников В. В.</i> Факторы успешного сотрудничества человека и искусственного интеллекта	251

<i>Уржумцева Н. А.</i> Проблемы технического совершенствования человеческого тела	255
<i>Березкин М. О.</i> Искусство и информация. Переосмысление потребления в эпоху позднего капитализма	261
<i>Халиуллина А. Х.</i> Цифровая цивилизация и достоинство человека: зачем нам безусловный доход?	268

СЕКЦИЯ 1. ФИЛОСОФИЯ НАУКИ ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ СОВРЕМЕННОСТИ

УДК 140.8

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ И СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ НАУКИ: ВОЗМОЖЕН ЛИ ПЛОДОТВОРНЫЙ СОЮЗ?

Орехов Андрей Михайлович

доктор философских наук, профессор
профессор кафедры социальной философии
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов
им. П. Лумумбы», г. Москва
e-mail: orekhovandrey@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена перспективам институционального подхода в современной философии науки. Среди возможных методологических направлений в современной философии науки институционализм и институциональная парадигма зачастую находятся на положении «бедного родственника», а это глубоко неверно. К примеру, институциональная парадигма может стать предпосылкой формирования таких новых направлений как институциональная онтология и институциональная эпистемология. Институциональная онтология – это институциональное направление в современной социальной онтологии, основанное, в частности, на работах Дж. Сёрля, А. Грейфа и Ф. Гуалы. Институциональная эпистемология – это научно-метафорическое обозначение междисциплинарной области исследований, которая ставит перед собой задачу исследовать формальные и неформальные аспекты производства социального знания в обществе (в приоритете – знания, вырабатываемыми непосредственно социально-гуманитарными науками. Институциональная методология, опираясь на последние достижения философии социально-гуманитарных наук, может инициировать появление такие новых отраслей знания, как «институциональная история философии», «институциональная метафизика», институциональная философия науки», «институциональная аксиология».

Ключевые слова: институционализм, институциональная парадигма, институциональная онтология, институциональная эпистемология, институциональная философия науки, Р. Коллинз.

Среди возможных методологических направлений в современной философии науки институционализм и институциональная парадигма зачастую находятся на положении «бедного родственника». Традиционно последние встраиваются в классификацию по типу «индивид – институт – общество», которая указывает на то, какая из этих трех составляющих оказывает первостепенное, самое фундирующее, самое значительное влияние на социальную реальность.

По этому признаку можно выделить три основные методологии:

- 1) социальный атомизм (методологический индивидуализм);
- 2) социальный холизм;
- 3) институционализм.

Социальный атомизм (методологический индивидуализм) – методологическая концепция, ставящая во главу угла интерес и цели отдельного индивида, субъекта; любые коллективные (общественные) действия здесь рассматриваются только как арифметическая совокупность действий и поступков подобных индивидов или субъектов.

Холизм (социальный холизм) – философско-методологическое учение, утверждающее приоритет общества как целого над своими частями и несводимость его к своим частям, – будь то индивиды или институты.

И, наконец, институционализм как среднее, промежуточное звено в данной классификации.

Институционализм (институциональная методология) – это методологическая концепция, рассматривающая развитие общества как эволюцию разнообразных институтов.

Институт в данном случае – определенный тип организации социальной деятельности, связанный с выполнением каких-либо функций; институты – это некие социальные установления, стабильно воспроизводящие себя в человеческом обществе. Что же касается, самой институциональной методологии, то она существует в трех основных формах: институциональный анализ, институциональная концепция и институциональная парадигма.

Институциональный анализ – это введение понятий «институт», «институциональный» и т. п. в общую совокупность концептов и понятий теоретического исследования в социальных науках. Здесь исследователь использует данные понятия, не претендуя на замену самого «языка науки» (его основа, как известно, логические методы исследования, используемые данной наукой) или, говоря иначе, концептуального каркаса данного исследования. Институциональная концепция – это дальнейшее углубление институционального анализа, создание системы обоснованных теоретических обобщений или концептов, использующих принципы институционализма в рамках данной социальной науки. Институциональная концепция означает внедрение институционализма в исследовательское поле социальной дисциплины. Институциональная парадигма – это появление целой совокупности институциональных концепций (теорий), конкурирующих на равных с другими концепциями в рамках данной дисциплины (или на уровне междисциплинарного анализа) и работающих как оппозиция мейнстриму в рамках этой науки [2].

Спор между социальным атомизмом, институционализмом и социальным холизмом – по существу, это спор по поводу того, какая из существующих структурных единиц общества, – конкретный индивид, институт или общество в целом, – формирует саму социальную реальность, гуманитарное пространство социума, в котором существует индивид. Выбор в пользу социального атомизма, институционализма или холизма, – во многих случаях осуществляемый исследователем интуитивно, если не бессознательно, – одновременно реализует и его выбор и в пользу определенной социально-гуманитарной картины мира – «атомистской», «институционалистской» или «холистской». Проблема заключается в том, что большинство философов науки делают выбор в пользу «социального атомизма» или «социального холизма», пренебрегая институционализмом и оставляя его исследование таким частным наукам как экономика, социология или политология. Нам представляется такое положение дел несправедливым в отношении институционализма; оно грешит значительной недооценкой перспектив этой методологии.

К примеру, институциональная парадигма может стать предпосылкой формирования таких новых направлений как институциональная онтология и институциональная эпистемология.

Институциональная онтология – это институциональное направление в современной социальной онтологии, основанное, в частности, на работах Дж. Сёрля, А. Грейфа и Ф. Гуалы. Если суммировать их взгляды, то их можно представить в трех пунктах:

(1) Социальные институты – базовые установления современной социальной онтологии. Изучение институтов позволяет унифицировать социальную онтологию, выстроить ее на единых принципах, сделать гомогенной, но при этом сохранить эластичность и разновекторность поисков в ее исследовательском поле; (2) Теория социальных институтов в социальной онтологии может быть выстроена вокруг: (а) коллективной интенциональности (Дж. Сёрль); (б) координационного равновесия (Ф. Гуала); (в) исторической системы правил, убеждений, норм и организаций (А. Грейф); (3) Идеальный, самый эффективный вариант институциональной социальной онтологии должен содержать в себе элементы: (а) философского дискурса; (б) интенциональности; (и) равновесности; (г) рассматривать институты как стабильные и живучие; (д) утверждать также, что они изменяются и исторически эмерджентны.

Институциональная эпистемология – это научно-метафорическое обозначение междисциплинарной области исследований, которая ставит перед собой следующие задачи:

1 – исследовать формальные и неформальные аспекты производства социального знания в обществе (в приоритете – знания, вырабатываемыми непосредственно социально-гуманитарными науками);

2 – рассмотреть знание как капитал и как интеллектуальную собственность, его производство и воспроизводство, а также интеллектуалов как генераторов подобного знания (например, в интерпретации их как «интеллектуальных собственников»).

3 – проанализировать роль и значение социального эпистемолога как «когнитивного менеджера знания», а также то влияние, какое

оказывают эпистемические ценности этого эпистемолога на его теоретические установки в самой эпистемологии;

4 – исследовать обратное влияние индивидуальных «эпистемологий» и эпистемологических теорий на характер и развитие социальных факторов как факторов «обоснования» эпистемологического знания;

5 – изучить основные способы «обоснования (конституирования)» социально-эпистемологического знания посредством социальных институтов, вырабатывающих это знание;

6 – исследовать институциональные условия для эпистемического доверия и эпистемической справедливости, – в том числе в аспекте обеспечения социального и когнитивного разнообразия.

Но институциональная методология, опираясь на последние достижения философии социально-гуманитарных наук, может инициировать появление такие новых отраслей знания, как «институциональная история философии» [3], «институциональная метафизика», «институциональная философия науки», «институциональная аксиология» и т. п. Все они, на наш взгляд, могут радикально продвинуть не только частную философию социально-гуманитарных наук, но и философию науки в целом.

Список литературы

1. Орехов А. М. Институциональная социальная теория: «поймать черную кошку в темной комнате»? // *Личность. Культура. Общество*. 2009. № 4. С. 101–109.

2. Орехов А. М. К вопросу о предмете и содержании институциональной эпистемологии // *Основы экономики, управления и права*. 2024. № 1. С. 9–13.

3. Коллинз Р. Социология философии: Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск. Сибирский хронограф. 2002. 1280 с.

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ СОВРЕМЕННОСТИ? (ПРОТИВ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОГО АНАРХИЗМА)

Русаков Василий Матвеевич,

доктор философских наук, профессор,
Научный редактор ИД «Дискурс-Пи»

г. Екатеринбург

e-mail: dragonera768@gmail.com

Аннотация. Статья направлена против так называемого «эпистемологического анархизма» в самом широком социокультурном смысле, возвращающего острейший дефицит методологической культуры, разоружающего современное научно-теоретическое познание, создающего благодатную почву для всевозможных форм обскурантизма, религиозного фундаментализма, эзотеризма. Является типичным продуктом «переходных эпох», кризиса прежних традиционных нормативно-ценностных и методологических устоев культуры.

Ключевые слова: эпистемологический анархизм, методологическая культура, рациональность.

Закономерно, что с превращением в индустриальном обществе науки в непосредственную производительную силу, в сфере которой задействованы огромные материально-финансовые ресурсы, неизбежен резкий рост мировоззренческого и методологического интереса к ней: если ранее эти интересы удовлетворялись в рамках философии (по крайней мере – в ее разделе «гносеология»), то теперь выделилась специальная область «философия науки». Наука выступала как образец рациональности. С Античной Греции ее идеалом считалась математика. Со складыванием экспериментально-математического естествознания – в XVII–XVIII вв., нормы и принципы рациональности, принятые в этих отраслях науки, стали рассматриваться как универсальные, как принципы «Разума» вообще.

В последние десятилетия философы, социологи, науковеды все активнее обсуждают проблему рациональности; в философии науки

она стала одной из самых актуальных [1, с. 8–9]. Как мощная социальная институция, наука вторгается в сферу противоборствующих интересов, что порождает как стремления направленные на развитие и прогресс этой отрасли на благо всего человечества, так и попытки ослабления и даже дискредитации ее – под лозунгами «улучшения» ее и придания ей адекватности для нужд «свободного общества: «подготовить почву для вытеснения самих специалистов (учёных) из жизненных центров современного общества» [6].

Одним из наиболее распространенных приемов является использование реальных проблем развивающегося научного познания (что вполне обнаружило себя еще в период научной революции начала XX в.). Во второй половине XX в. такой проблемой стала «научная рациональность», точнее – поиски ее «нового типа». Действительно, представления о «рациональности» («Разуме») претерпевают исторические изменения: «Проблема историчности разума встала понастоящему лишь в последний период»..., хотя «в более широкой философской традиции эта тема возникла в конце XVIII века. До тех пор разум рассматривался как нечто внеисторическое, тождественное себе, как важнейшая характеристика человека как такового» [1, с. 9]. Поиски «идеала» классической и неклассической рациональности привели, как минимум, к трем типам ее: классическому, неклассическому и «постнеклассическому». Ряд философов науки даже предлагают углубить классификацию, указав на существование, по меньшей мере двадцати типов: «Г. Ленк в статье «Типы и семантика рациональности», служащей введением в изданный им сборник статей под названием «К критике научной рациональности», приводит двадцать одно значение термина «рациональность» [1, с. 22].

В итоге получается вполне закономерный вывод: «европейская наука не есть прототип рациональности как таковой, рациональность и научность – не одно и то же» [1, с. 8].

Как справедливо заметил о фундаментальных причинах поисков нового типа рациональности М. К. Мамардашвили «Неклассическая же проблема онтологии ума (или, соответственно, рациональности) уходит своими корнями в те изменения в ней, которые возникают

в XX веке – в связи с задачей введения сознательных и жизненных явлений в научную картину мира» [4, с. 4]. При этом исследователь не мог не подчеркнуть: «Последний шаг, а именно, введение явлений сознания и жизни в физическую картину мира, является весьма проблематичным» [там же].

Именно это «введение явлений сознания и жизни» становится для эпистемологических анархистов излюбленным приемом критики не просто классической, а попросту всякой рациональности. П. Фейерабенд начинает издаലെка: «Разум не является силой, направляющей другие традиции, он сам – традиция, предъявляющая такие же претензии на превосходство, как и любая другая. Будучи традицией, он ни хорош, ни плох – он просто есть» [6, с. 8]. Что имеет в виду под «традицией» автор – то ли традиция спикера британского парламента сидеть «на мешке с шерстью» в память об эпохе «Огораживания» и первоначального накопления (но без упоминания «Кровавого законодательства»), то ли традиция ряда парламентов открывать первую сессию новоизбранного состава представления этого права старейшему парламентарии – не ясно. Чтобы стало понятнее, в чем смысл данного пассажа, читаем далее: «Нет «объективных» оснований для выбора между антисемитизмом и гуманизмом. Однако расизм будет казаться отвратительным гуманисту, в то время как гуманизм покажется банальным расисту» [там же, с. 9]. А потому все «традиции» имеют равные права: «Свободным является общество, в котором все традиции имеют равные права и равный доступ к центрам власти» [Там же]. Однако при таком релятивизме получается, как у Д. Оруэлла: «Все животные равны, но некоторые равнее».

Столь подкупающе простодушный подход давно был замечен в литературе: «обостренное внимание в наши дни к проблеме рациональности, и неудовлетворенность слишком уж далеко зашедшей релятивизацией и «плюрализацией» «истин науки» [1, с. 13], заставляло искать, как это принято в старой доброй методологической культуре – на чем же «свихнулись» авторы подобных конструкций? Отечественный исследователь фиксирует внимание на весьма глубокой проблеме: «Скрещение разных проблем и разных наук привело

к перекрестку, где возникла острейшая необходимость более или менее точного определения понятия наблюдения» и далее – «Иначе говоря, став основным в теоретико-познавательной структуре . . . , понятие наблюдения не только поставило формулировку нашего знания физических явлений в зависимость от результатов исследования сознательного ряда явлений, которые всегда сопровождали и сопровождают исследование первых, но и требует теперь от психологии или от какой-то X-науки, занимающейся теорией сознания, определенных идеализаций и абстракций, способных бросить свет на явление наблюдения в той его части, в какой оно, сам его феномен, уходит корнями вообще в положение чувствующих и сознающих существ в системе природы» [4, с. 3–4].

Научная революция начала XX в. – разработка теории относительности (СТО и ОТО), квантовой механики, открытия в психологии (феномен бессознательного) и социальной психологии (феномены коллективных, групповых психических явлений), культурной антропологии (открытие неевропейских культур) и многие другие, – действительно по-новому заставляли формулировать роль познающего субъекта, его познавательного инструментария (анализ на предмет скрытых интенций), роль культурно-исторического контекста.

Таким образом, со стороны «эпистемологического анархизма» никакие это не вызовы «современности» – сплошная архаика, стремление защитить любое ретроградство (под соусом давно произведенной критики Просвещения и его примитивного рационализма!). Никаких «современных» (в смысле не просто «отвечающих» современным запросам, ставящих проблемы (задачи, требующие решения), которые способны выводить человечество на новые рубежи и уровни познания) вызовов эпистемологический анархизм не представляет, а есть рафинированный обскурантизм, инспирированный «дефицитом методологической культуры» (социокультурные причины чего следует разобратить отдельно).

Список литературы

1. Гайденоко П. П. Научная рациональность и философский разум. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
2. Касавин И. Т. Заблуждающийся разум.
3. Кун Т. Структура научных революций. М., 1972.
4. Мамардашвили М. К. Неклассический идеал рациональности. М., 1994.
5. Никифоров А. Л. Научная рациональность и цель науки / Логика научного познания: актуальные проблемы. М., 1987
6. Фейерабенд П. Наука в свободном обществе. М., 2010.
7. Швырев В. С. Рациональность как ценность культуры // Вопросы философии, 1992, № 6.
8. Швырев В. С. Судьбы рациональности в современной философии / Субъект, познание, деятельность. К 70-летию В. А. Лекторского. М., 2002.

**АПОЛОГИЯ АНТИУНИВЕРСАЛИЗМА,
ИЛИ ЗАЧЕМ НУЖНА РОССИЙСКАЯ КОСМОТЕХНИКА**

Гареев Андрей Александрович,

кандидат педагогических наук,

доцент кафедры «Английский язык»,

«Инженерная графика, профессиональная педагогика

и технология рекламы»,

ФГБОУ ВО «Ижевский государственный технический университет им.

М.Т. Калашникова», г. Ижевск

e-mail: andrei.gareeff@yandex.ru

Аннотация. В статье обосновывается необходимость разработки российской космотехники на основе концепта Юка Хуэя и материале русской философии в связи с политическими, экономическими и социальными вызовами отношения к современной технике. Под космотехникой понимается укорененность понятия техники в смысловом поле культуры или цивилизации. Делается краткий историко-философский обзор развития универсалистского понимания техники, с которым борется концептуальная «локальность» космотехник. Также рассматривается критическая традиция в философии техники, ставящая вопросы о бытии, процессуальности, историчности техники и ее неразрывной связи с локальной космологией. Подробнее рассмотрены идеи Ж. Симондона, Б. Стиглера и Ю. Хуэя, актуализированные современными философскими дискуссиями. Необходимость концептуальной проработки космотехники в России обусловлена как локальностью самого концепта Юка Хуэя, так и геополитическими вызовами перед Россией в контексте ее технологической модернизации.

Ключевые слова: техника, российская космотехника, Юк Хуэй, Жильбер Симондон, универсализм, бытие техники.

Современный мир переживает явный кризис в отношениях с техникой. На политическом уровне он, помимо прочего, проявляется как технократия – власть систем из экспертов, сводящих сложные общественные вопросы к сугубо техническим задачам оптимизации.

На социальном – как тотальная зависимость от цифровых интерфейсов, которые «кормятся» персональными данными, вниманием и социальными связями пользователей. На экономическом – как надзорный капитализм (в терминах Ш. Зубофф), превращающий процессы жизнедеятельности в средство для извлечения прибыли технологическими корпорациями [1]. Критика, направленная на все эти феномены, безусловно необходима. Однако часто она остаётся поверхностной, борясь скорее со следствиями, чем с причиной. Политико-экономическая и социальная критика в некотором смысле забегает вперед, не успевая задаться вопросом: что есть техника *сама по себе*, раз она приводит к таким последствиям? Ответ требует выхода за пределы социально-политической критики в сферу онтологии. Только поняв, как современная техника *есть*, ее *бытие*, можно наметить путь к её иному, освобождающему, как завещал М. Хайдеггер, пониманию [2]. Этот путь, намеченный в философии Жильбера Симондона и Бернара Стиглера и радикально развитый сегодня Юком Хуэем, ведёт к концепту космотехник, ставя перед каждой культурой и цивилизацией, включая российскую, задачу разработки своей собственной, аутентичной (в терминах экзистенциалистов), технической рациональности.

Чтобы понять специфику современной техники, необходимо вернуться к её истокам. В античности понятие *технэ* связывалось не столько с созданием вещей, сколько с особым видом знания, умения, искусства. Причем этот вид знания предполагает определенные отношения *власти*. Так, для Платона искусство управления кораблем служило моделью для искусства управления полисом [3]. Такое, техническое знание обосновывало политическую власть, закладывая основы современного понятия технократии. Аристотель же, разводя платоновское *технэ* и *фронеzis* – как практическую мудрость и рассудительность, пытался ограничить сферу технического [4] (много позднее похожий шаг делает Ю. Хабермас, чтобы защитить от нее сферу коммуникации). В Новое время это различие кануло в лету.

В свою очередь проект модерна, сформулированный Ф. Бэконом и Р. Декартом, редуцировал разум до *инструментального расчёта*, а природу – до объекта покорения [5]. Во многом это связано с чрезмерным почитанием математики в западной науке и философии. В этом контексте техника стала главным орудием Прогресса, понимаемого как безграничное расширение господства *ratio*.

Кризис модерна в XX веке был осмыслен как кризис самого *способа бытия техники*. Так, Мартин Хайдеггер показал, что современная техника – не инструмент, а *Gestell* («постав») – способ раскрытия мира исключительно как ресурса для расчёта и потребления и поэтому являющийся нашей всеобщей исторической судьбой. Со своей стороны Франкфуртская школа диагностировала такую техническую рациональность как тотальную идеологию, подавляющую критическое мышление. Другими словами, критическая традиция указала на онтологическую глубину проблемы: техника определяет не только то, как мы действуем, но и то, *кто мы есть* и *как нам является мир*.

Прорыв в понимании бытия техники, обнаруженный при том лишь на рубеже XX–XXI вв., был совершен Жильбером Симондоном, отказавшимся видеть в технике готовый объект, «индивида». Он предложил рассматривать технику как *процесс индивидуации*. Технический объект (например, двигатель) не дан нам изначально: он *конкретизируется* – эволюционирует, разрешая напряжения между абстрактным чертежом и материальной средой. При этом ключевое открытие Симондона в том, что человек и техника индивидуализируются *совместно*, в едином процессе *трансиндивидуации*. Поэтому и отчуждение возникает не от техники как таковой, а от разрыва живой связи с ней. В этом смысле Симондон переворачивает привычное, идущее от Маркса рассуждение: не техника отчуждает и поработачает нас, а мы, понимая ее только как нейтральный инструмент в наших руках, пытаемся ее контролировать, следствием чего уже является наше отчуждение от техники. Интересно, что способом восстановления единства, реконвергенции, человека и техники, субъекта и объекта, Симондон считает философию, от которой ожидается так называемая технофания – процесс реинтеграции техники в культуру [6].

Бернар Стиглер развил эту мысль, добавив к ней темпоральное измерение. Он принимает антропологическую позицию, согласно которой человек – существо по природе недостаточное, чью биологическую неопределённость восполняет техника как «протез». Один из важнейших технических протезов – память, технически усиленная изобретением письменности и сегодня воплощённая в цифровых носителях и облачных сервисах. Будучи внешней, техника де факто *производит* человеческое *время*, историю, культуру. Однако, Стиглер дополнительно вводит концепт *фармакона*: любая техника является одновременно и ядом, и лекарством. Так, механические часы могут стать как инструментом эксплуатации и контроля рабочего на заводе, так и помогать тому же рабочему организовывать свою жизнь. Результат зависит от того, в какую *органологическую схему* – сочетание психических, социальных и технических институтов – техника включена. В терминах Стиглера современный кризис можно описать как кризис наследования – следствие контроля органологических схем капитализмом, который систематически нарушает непрерывные процессы внимания и образования смыслов, превращая технику в инструмент «деиндивидуации».

Здесь решающий поворот совершается концепцией Юэка Хуэя, нечасто обсуждаемого современными отечественными философами [7]. Хуэй принимает тезисы Симондона и Стиглера, но рассматривает их в *космологическом* контексте. Он утверждает, что западная техника выросла из особой метафизики, основанной на дуализме субъекта и объекта, человека и природы, ориентированной, в определенном смысле бессознательно, на господство и контроль¹. Однако забывается, что этот путь – не универсальный, а лишь один из возможных, путь антиуниверсализма.

С целью указания на возможность других путей модернизации Хуэй вводит понятие *космотехник*. В отличие от западного концепта

---

¹ Так объясняет логику Хуэя Н. Н. Сосна: «Техника обитает в реальности, которая намного больше, чем она сама. Незнание этой реальности приводит к полному господству техники, а значит, и к господству определенной формы жизни и образа мышления» [8].

техники, космотехника – это не инструмент покорения, а техническая практика, укоренённая в конкретной космологии. Под космосом здесь понимается целостная, упорядоченная система отношений и смыслов, связывающая людей, вещи, ландшафт и природные явления. Так, в китайской традиции, в китайском «космосе», архитектура, календарь и медицина были космотехниками – способами поддержания гармонии между небесным и человеческим порядками, сохранения энергии ци (气). Похожую укорененность техники в мире смыслов и метафизических высказываний можно обнаружить в концепте *технотеологии* исследователя творчества Симондона М. Куртова: в нем отражается связь, или контур (в терминах гештальт-теории), между техникой как фигурой и религией как, соответственно, фоном [9].

Из этой логики напрямую вытекает принцип *техноразнообразия* (technodiversity): если техника есть часть локального космоса, то разные космологии порождают разные наборы (космо)техник [10]. Множественность техник – не отклонение от нормы, а естественное состояние, исторически подавлявшееся универсалистской экспансией западной науки и техники. Задача, следовательно, не в том, чтобы найти единственно верную технику, а в том, чтобы освободиться от этого наивного универсализма и развить множественность космотехнических путей.

Так зачем же нужна *российская космотехника*? Дело в том, что логика космотехники приводит к неизбежному выводу: не может быть осмысленной модернизации только через импорт чужой технической рациональности, в частности техник и технологий из-за рубежа (вспомните пример импортозамещения). Такая практика ведёт к культурному околошизофреническому разрыву, который Хуэй отмечает в истории и современности процесса модернизации Китая: общество живёт в одной космологии – определенных «пропорциях» *ци* и *дао*, одной системе ценностей, со своими представлениями об истории и культуре, однако использует технику, возникшую из другой, часто не сочетаемой с ней космологии [11]. Именно этот онтологический разрыв ведет к чувству отчуждения, неправильности выбранного пути прогресса, сопровождающегося экологическими и социальными угрозами.

Следовательно, каждая культура, стремящаяся к суверенному развитию, стоит перед необходимостью осмысления собственной космологической матрицы и выявления *имманентного* ей технического потенциала. Для России этот вызов звучит особенно остро. Многократные попытки догоняющей модернизации через заимствование западных технологических проектов – со времен Петра I до современной цифровой экономики – приводили к общественным недовольствам и кризисам. Однако в самой русской философской традиции – например, космизме (Фёдоров, Циолковский) и софиологии (Флоренский, Булгаков) – содержится огромный потенциал для осмысления особой, характерной для нашей страны связи человека, техники и космоса. В частности, здесь техника мыслится не как орудие покорения, а как орган преобразования мира, средство преодоления разладов и установления всеединства, гармонизации земного и божественного.

Итак, техника, как пишет Хуэй, сегодня является «главным полем битвы, где различные национальные государства вступают в конфликт» [10, с. 2]. В частности, соперничество за передовые разработки в сфере искусственного интеллекта, дизайна сетей 6G, квантовых компьютеров имеет первостепенный геополитический вес для крупнейших игроков, таких как Китай, США, Европейский союз и Российская Федерация. В этом современном социо-политическом контексте разработка российской космотехники становится не уходом в историзм или проявлением национализма: Хуэй как раз предостерегает от геополитической изоляции и говорит о необходимости диалога и обсуждения технологий в современных реалиях [10]. Это прежде всего практическая, философско-инженерная задача, вытекающая из онтологического понимания техники. Она предполагает синтез критического наследия мировой мысли (в первую очередь от Симондона до Хуэя) с глубокой реконструкцией и актуализацией собственных космологических интуиций. Другими словами, цель проекта космотехники в России – не столько создать «русский айфон», сколько сформулировать и воплотить в конкретных практиках и технологиях *свой* способ отношения к миру, бытия-в-мире, так что техника будет служить не отчуждению и контролю, а углублению связи человека с природой, историей, обществом и локальным космосом.

Список литературы

1. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М.: Издательство Института Гайдара, 2022. 784 с.
2. Гареев А. А. К актуальности философии техники Хайдеггера // Вызовы современного мира в рамках социально-гуманитарного знания. В поисках альтернативы: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции, Ижевск, 28–29 февраля 2024 года. Ижевск: ФГБОУ ВПО «ИжГТУ имени М.Т. Калашникова», 2024. С. 657–661.
3. Платон. Государство // Собрание сочинений : в 4 т. / пер. с др.-греч. А. Н. Егунова; под. общ. редакцией А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи; вст. статья и ст. в прим. А. Ф. Лосева; прим. А. А. Тахо-Годи). 2-е изд., перераб. и доп. М.: Мысль, 1994. Т. 3. С. 79–420.
4. Аристотель. Никомахова этика / Аристотель; пер. с др.-греч. Н. Брагинской. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. 448 с.
5. Dusek V. Philosophy of technology: An introduction. Oxford: Blackwell, 2006. 244 p.
6. Хуэй Ю. Возвращаясь к технофании // Философско-литературный журнал «Логос». 2025. Т. 35. №. 4. С. 133–150.
7. Зашихина И. М. ChatGPT и метафизика искусственного интеллекта: идеи Юка Хуэя о технологиях будущего // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2025. Т. 25. №. 5. С. 118–128.
8. Сосна Н. Н. «Нескончаемый гуманизм», «природный» космополитизм // Философский журнал. 2023. Т. 16. №. 3. С. 118 – 131.
9. Куртов М. Другие весы: Симондон и технотеология // Философско-литературный журнал «Логос». 2025. Т. 35. №. 4. С. 87 – 129.
10. Yuk Hui. Machine and Sovereignty: For a Planetary Thinking. Minneapolis: Univ. Minnesota Press, 2024. 352 p. URL: <https://doi.org/10.5749/9781452973685>.
11. Хуэй Ю. Вопрос и технике в Китае. Эссе о космотехнике. М.: Ад Маргинем Пресс, 2023. 320 с.

ПРОБЛЕМА ФЕНОМЕНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ В АСПЕКТЕ ЗАДАЧ СИЛЬНОГО (ОБЩЕГО) ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Ковалев Максим Александрович,

кандидат философских наук, академический советник,
Российская инженерная академия,

г. Москва

e-mail: kovalev_maksim@outlook.com

Аннотация. Несмотря на то, что проблематике искусственного интеллекта сегодня насчитывается уже более 70 лет, на сегодняшний день остается нерешенным целый ряд проблем, препятствующих инженерной реализации систем сильного (общего) искусственного интеллекта. Одной из таких нерешенных проблем остается проблема сознания, и экспликации понятия феноменальных состояний в аспекте конструктивизма. По нашему мнению, без построения соответствующего теоретического каркаса, обеспечивающего построение конструктивных объектов кибернетики (в понимании этого Кнудом [6]), невозможно решить задачу построения системы сильного (общего) искусственного интеллекта. Одной из ключевых задач является необходимость понимания того, как могут быть представлены феноменальными состояниями с точки зрения их реализации в качестве таких конструктивных объектов.

Ключевые слова: сильный искусственный интеллект, сознание, феноменальные состояния, феноменальные свойства, квалиа, конструктивизм.

В качестве «основной идеи» эпистемологического конструктивизма указывает В. А. Лекторский [7], является тезис о том, что «знание что» сводится к «знанию как». Вы можете утверждать о том, что знаете что-то о каком-либо предмете только в том случае, если можете построить это. Отсюда следует, что построить систему сильного (общего) искусственного интеллекта без реализации подсистемы, реализующую сознательную деятельность.

В 2009 году Том Метцингер заявляет о возникновении в ходе эволюции нового, «неаппаратного» органа – сознания. По его мнению, можно сказать, что в ходе эволюции произошло возникновение «нового вида органов» [1], где «феноменальные состояния представляют собой нейровычислительные структуры» [1].

Одним из наиболее перспективных направлений, по нашему мнению, являются теории, основывающиеся на теории функциональных систем (ТФС) П. К. Анохина [5], П. В. Симонова [8], Б. В. Швыркова [9] и системно-эволюционный подход (СЭП) Ю. И. Александрова. Сознание и сознательная деятельность здесь ассоциируется с информационной составляющей, которая представляется собой некоторую систему, только частично редуцируемую к нейронному корреляту. При этом как верно замечает Ю. И. Александров [4]:

«... при анализе решения Д. Чалмерса сразу возникает закономерный вопрос: какой именно информационный процесс обладает таким свойством?».

По нашему мнению, обращение к информационной теории требует от двухаспектных теорий (ТФС и СЭП, в частности) постулирование особого региона бытия и особого рода сущего – сознания как особой формы существования знания о мире, а также «места», где должны существовать эти процессы.

Безусловно, особую трудность здесь представляет собой проблема понимания концепта информации. Однако, обсуждение данного вопроса выходит за рамки настоящего исследования.

В свою очередь, сознание, понимаемое В. А. Лекторским как «состояние психической жизни индивида, выражающееся в субъективной переживаемости событий внешнего мира и жизни самого индивида, в отчете об этих событиях»², с необходимостью связано с актами восприятия, проблематикой феноменальных состояний, такими

---

²<https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01089449209fc347f3553108>

понятиями, как феноменальные чувства и феноменальные данные (например, в понимании Дж. Э. Мура [2] или Генри Прайса [3]).

К этому необходимо добавить, что проблематика феноменальных состояний и чувственных данных по необходимости связана с пониманием «квалиа». Если квалиа призваны прежде всего ответить на вопрос «каково это быть?» (т. е. с точки зрения не только типа воспринимающего субъекта, будь то человек или летучая мышь, но и конкретного индивида), то дискурс о чувственных данных направлен на понимание того, что, собственно, воспринимается и каковы возможные формы этого процесса.

Руководствуясь всем вышеизложенным, сознание может быть представлено прежде всего как некоторый информационный процесс. Одной из наиболее значимых проблем становится вопрос о том, что должны представлять собой эти феноменальные структуры, а также каков сам информационный процесс, включающий в себя множество феноменальных состояний и некоторых механизмов, обеспечивающих процедуры их возникновения и формирование суждений, возникающих на основании полученных чувственных данных.

Таким образом, инженерная реализация подсистемы, реализующую функциональность сознания, обеспечивающую переживаемость связанных с этим событий, должна включать в себя а) базы возможных феноменальных состояний, б) базы правил оперирования феноменальными состояниями по аналогии с «генетическими программами жизненного цикла» в понимании этого, например, Б. В. Швырковым

Список литературы

1. Metzinger T., The Ego Tunnel, The ego tunnel: the science of the mind and the myth of the self, NY.: Basic Books, A Member of the Perseus Books Group, 2009, p. 58
2. Moore G.E. Some Main Problems of Philosophy. London: Allen & Unwin, 1953.
3. Price H. H. Perception. London: Methuen & Co. Ltd., 1932.
4. Александров Ю. И., Системно-эволюционный подход: наука и образование., Культурно-историческая психология, 5(4). С. 33–43.

5. Анохин П. К. Избранные труды. Философские аспекты теории функциональной системы., М.: Издательство «Наука», 1978.
6. Кнут Д. Э., Информатика и ее связь с математикой / Современные проблемы математики. Сб. статей. М.: Знание, 1977. С. 4–32.
7. Лекторский В. А., Можно ли совместить конструктивизм и реализм в эпистемологии / Конструктивизм в теории познания. М.: ИФРАН, 2008. С. 31–42.
8. Симонов П.В. Эмоциональный мозг. СПб.:Питер, 2022.
9. Швырков В. Б. Введение в объективную психологию: Нейрональные основы психики: Избранные труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.

ПРЕДМЕТНЫЙ СМЫСЛ КАК МОСТ ОТ МАТЕМАТИЧЕСКОГО ФОРМАЛИЗМА К НАУЧНОЙ ТЕОРИИ

Ломаев Степан Леонидович,
кандидат физико-математических наук,
старший научный сотрудник,
ФГБУН «Удмуртский федеральный исследовательский центр
УрО РАН», г. Ижевск
e-mail: lomayevst@ya.ru

Аннотация. Статья посвящена разработке концепции предметного смысла научной теории как результата артикуляции ансамбля волевых единиц. Предметный смысл рассматривается не как абстрактная семантическая структура или психологический феномен, а как онтическая и гносеологическая процедура, через которую математический формализм соотносится с концептуализированным опытом. Ансамбль волевых единиц определяется как совокупность элементов системы, чьи взаимодействия, ограничения и синергии формируют устойчивую структуру предметного смысла. В статье обсуждается трансцендентно-гносеологический характер подхода, его отношение к логическому позитивизму и проблеме анимизма в научных теориях, а также расположение между кантовской и хайдеггеровской традициями. Предлагаемая концепция показывает, что предметный смысл является необходимым условием существования научной теории и позволяет философски осмыслить практику современной науки.

Ключевые слова: предметный смысл, ансамбль волевых единиц, артикуляция, математический формализм, концептуализация, интерпретация, гносеология, физическая теория, Стандартная модель, термодинамика, равновесие, онтика, трансцендентно-гносеологический подход.

Предметный смысл в научной практике отличается от философских трактовок смысла, которые были разработаны Делёзом [1] или Смирновым [2]. В математизированных науках, таких как физика или эко-

номика, предметный смысл понимается не как абстрактная семантическая конструкция, а как особый уровень онтической интерпретации, на котором формируется поле осмыслений математического формализма.

В актуальной научной практике математические уравнения никогда не существуют изолированно от предметного смысла, который связывает их с соответствующим полем объектов, в результате чего уравнения обретают предметную направленность и предсказательную силу. Решение любой физической задачи представляет собой не только поиск искомых чисел или их диапазонов, но и определенный сюжет взаимодействия физических объектов: описание как именно частицы притянулись и оттолкнулись друг от друга, тела просоударялись, волны проинтерферировали, а замкнутые системы пришли к равновесию. Оставим пока за скобками вопрос о том, реальны ли эти частицы, тела, системы или же как-либо сконструированы, зафиксируем лишь то, что физические объекты обладают определенной самостью или, говоря словами Спинозы, конатусом.

Если взглянуть в основания современных физических теорий, можно отметить, что существование физического объекта в рамках научного описания только так и возможно, как некоего единого, обладающего собственным конатусом. Причем конатус объекта связывается в них не столько с пространственной локализацией, сколько с потенцией к взаимодействию с другим объектом. Так, например, в Стандартной модели теории квантового поля нет представлений об элементарных частицах как о чем-то, имеющем четкие пространственные границы. У элементарных частиц четко определен только **набор квантовых чисел** внутреннего типа (заряд, спин, масса, лептонный/барионный заряды). Именно этим набором определяется сущность той или иной элементарной частицы, в соответствии с ним частице дается имя (электрон, мюон, фотон и пр.) и определяются возможные сюжеты взаимодействия данной частицы с другими, имеющими другие заряды.

Следуя мыслям отцов натурфилософии, таких как Эмпедокл, или современных социологов науки, таких как Латур, мы можем рассматривать движение элементарных частиц как игру Любви (Φιλότης)

и Ненависти (Νεῖκος) или наблюдать их в рамках создаваемого коллектива людей и «не-людей», где частицы становятся участниками акторной сети. В обоих случаях в основе объяснения неизменно лежит представление о некоем другом – акторе, актанте, монаде, единице – обладающем собственной потенцией к направленному действию, будь то интенция, источник силы или воля, и именно через это понимание мы можем продвинуться к ответу на вопрос, какая сущность обозначена этим набором квантовых чисел. Чтобы избежать ненужных нам коннотаций воспользуемся терминологией Ницше, и сформулируем данную мысль следующим образом: в основаниях физической теории объекты представляемы как **волевые единицы**. В Стандартной модели волевые единицы представлены как элементарные частицы, однако в других разделах физики в качестве волевых единиц могут выступать тела, волны и даже конфигурации (например, дефекты кристаллической решетки).

Назовем множество, в котором представлены все возможные способы взаимодействия волевых единиц, ансамблем, а предметный смысл научной теории – результатом артикуляции ансамбля волевых единиц. Артикуляция здесь понимается не как конструирование или изобретение сущностей, а как процедура выделения, распознавания и введения в научную теорию ансамбля волевых единиц, необходимого для концептуализации и предметного осмысления эмпирического опыта.

Концептуализация в таком подходе понимается как стабилизация различий и функциональных ролей внутри артикулированного ансамбля волевых единиц в форме понятий. Понятия при этом не навешиваются на «готовый мир» и не выводятся непосредственно из математического формализма, а фиксируют способы действия, ограничения и возможности волевых единиц, делая ансамбль устойчиво мыслимым и воспроизводимым в научном дискурсе. Такие понятия, как «частица», «квант поля» или «заряд», служат средствами концептуального удержания различий в волевых структурах и формах их взаимодействия.

Интерпретация представляет собой второй, производный шаг по отношению к артикуляции ансамбля волевых единиц и заключается в соотнесении математического формализма с возможными сюжетами взаимодействия внутри этого ансамбля. Интерпретировать формализм означает выявить, какие сценарии взаимодействия волевых единиц он описывает и какие формы ограничения одной воли другой в нём зафиксированы. Такая интерпретация не является произвольной семантической процедурой, поскольку она строго ограничена структурой артикулированного ансамбля, допустимыми в нём формами взаимодействия и практикой научной работы. В этом смысле интерпретация выступает не как перевод формул в слова, а как встраивание формализма в онтическую картину действий, сопровитлений и согласований, посредством которых теоретическая модель или решенная задача получает предметный смысл.

В качестве разъясняющего примера обратимся снова к Стандартной модели физики элементарных. На сегодняшний день ансамбль волевых единиц здесь представлен в виде семнадцати фундаментальных частиц (не считая античастиц), и весь физический мир представлен как многообразие сюжетов их взаимодействия. Любая модель, физическая задача или интерпретация эксперимента строится как один из возможных сюжетов их взаимодействия. Как возможность, так и вероятность сюжета определяется законами квантовой физики, математически формализованными в уравнении Шрёдингера.

Отдельно следует подчеркнуть, что предлагаемый подход не является какой-либо формой обновлённого психологизма и не предполагает редукции научного знания к субъективным состояниям сознания или индивидуальным ментальным актам. Артикуляция ансамбля волевых единиц понимается здесь не как психологический процесс, а как неустранимая и коллективно воспроизводимая процедура научного мышления, укоренённая в реальной практике построения, использования и интерпретации теорий. Речь идёт не о том, что научные структуры выводятся из психики субъекта, а о том, что предметный смысл не может возникнуть иначе как через онтическую артикуляцию активных единиц, посредством которой математический формализм

соотносится с концептуализированным опытом. В этом смысле неизбежность данной процедуры связана не с особенностями индивидуального сознания, а с самим способом человеческого мышления в науке, что принципиально отличает рассматриваемую позицию как от психологизма, так и от редукционистского формализма.

Под онтической артикуляцией в данном контексте понимается процедура выделения и удержания конкретных волевых единиц как сущих научной теории на уровне предметного смысла, который не сводится ни к эмпирическим данным, ни к субъективным психологическим актам. В таком контексте артикуляция ансамбля волевых единиц логически и структурно предшествует онтологическим обобщениям.

Предлагаемая позиция носит трансцендентально-гносеологический характер, поскольку она формулирует не утверждение о структуре бытия как такового, а условие возможности научной теории как формы знания. Утверждение о необходимости артикуляции ансамбля волевых единиц не означает, что реальность в себе состоит из таких единиц, но указывает на то, что без их артикуляции теория не могла бы обрести предметную определённую и осталась бы пустым формализмом. Тем самым задаётся условие существования теории – не в онтологическом, а в гносеологическом смысле: теория возможна лишь постольку, поскольку математический формализм получает «плоть», то есть включается в онтическую структуру предметного смысла.

Онтологический уровень в данном подходе не отрицается, но рассматривается как производный и вторичный по отношению к глубинной гносеологической процедуре. Онтологические обобщения возникают лишь после того, как осуществлена артикуляция ансамбля волевых единиц и стабилизированы формы их взаимодействия, позволяющие говорить о сущем в рамках конкретной теории. Иными словами, онтология в науке возможна только через предметный смысл и не может быть достигнута путём чисто формального или априорного рассуждения. Это принципиально отличает рассматриваемую позицию как от наивного реализма, так и от редукционистского формализма.

Глубинная гносеология фиксирует уровень, на котором научное мышление неизбежно работает с «плотью теории», а не только с её

формальной структурой. В этом отношении предлагаемый подход занимает промежуточное, но строго определённое положение между кантовской и хайдеггеровской традициями. Подобно Канту, он утверждает трансцендентальный характер условий возможности знания, однако эти условия понимаются не как формальные структуры сознания, а как практики артикуляции, укоренённые в реальной научной деятельности. Подобно Хайдеггеру, он признаёт приоритет онтического уровня перед онтологическими обобщениями, но переносит этот тезис в контекст философии науки, где речь идёт не о бытии вообще, а о способах существования теории как осмысленного описания сущего.

Хотя предлагаемая позиция не является прямым продолжением логического позитивизма, она с уважением относится к его стремлениям изгнать из науки любые намёки на анимизм – стремлению, которое, как показывает практика, обречено оставаться идеалом. Глубинная гносеология идёт иным путём: она признаёт неизбежность этого «анимистического» слоя и делает его предметом философского анализа, подчеркивая, что пока научное сообщество остаётся сообществом людей, любая теория требует учёта предельных возможностей коллективного познания. Математизированная теория обретает «плоть» только через онтическую артикуляцию ансамбля волевых единиц и возможных сценариев их взаимодействия. Глубинная гносеология не возвращает метафизику и не сводит науку к психологии отдельных индивидов; она философски освещает то, что фактически всегда присутствует в реальной научной практике, но редко оказывается предметом явной теоретической рефлексии.

Список литературы

1. Делёз Ж. Логика смысла / пер. с фр. Я. И. Свирского; науч. ред. А. Б. Толстов. М.: Академический проект, 2011. 472 с.
2. Смирнов А. Логика смысла как философия сознания: приглашение к размышлению. 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯСК, 2021. 448 с.

ФЕНОМЕН ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ГОРИЗОНТЕ СМЫСЛОТВОРЧЕСТВА: СИМУЛЯКР И МЫСЛЬ

Полякова Наталья Борисовна

кандидат философских наук, доцент,
заведующая кафедрой философии и гуманитарных дисциплин,
институт истории и социологии,
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,
г. Ижевск
e-mail: midies@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена философскому анализу возможности создания смысла искусственным интеллектом. Автор утверждает, что современные языковые модели генерируют лишь убедительные симулякры смысла, оставаясь в состоянии «герменевтической бедности». ИИ не понимает значения знаков, а лишь манипулирует ими по формальным правилам, что демонстрирует аргумент «Китайской комнаты» Дж. Сёрла. Существенное различие лежит между операциональной обработкой данных ИИ и подлинным смыслотворчеством, укоренённым в экзистенциальном опыте и ценностном контексте человеческого жизненного мира. Ключевой парадокс заключается в восприятии статистической нейтральности ИИ как объективности, что ведёт к некритичной легитимации его выводов. Эта иллюзия объективности материально обусловлена интеграцией ИИ в структуры «надзорного капитализма» (Ш. Зубофф), где симулякры смысла служат инструментами эпистемической манипуляции и поведенческого контроля. Через призму философии М. Хайдеггера и Ю. Хабермаса автор показывает, что ИИ воплощает «инструментальный разум» и логику «системы», колонизирующей «жизненный мир». Вместо приписывания ИИ способности к творчеству предлагается рассматривать его в аугментативной возможности – как инструмент, расширяющий когнитивные возможности человека. Окончательный вывод подчёркивает этико-политическую природу вызова: технология должна служить углублению человеческого понимания, а не редукции смысла к управляемой симуляции.

Ключевые слова: симулякр, смыслотворчество, инструментальный разум, надзорный капитализм, колонизация жизненного мира.

Современная эпистемологическая ситуация, конституируемая возникновением больших языковых моделей, актуализирует не столько вопрос о технической миметической способности машин, сколько фундаментальную проблему возможности подлинного генезиса смысла в не-человеческом агенте. За виртуозностью лингвистической комбинаторики и статистическим предсказанием скрывается онтологическая пропасть между информационной обработкой и рождением смысла, укоренённого в жизненном мире, экзистенциальном опыте и интересубъективном ценностном контексте. Анализ этой проблемы неизбежно входит в плоскость ценностного измерения и критики современных цифровых парадигм.

С точки зрения своей операциональной сущности, ИИ не творит смыслы, но вычисляет вероятностные цепочки знаков. Его кажущееся «понимание» есть эпифеномен сложности алгоритмов, что находит своё строгое обоснование в аргументе «Китайской комнаты» сформулированного Дж. Сёрлом: манипуляция синтаксисом, то есть по формальным правилам без относительно к их семантике и референции, исключает интенциональность [1]. ИИ – это идеальный обитатель такой комнаты: он комбинирует символы, не имея доступа к их референциям в реальном мире, к жизненному опыту, который только и наделяет знаки смыслом. Таким образом, ИИ пребывает в состоянии радикальной герменевтической бедности, производя симулякры смысла (Ж. Бодрийяр). Это, по сути, убедительные репрезентации данных, лишённые феноменологического наполнения.

Ценностное измерение данной проблемы раскрывается в диалектике между усреднённой, формальной природой тренировочных данных и неизбежной интерпретативной деятельностью пользователя. Данные, будучи продуктом агрегации, позиционируются как нейтральные, однако они имплицитно несут в себе все антагонизмы и предубеждения общественного целого, включая всё многообразие культурных кодов, представленных в языковых структурах. Пользователь, наделяя выдаваемые ИИ конфигурации символов субъективными и социальными смыслами, актуализирует скрытые в данных ценностные структуры, зачастую репродуцируя дискриминационные

паттерны. Сам же ИИ остается нейтральным в передаче данных, он не несет смысл как некий значимый ценностный аспект информации. ИИ выступает отражательной поверхностью, без содержательной, но оказывающей воздействие. Будучи «зеркалом», он воспроизводит, а считывающий пользователь сформировавший изначальный вопрос, получив ответ, ссылается на представленные информационными системами данные, своей интерпретацией усиливает этические проблемы, закрепляя стереотипы и дискриминационные практики.

Сама «нейтральность» как понятие по своему содержанию предполагает «ни то, ни это» и, одновременно, «и то, и другое». Это значит, что в ней в равной мере заложена возможность как отрицать, так и утверждать полученные от ИИ данные. По этой причине, на наш взгляд, создаваемый ИИ эффект считывается пользователями-вопросающими как смылосодержащий. Речь не может идти о генерировании смыслов технологическими устройствами, запрограммированными исключительно рассчитывать повторяемость данных, базируясь на LLM.

Здесь логически открываются два момента. Первый, как некая причина, заключается в том, что высчитанный ИИ усредненный показатель базируется на регистрации количественных показателей, фиксирующих повторяемость, посещаемость, просмотры и тому подобные способы формирования данных. Такой процесс расчета ценностно нейтрален, а точность ему приписывается благодаря использованию современного программирования, самообучаемости ИИ на основе LLM. Отсюда второй момент, как некое следствие, усугубляющее ситуацию, – ИИ не различает правдивую и ложную информацию и ориентируется лишь на количественную повторяемость. И причина, и следствие указывают на отсутствие и невозможность ИИ понимать (!) культурную, контекстуальную значимость и смысловую приоритетность информации. В то же время, в качестве положительного логического хода этих рассуждений фиксируется достигаемая такими способами нейтральность. Она стала пониматься в научных и других социальных сообществах как объективная независимость, а потому статистическая доказательность.

Таким образом, парадокс заключается в том, что мнимая нейтральность ИИ воспринимается как объективность, что легитимирует его выводы, несмотря на отсутствие у машины способности к смысловому различению.

Эта иллюзия объективности материально детерминирована. ИИ, как отмечает К. Кроуфорд, не есть абстракция, но материальная система, вплетённая в глобальные политические экономики, цепочки поставок и социальные иерархии [2]. Его симулякры смысла, следовательно, несут на себе отпечаток этой укоренённости, остающейся непрозрачной для конечного реципиента или пользователя.

Квинтэссенция данного анализа кристаллизуется в суровом выводе Ш. Зубофф: «Инструментальная сила побеждает смысл, а извлечение выгоды вытесняет удовлетворение человеческих потребностей... Речь идет о сосредоточении информации и власти, знающей и решающей за нас, лишая нас права на будущее, которое по праву принадлежит нам» [3]. В этом суждении обнажается метафизический конфликт эпохи: противостояние между инструментальным разумом (в философии М. Хайдеггера это рациональный разум науки, который не мыслит), сведённым к калькуляции и эффективности, и смыслополагающим разумом (мышлением, по М. Хайдеггеру), укоренённым в ценностях и конечных целях бытия. В свете этого генерация ИИ предстаёт не как творческий акт или «поэзис» (А. Бадью), но как апофеоз инструментализации – процесс, в котором сама возможность смысла подменяется операциональной эффективностью его симуляции.

Продуцируемые алгоритмами симулякры «смыслов» ориентированы не на герменевтический диалог или раскрытие истины, но на тонкую эпистемическую манипуляцию. Их имманентная цель – удержание внимания, формирование предсказуемых поведенческих паттернов, редукция сложности человеческой свободы к управляемым вероятностям. Ценность таких симулякров измеряется исключительно метриками воздействия, что знаменует триумф прагматической эффективности над категориями глубины и экзистенциальной истинности. В этом, по Ш. Зубофф, и проявляется ядро «надзорного капитализма» – экономической логики, присваивающей самый интимный человеческий

опыт, трансмутируя его в поведенческие данные, пригодные для прогнозирования и контроля [3]. Возникает система, где производство знания нацелено не на понимание, а на предвосхищение и детерминацию.

Данный конфликт находит своё глубокое концептуальное отражение в хабермасовской дихотомии «системы» и «жизненного мира» [4]. Если «жизненный мир» представляет собой дорефлексивный горизонт разделяемых значений, консенсуса и коммуникативного действия, направленного на взаимопонимание, то «система» воплощает безличные механизмы системной интеграции – прежде всего, рынка и административной власти, – функционирующие по логике целерациональности и контроля. Современный ИИ, встроенный в логику надзорного капитализма, является чистым воплощением «системы». Он предпринимает тотальную колонизацию «жизненного мира», стремясь редуцировать его спонтанность, интересубъективность и нормативное содержание до исчисляемых и предсказуемых параметров. ИИ способен генерировать прагматически убедительные тексты, однако он принципиально неспособен к со-участию в ценностях, которые рождаются не из вычисления, а из коммуникативного действия – диалога, основанного на взаимном признании автономных субъектов, их искренности и совместном стремлении к интересубъективной значимости высказываний. Таким образом, его вторжение в семантическое пространство есть не расширение коммуникации, а её системное искажение, подмена подлинного понимания – управляемым псевдо-взаимодействием.

Означает ли это, что у ИИ нет позитивной роли в работе со смыслами? Означает ли это тотальную негативность данного техно-социального комплекса? Потенциал снятия этого противоречия лежит не в антропоморфной атрибуции ИИ способности к смыслотворчеству, но в его аугментативной функции, в том, чтобы использовать его для усиления человеческих возможностей. Как отмечал М. Кастельс, производство смыслов есть поле власти [5]. ИИ будет использоваться не только для извлечения выгоды и прибыли, но станет орудием в арсенале человеческого интеллекта для навигации в необъятном пространстве информации, выявления латентных связей, освобождая когнитивные

ресурсы для собственно человеческого акта ценностно-направленного синтеза – подлинного творчества смыслов.

Таким образом, вопрос о «генерировании смыслов» ИИ теряет свою легитимность при признании смысла продуктом интенционального, ценностно-насыщенного сознания, участвующего в коммуникативной практике. ИИ оперирует симулякрами, чья эффективность есть мера их инструментальной силы, а не истинности. Как предупреждала Ш. Зубофф, «власть над производством смыслов – это власть над самим онтологическим и моральным основанием общества» [3]. Ключевой вызов, следовательно, заключается не в том, чтобы научить машины создавать смыслы, а лежит в этико-политической плоскости. Иначе говоря, возможно ли построение таких социальных формаций, в которых технологическая мощь будет служить не редукции, а углублению и обогащению человеческого понимания, защищая саму возможность аутентичного бытия-в-мире от тотализирующей логики контроля.

Список литературы

1. Сёрл Дж. Р. Сознание, мозг и наука. Пер. на рус. яз.: А. Ф. Грязнов. М., 1993. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/6662>
2. Кроуфорд К. Атлас искусственного интеллекта: руководство для будущего. Пер. с англ. О. С. Захватова. М.: АСТ, 2023. 320 с.
3. Зубофф Ш. Век надзорного капитализма: Битва за будущее человечества на новой границе власти / пер. с англ. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2021. 800 с.
4. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия / пер. с нем. М.: Весь Мир, 2021. Т. 1. 464 с.
5. Castells M. The Power of Identity: The Information Age: Economy, Society, and Culture. 2nd ed. Hoboken: Wiley-Blackwell, 2010. Vol. 2. 584 p.

**ОТ КОНСТРУКТИВИЗМА К РАСШИРЕННОМУ СОЦИАЛЬНОМУ
РЕАЛИЗМУ: ПОЗНАВАЯ МИР, В КОТОРОМ ДУХОВНЫЕ
ЦЕННОСТИ И ОБЩНОСТИ РЕАЛЬНЫ**

Поповкин Андрей Владимирович,

кандидат философских наук,
заведующий кафедрой философии,
ФГБУН «Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН»,
г. Владивосток
e-mail: popovkin-av@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены ограничения социального конструктивизма, доминирующего в современной социальной антропологии, применительно к анализу этнических и национальных общностей. Показано, что конструктивистский подход, релятивизирующий такие категории, как этнос, нация и моральные ценности, вступает в противоречие с духовной реальностью, актуализированной в контексте современных социально-политических процессов в России. В качестве альтернативы предлагается опора на философско-антропологическую концепцию соборности (С. Н. Трубецкой) и интерсубъективности (Э. Гуссерль), которые позволяют обосновать реальность этносов и наций как духовных общностей, не сводимых ни к примордиалистским, ни к конструктивистским трактовкам. Из указанных концепций следует, что человек в своем становлении обязательно проходит этапы становления не только индивидуального самосознания, но и осознания своих *конкретных соборных единств* «мы»: семьи, этноса, нации. Следуя мысли Э. Гуссерля, можно утверждать, что именно в соборных единствах разворачивается духовная жизнь личности, творящая духовную культуру. На этой основе формулируется перспектива расширенного реализма, включающего в сферу социогуманитарного знания не только социальные, но и нравственные реальности, переживаемые в опыте конкретного соборного единства «мы».

Ключевые слова: этнос, конструктивизм, реализм, соборность, нация, ценности.

В современной социальной антропологии, как на Западе, так и в России, доминирует социальный конструктивизм, в основе которого лежит отрицание существования естественных видов и, тесно связанных с ними «теоретических предметов»³, выделявшихся предшествующим научным изучением социальной реальности. Как указывает отечественный исследователь Ю. Д. Гранин, конструктивистская парадигма «... предложила сменить “теоретическую оптику” и, взяв на вооружение “парадигму стратегического релятивизма”, подвергнуть критике (путем “деконструкции”) “язык” (понятийный аппарат) традиционных исследований рас, классов, этносов, наций и национализма» [5]. Такая смена «теоретической оптики» выражается в *субъективизации* и *релятивизации* того, что ранее считалось объективным: пол меняется на «гендерную идентичность», этнос – на «этническую идентичность», а нация, соответственно, на идентичность гражданскую. При этом в понятие «идентичность» вкладывается смысл произвольно избираемой точки зрения на самого себя.

Однако «сменой теоретической оптики» дело не ограничивается. Так, российский сторонник конструктивистского подхода Е. Варшавер пишет: «В конечном счете хотя конструктивизм победил как научная рамка, плоды этой победы распределены в научной и общественно-политической областях весьма неравномерно – на одно конструктивистское описание зачастую приходится бесчисленное количество эссенциалистских. Таким образом, создание описаний с использованием этого языка и этой схемы и есть важная научно-производственная и общественная задача» [4, с. 47]. Как видим, социальный конструктивизм видит себя силой для решения не только научных, но и общественных задач.

Подобное соединение теоретического исследования с решением общественных задач характерно для так называемых «критических

---

³ Под «теоретическими предметами» мы будем понимать ненаблюдаемые непосредственно предметы, вводимые научными теориями, для построения объяснений. Например, электроны или кварки в квантовой теории, гены и биологические виды в современной теории эволюции, этносы, нации и т. п. Подробнее см. [10, р. 54–70].

теорий», из которых наиболее известным является марксизм. Американские исследователи П. Гросс и Н. Левитт раскрывают направленность социального конструктивизма на преобразование социальной реальности в угоду представлениям «университетских левых». Ради развенчания «буржуазных священных коров» последние готовы релятивизировать не только этнос и нацию, но и само научное знание, утверждая, что: «... наука – это высокоразвитый набор конвенций, созданный одной конкретной культурой (нашей собственной) в условиях одного конкретного исторического периода; таким образом, она не является, как это предполагает стандартная точка зрения, системой знаний и проверяемых гипотез о «реальном» мире» [9, p. 45].

В целом, можно утверждать, что социальный конструктивизм, постулирующий относительный, сконструированный характер этноса, нации, пола, моральных норм и даже знания⁴, вступает в явное противоречие с базовыми российскими ценностями. При этом нельзя не заметить, что в ходе специальной военной операции на Украине (СВО) и предшествующего ей противостояния России и Запада мы можем видеть обостренное переживание этнической реальности. Одним из примеров может быть судьба «политических украинцев» – разных беглых иноагентов из России – оказалось, что этнические украинцы, охваченные идеологией нацизма, не признают их за своих. Другой любопытный пример можно увидеть в своеобразном переосмыслении «снизу» этнонима «русский» российскими бойцами в солдатской поэзии:

*Вновь бой прошёл не без урона...
Сидим в прохладном блиндаже,
По кругу чарка с самогоном
Прошлась, как ангел по душе.
"Давай, братва, за нас, за русских!" -
Твердил бурят, прищуря глаз,
Якут с деревни захолустной:
"Давай за русских, - тост за нас!"
Тувинец, оценив реальность*

---

⁴ Подробнее смотри [Boghossian].

*Тех слов, добавить поспешил:
"Быть русским - не национальность,
А состояние души!"*

(Плеханов Н. Н.)

Таким образом, социальный конструктивизм, отрицающий самостоятельную реальность нации и этноса, вступает в противоречие не только с объявленными ценностями, но с духовной реальностью народной жизни России. Осмысление и разрешение этого противоречия может быть рассмотрено как своеобразный вызов времени для российской философии. Однако наша задача не просто вернуться к старому примордиализму, закрыв глаза на объективную критику его концепций со стороны конструктивизма. Нам нужно развить понимание этноса и нации, позволяющее схватывать их культурно-историческую и социально-политическую динамику, включая возникновение и уничтожение, а также их духовную жизнь.

Такая методология может быть выстроена на основе философско-антропологической концепции *соборной* природы человеческого сознания, предложенной русским философом С. Н. Трубецким. Позднее, но независимо от него, в немецкой философии Э. Гуссерль выдвинул похожую концепцию *интерсубъективности*. Концепция *соборности* С. Н. Трубецкого может быть кратко сформулирована следующим образом: само устройство нашего сознания предполагает существование других сознаний, причем таких, с которыми мы можем разделить содержание сознания (поделиться мыслями, чувствами, переживаниями и тому подобное). Легче всего идею соборности сознания можно понять на примере языка. С. Н. Трубецкой пишет: «Слово предполагает органическую способность взаимного понимания, родовое психологическое единство; и вместе оно предполагает говорящих и внимающих людей» [7, с. 497].

Продолжая мысль С. Н. Трубецкого о языке, можно отметить, что не существует абстрактного или даже общечеловеческого языка. Но также не существует и отдельного языка той или иной семьи или даже

рода. Факты таковы, что существуют только конкретные языки конкретных народов. Соответственно младенец, осваивающий речь, учится не абстрактному языку и не языку своей семьи, но языку своего народа. И не только языку. Вместе с ним ребенок, актуализирующий свою человеческую природу, впитывает весь логос народной культуры: ее способ мышления, социальные и нравственные нормы, характерное видение красоты и т. п.

Не случайно другой великий русский философ Н. А. Бердяев писал: «Человек входит в человечество через национальную индивидуальность, как национальный человек, а не отвлеченный человек, как русский, француз, немец или англичанин... Культура никогда не была и никогда не будет отвлеченно-человеческой, она всегда конкретно-человеческая, т. е. национальная, индивидуально-народная и лишь в таком своем качестве восходящая до общечеловечности...» [2, с. 143]. В этом размышлении можно обнаружить момент, вряд ли подозревавшийся самим автором, но не менее важный: человек в своем становлении обязательно проходит этапы становления не только индивидуального самосознания, но и осознания своих *конкретных соборных единств* «мы»: семьи, этноса, нации. Эта способность человека переживать не только «я», но и «мы» критически важна для духовной жизни личности. Ведь как пронизательно указал Э. Гуссерль, «Личностная жизнь есть социализованная жизнь в качестве «я» и «мы» ... внутри разнообразных, простых или усложненных, общественных образований, таких, как семья, нация, наднациональная общность. В данном контексте слово «жить» имеет уже не физиологический смысл, а обозначает целенаправленную жизнедеятельность, производящую структуры духовного порядка; в самом широком смысле – это жизнь, творящая культуру внутри непрерывного исторического процесса» [6, с. 297]. Таким образом, духовная жизнь личности фундаментальным образом связана с духовной же реальностью конкретного соборного единства «мы». И сводить жизнь человека к индивидуальной жизни, а жизнь человеческих сообществ к сумме взаимодействующих индивидов, как это делают конструктивисты и, в частности, объявивший войну «группизму» Р. Брубейкер [3] – фундаментальная ошибка.

Правда, этнографам хорошо известно, что этническое, национальное самосознание – относительно позднее «изобретение» человечества. Оно появляется лишь у достаточно развитых в социально-политическом отношении обществ. Этот момент конструктивисты полагают одним из базовых аргументов в своем отрицании реальности этноса. Более ранним и “естественным” считается родоплеменная общность и соответствующее ей самосознание. Однако последнее никак не может взойти до общечеловеческого ни в политическом, ни в культурно-нравственном плане. Ведь оно всегда характеризуется жестким противостоянием «мы» и «другие», находя слишком мало оснований для общности и слишком много качественных различий, поскольку само человеческое сводится в нем к родовому и родовой общности. Напротив, этническое различие, будучи по природе различием духовных общностей, оставляет возможность общечеловеческого, по-своему воплощаемого в каждом конкретном этносе и нации.

Таким образом, учитывая соборную природу сознания, мы можем утверждать реальность этносов и наций без необходимости гипостазировать их как некие простые единства типа кровнородственного или, напротив – полагать их «воображаемыми сообществами», как Б. Андерсон [1]. Ведь дело не в воображении и, тем более, не в «голосе крови», а в соборной природе человека, открывающей ему духовную реальность конкретного соборного единства «мы». Эта духовная реальность «мы» остро переживается на фронтах СВО, не ограничиваясь фронтовым товариществом, но охватывая реальность этноса и нации. И немаловажно, что в ней раскрывается реальность и переживается реальность нравственных ценностей: дружбы, патриотизма, служения и т. п. И потому эта реальность может и должна быть возвращена в социо-гуманитарное знание в форме *расширенного реализма*, охватывающего не только реальность этноса и нации, но также и нравственных ценностей.

Список литературы

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. П. Баньковской. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.
2. Бердяев Н. А. Судьба России. М.: «Эксмо», 2025. 352 с.
3. Брубейкер Р. Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.
4. Варшавер Е. «Перестать пинать мертвую лошадь примордиализма»: актуальные повестки дня в конструктивистских исследованиях этничности // RUSSIAN SOCIOLOGICAL REVIEW. 2022. Vol. 21. No. 3 С. 31–58. DOI: 10.17323/1728-192X-2022-3-31-58
5. Гранин Ю. Д. «Нация» и «этнос»: эволюция подходов и интерпретаций в философии и науке XVIII–XX столетий // Вопросы философии. 2015. №7. С. 5–16. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1195&Itemid=52 (дата обращения: 12.01.2026).
6. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Культурология. XX век: Антология. М.: Юрист, 1995. 703 с.
7. Трубецкой С. Н. О природе человеческого сознания / Сочинения / Сост., ред. и вступ. статья П. П. Гайденко; Примеч. П. П. Гайденко, Д. Е. Афиногенова. М.: Мысль, 1994. 816 с.
8. Boghossian P. Fear of Knowledge, Against Relativism and Constructivism. – Oxford: Oxford University Press, 2006. 139 p.
9. Gross P. R., Levitt N. Higher Superstition: The Academic Left and Its Quarrels with Science. Baltimore: JHU Press.1997. 316 p.
10. Okasha S. Philosophy of science: a very short introduction. Oxford: Oxford University Press, 2016. 140 p.

ЧЕЛОВЕК, МАШИНА, ЦИФРА: ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ МОСТ

Суров Илья Алексеевич,

кандидат физико-математических наук, преподаватель
ФГБУ ВОиН «Санкт-Петербургский национальный исследовательский
Академический Университет
им. Ж.И. Алферова РАН», г. Санкт-Петербург
e-mail: ilya.a.surov@itmo.ru

Аннотация. Стартуя с естественнонаучных позиций, искусственный интеллект предлагает новые и неожиданные ответы на вопрос о природе человека. Тем самым намечается преодоление онтологического разрыва между точными и гуманитарными науками, лежащего в основе западной культуры со времён Декарта и Платона. В докладе показано, что эта динамика не случайна; последовательное размытие границ естественных и гуманитарных областей и всё большее их пересечение идёт уже больше столетия. Информационные технологии стали очередным этапом этого процесса, уникальность которого заключается в использовании «цифры». При правильном осмыслении этот шаг может стать ключом к устранению мировоззренческой разобщённости и построению жизненно-состоятельной философии.

Ключевые слова: онтология, дуализм, цифра, человек, искусственный интеллект.

Добрая половина современных конференций посвящена искусственному интеллекту (ИИ). Психология? ИИ. Политика? ИИ. Управление? ИИ. А уж культура и философия из этой темы почти не вылезают и понятно почему. Дело не в хитростях технологии, о которых говорить специалистам. Дело в том что ИИ переоткрыл вопрос о природе человека, по которому за сотни лет казалось бы уже сказали всё, что можно сказать.

Кто мы есть и зачем мы есть, когда ИИ делает лучше? Это – ключевой вопрос современности, классические ответы на который во многом оказались пустышкой. ИИ стоило изобрести ради одного этого осознания.

Немощь классической философии побуждает пересматривать её основания – базовые категории миропонимания, онтологию. И тут с первых же шагов проявляются противоречия и нестыковки, которые раньше не замечались или замечались под ковёр. Об этих противоречиях и тенденциях к их разрешению и речь в этом докладе.

Начало: Идиллия дуализма

Со времён осевого времени в основе философии человека лежит понятие свободы воли, от которой (согласно писаниям) зависит попадание в рай или ад по итогам «страшного суда». Без личной свободы переживать на эту тему не было бы никакого смысла. Свобода выбора и вытекающая из неё ответственность – неявная, но ключевая весть пророков осевого времени, ставшая краеугольным камнем мировых культур [1]. Этот камень стал основой философии либерализма, объявившей свободу и самовыражение человека высшей ценностью. Активированный таким образом творческий потенциал европейской культуры запустил научно-техническую мысль, породившую в итоге ИИ.

При этом европейская наука изначально развивалась отдельно от гуманитарно-религиозной философии. Рельсы для неё положил ещё Платон с его миром вечных идей и их материальных воплощений. Позже этот дуализм переоформил Декарт в виде системы *res cogitans* / *res extensa*; небольшой ребрендинг, и можно подавать. Культурное поле поделилось на две половины где каждая – чужой монастырь, куда со своим уставом не ходят.

Эмиссары святого престола перестали дёргать учёных за рукава. Физики-технари занимались наукой и созданием машин. На другом конце поляны лирики-философы занимались вопросами души. При этом «духовный мир» с миром «физическим» пересекался редко и в общем не конфликтовал. Ньютон, Лейбниц, Максвелл и многие другие знаковые фигуры учебников физики были глубоко верующими, что не противоречило их открытиям законов «божественного замысла».

Нокаут 20 века

В 20 веке этой идиллии пришёл конец, и сразу с нескольких сторон. Во-первых ставшая психологией духовная философия обнаружила, что воле человека подвластна лишь малая часть его психики-души. Эта

наиболее заметная часть – личность, сознание, разум – подобна красным яблокам, привлекающим взор. Исследование же показывает, что яблоки эти не висят в пространстве, а растут на деревьях менее броского вида. Деревья же – о боги! – растут на Земле, дающей им опору, питание, симбионтов и место для новых ростков.

Так было открыто личное подсознание человека и коллективное бессознательное народов [2]. За пеной фрейдизма проступило понимание, что и то и другое есть природная подпочва сознательной души, источник её желаний, чувств и творческих способностей. Больше того: эта неуправляемая духовная бездна укоренена в физиологии тела, ранее считавшейся лишь источником греха; «умерщвление плоти» и презрение к «физическому» – бездуховному – миру [3] оказались одновременно умерщвлением собственной души, а вовсе не её «спасением». Пришло понимание, что свобода человека по управлению хотя бы собственным поведением была, как говорится, сильно преувеличена [4].

Аналогичный срыв шаблона шёл в естественных науках. Там шаблоном был ньютоно-лапласовский детерминизм – убеждённость в устройстве живой и неживой природы по образу и подобию часового механизма. Разные части этого механизма подчинялись математически строгими законами физики. Считалось, что система этих законов предопределяет будущее «физического» мира абсолютно точно. При этом кажущаяся случайность процессов природы обусловлена исключительно нашим незнанием начальных условий. Фундаментальная физика считалась законченной; учёным оставалось решать прикладные задачи да разобраться с парой «тёмных углов»: строением атома и его взаимодействием с полем.

Из этих углов и началось то, что позднее назвали квантовой революцией. Классическая механика и электродинамика предсказывали падение электрона на ядро и коллапс атомной структуры, являя своё бессилие объяснить элементарные факты бытия. Движение «квантовых» частиц оказалось фундаментально непредсказуемым; их нелокальная «спутанность» частиц ломала концепции классического пространства и времени. Классический детерминизм и «объективная реальность» распались на глазах ошарашенных лаборантов вопреки усилиям

Эйнштейна, до конца своих дней пытавшегося спасти классическую картину мира. Не удалось. Лапласова причинность уступила место контекстуально-вероятностным закономерностям логики волн, информационных полей и фундаментальной неопределённости [5].

Конвергенция

Так начало 20 века поставило обе половины культурного поля в трудное положение. Гуманитарно-идеалистическая философия была вынуждена признать свою укоренённость в материальном, «физическом» мире, законы которого ограничивают свободный полёт сознания и духа. Естественно-материалистическая наука, напротив, была вынуждена принять фундаментальную неалгоритмичность и информационно-нелокальную обусловленность «физических» процессов.

Клин, вбитый между душой и телом, начал выскальзывать. Платоно-декартовские миры *res cogitans* и *res extensa* двинулись навстречу; стоявший веками лёд тронулся. Осмысляющая это движение перестройка глубинных философских установок идёт в наше время с запозданием в столетие.

Прикладную науку и технику, однако, это отставание несколько не тревожит. Напротив, философско-мировоззренческая неопределённость открывает для разработки возможности, которые иначе были бы отброшены как идущие вразрез естественному развитию природы. К таковым отчасти относится кибернетика, одна из ветвей которой ставит задачу полной имитации биологических организмов и пересадку их оцифрованной психики на искусственный носитель. Этическую сторону подобных работ оставим сейчас в стороне; для темы этого доклада важно то, что локомотивом современной науки, техники и экономики в целом сейчас стали именно искусственный интеллект: информационные технологии.

На чём они стоят, в чём кроется их сила?

Для начала классифицируем ИИ по платоно-декартовской системе.

Res cogitans? Если понимать латинское *cognition* как «умственную деятельность, связанную с приобретением знаний» – сенсорику, анализ,

обработку и хранение данных, образов, идей – то, очевидно, да. В естественном мышлении есть ещё и субъективно-сознательный компонент о котором идут споры, но отчасти ИИ действительно выполняет функции декартовских *res cogitans*.

И не забудем, что даже «облачный» ИИ без робота-обёртки всегда работает на материальном носителе из металла, пластика и полупроводников. А сервер этот расположен в конкретной точке пространства и времени. Так что *res extensa* – тоже да! Искусственный интеллект – и то и другое. Вообще-то обычный – тоже, но рукотворный клон отсекает спекуляции о сверхъестественно-божественном происхождении (хотя бы части) *res cogitans*.

Но это – лишь верхний слой анализа, не проясняющий глубинных основ информационной, ИИ-революции. Что здесь такого нового, что вскрыло творческий потенциал человека – подобно тому, как отделение *res cogitans* от *res extensa* спустило с цепи научную революцию 16–17 веков?

Ответ слышен из каждого утюга: цифра.

Цифра

Цифрой кодируются координаты шаров на бильярдном столе, равно как и мысли, идеи и образы в сознании человека. Цифрой кодируются и волновые функции квантовых частиц, и подсознательная динамика нервной системы. Между *res cogitans* и *res extensa* намечился мост: подсказанное практикой преодоление платоно-декартовского дуализма.

Цифра работает и в *res cogitans* и в *res extensa*, но сама по себе она – ни то, ни другое. Это принципиально иная сущность, впервые открытая философией Пифагора [6]. Как хорошо забытое старое, эта третья точка даёт возможность конструктивного пересмотра основ традиционной философии, отвечая упомянутой в начале задаче. А именно – к переосмыслению и уточнению *res cogitans*, *res extensa* и самой цифры так, чтобы убрать их пересечение. На этом пути виден выход из тупика классической философии, позволивший бы ей восстановить целостность и обрести дееспособность в решении реальных проблем современности.

Список литературы

1. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М: Политиздат, 1991. 527 с.
2. Лебон Г. Психология народов и масс. АСТ, 2017. 384 с.
3. White L. The Historical Roots of Our Ecologic Crisis // Science. 1967. Т. 155, № 3767. С. 1203–1207.
4. Bargh J. A., Chartrand T. L. The unbearable automaticity of being // American Psychologist. 1999. Т. 54, № 7. С. 462–479.
5. Суров И. А. Логика множеств и логика волн в когнитивно-поведенческом моделировании // Информационные и математические технологии в науке и управлении. 2023. Т. 32, № 4. С. 51–66.

О ПРЕДЕЛЬНЫХ ОСНОВАНИЯХ НАУК

Чусов Анатолий Витальевич,

кандидат философских наук, доцент,

доцент кафедры философии и методологии науки

философского факультета,

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет

им. М. В. Ломоносова, г. Москва

e-mail: avchusov@gmail.com

Аннотация. Актуальность существования методологии проявляется как действительный синтез предполагаемых и полагаемых онтологии, гносеологии, эпистемологии, логики и семиотики. Такая позиция влечёт за собой экспликацию неклассической онтологии актуального существования-в-мире. На базе методологии К. Маркса (концептуализируемой в русле концепции позднего Г. Лукача), за основу действительного рассмотрения существования наук в человеческих обществах примем концепты «предметной практики» и «социальной объективации». Действительные конкретные науки осуществляются в мире в многообразиях научных практик, в ходе которых объективируются предметные, объектные и субъектные определённости человеческого существования. Предельные основания наук проявляются как действительные определения и ограничения предметной деятельности. Изменения мира, реальности и радикальной повседневности являются непосредственные действительные основания воспроизводства предметных областей частных наук. Экспликация оснований изменчивости нашего положения в мире требует использования неклассических понятийных средств, к которым относятся: неклассическое понимание онтологических предположений, неклассическое понимание «материи», социальные объективации, многообразия материальных и идеальных практик, исторически, социально и культурно реализуемые типы повседневности, объектные представления как репрезентации, разноуровневые многообразия предметных областей, многообразные человеческие миры и реальности, и т. д.

Ключевые слова: онтология актуального существования-в-мире, предметная область науки, основания предметной области, социальная объективация науки, многообразие научных практик, изменения предметных областей.

Основания наук обычно и типично рассматриваются, исходя из неких абстрагируемых позиций, которые в дальнейшем абсолютизируются в качестве доказанных фактов, что приводит к большим или меньшим абберациям (отклонениям от действительного положения) в представлениях о существовании наук из-за абсолютизации этих результатов. Рассмотрим предельные основания науки, занимая действительную (в пределах наших знаний о текущем положении дел) позицию в отношении наук. Для этого примем методологическую позицию, основанную на неклассической онтологии актуального существования в локальном мире, с опорой на марксистский методологический тезис: «исходить из действительных предпосылок» [1]. Другое её основание – предполагаемое наличие локального мира как действительной, актуальной предпосылки осуществления чего бы то ни было («локальный мир» здесь понимается как «конкретное взаимодействие объектов»).

Основания наук обычно и типично связывают с логикой. Не менее часто в качестве таких оснований рассматриваются методологические установки и критерии (причём чаще всего – с логических, формальных или конструктивных позиций). В XX веке получили развитие также и идеи социологических оснований науки. Но действительность человека всегда предметна, и всегда актуальны вопросы изменения предметов, предметностей и предметных областей (ПО), выходящие за рамки абстрактных и идеализирующих подходов. Это определяет особенности неклассического методологического подхода к основаниям наук.

Всякая конкретная наука в своей методологической определённости непосредственно являет собой многообразие воспроизводимых научных практик, а всякая воспроизводимая практика непосредственно связана с более или менее конкретно определённой ПО.

Но всякая ПО являет собой развитие некоего типичного «предмета» в ряду, который наметил М. Хайдеггер: «предмет» – «предметность» – «предметная область» [2, с. 238–253].

Под предельными основаниями какой-либо ПО будем понимать такие основания, выход за пределы которых означает, что мы покидаем эту ПО (то есть, при этом кардинально изменяется сам предмет). Деятельность в данной ПО основана на воспроизводстве структур и предпосылок её выделения. Кроме внешней функции ограничения предельные основания имеют и внутреннюю функцию замыкания ПО. Замыкание исследовательской деятельности в определённой ПО создаёт основу для абстрагирования и идеализации собственных понятий, идей и представлений (то есть рабочих средств всякой конкретной науки). Всякая ПО изменяется, и эти изменения можно объяснять в связи с её предельными основаниями.

Предельные основания наук можно рассматривать, основываясь на различных позициях, которые при этом имеют свои предпосылки. Будем исходить из того, что всякое рассмотрение чего бы то ни было непосредственно осуществляется нами, исходя из некой действительной (то есть, актуально принадлежащей некоторому миру) позиции. Свою позицию в действительном осуществлении конкретного исследования можно полагать как логическую, предметную или внепредметную, как частную, общую или всеобщую. Рассуждающие о чём-либо субъекты часто пытаются занять некую абсолютную позицию. Однако всякая действительно осуществляемая человеком позиция непосредственно проистекает из какого-либо конкретного нахождения в мире, а таковые мировые позиции всегда своими корнями уходят в ту или иную исторически, социально и культурно реализуемую повседневность. А повседневность образует исконную, коренную человеческую реальность, в соответствии с принадлежащим Ортеге-и-Гассету феноменологическим определением человеческой реальности как «того, от чего нельзя отказаться» [3]. Заметим, что человеческие повседневности весьма многообразны и изменчивы. Не являются исключениями и научные типы повседневности, являющие существенные различия в своих конкретных реализациях в разных науках. Однако

в настоящее время общим для наличия наук является тот простой факт, что науки непосредственно осуществляются и опосредованно воспроизводятся как сферы человеческой деятельности.

Для дальнейшего существенны два факта. Во-первых, всякая развитая и действительная наука производит модели фрагментов мира [4] (что означает, что всякая наука производит модели в перспективе их интерпретации на каком-либо мире). И нет ни одной развитой науки, которая не решала бы хоть какую-нибудь задачу, независимо от того, является ли эта задача чисто формальной и абстрактной, или она имеет конкретную интерпретацию на некой ПО.

Эти констатации можно онтологически интерпретировать на регионах логики, гносеологии и эпистемологии. В регионе логических сущих они связаны с онтологическими предположениями о типах существования элементов логики (вроде логических констант, переменных, операторов, правил вывода и т. д.). В теоретико-познавательном регионе знания и познания они предполагают существование не только собственно знания, но и отдельного самостоятельного представления, и гипотетического знания, и противоречивого знания, и т. п. В современных когнитивных подходах речь идёт о «представлениях», или, соответственно, о «репрезентациях».

Констатируем, что, в силу нашего действительного положения в мире, любое наше исследование происходит из антропологической перспективы. Эту перспективу в наших целях можно определить, как установку на актуальное социальное существование людей в мире. В частности, можно утверждать, что в локальных мировых взаимодействиях «социальные "мы"» могут относительно обособляться от повседневных человеческих миров, создавая более или менее индивидуальные материальные и идеальные вариации локальных миров, причём эти вариации могут объективироваться как в идеальных, так и в материальных формах.

Мы основываемся на материалистически истолковываемом концепте «объективации». При этом «материя» понимается в неклассическом смысле – не как некий общий для всех случаев тип субстанции,

а в действительном соотношении с неким типом мира, в связи с базисными взаимодействиями этого мира. Под «материальным объектом» будем понимать «относительно самостоятельный в данном мире объект». Понятие «объекта» здесь мотивировано взаимодействиями, образующими локальный мир рассматриваемого объекта. В частности, в идеальных мирах за «идеальную материю» примем идеальные объекты, имеющие собственные, неизменные в данных мирах определения (и в этом плане противостоящие произволу формирования мыслей и идей).

Существование наук в человеческих мирах в таком разрезе является собой многообразие процессов локальных объективаций исследований природы. А локальные объективации развиваются, образуя глобальные объективации наук как сфер, центрированных на предметно определённой деятельности. Сказанное позволяет исследовать наличие наук как практических комплексов, которые воспроизводятся в жизни человеческих обществ. В первом приближении (не касаясь внутренних подразделений в развитых науках) присутствие наук в жизни общества воспроизводится на уровнях: систем знаний, социальных институтов, полей исследований, популяризации наук и определяемых науками компонент общественной жизни.

Актуальное существование-в-мире людей как коллективно существующих будем рассматривать с точки зрения многообразий воспроизводимых человеческих практик. Практика при этом рассматривается не в абстрактном обобщении, а конкретно – как локальное изменение мира, синтезирующее предметные, объектные и субъектные изменения. При этом исторически изменчивы не только средства, материалы, процессы и результаты практик, но и акторы практик. При этом необходимо ещё и различать онтические и познавательные характеристики, коренящиеся в различении субъектов и объектов («объектное» versus «субъектное» – как характеристики онтические, а «объективное» versus «субъективное» – как характеристики онтологические, т. е. теоретико-познавательные [5]).

Всякая человеческая практика включает материальные и идеальные компоненты, локальное действительное соотношение которых

в воспроизводстве практики может изменяться вплоть до противоположного. И мы выделяем и различаем существование материальных и идеальных практик, что – в случае наук – является весьма очевидным фактом.

Научные практики выделяются в качестве особой сферы деятельности в связи с методологическим (специально дисциплинированным и/или дисциплинирующим) оформлением познавательных аспектов человеческой деятельности. Методология – это деятельный аспект воспроизводства науки [4; 6; 7]. Обычно предметно или материально преобразующую деятельность отличают от деятельности «идеальной» или «чисто» познавательной. Но структура концепта «идеальной материи» позволяет единообразно рассмотреть оба случая.

Выделенные нами предельные основания наук играют важную роль в исследованиях изменений воспроизводства наук в человеческих социумах.

Одним из необходимых начал методологии является субъект. Идеальная компонента при этом наличествует в виде целей и знаний. Определим цель как «идеально предположенный или положенный результат», а знание – как «актуальное представление объекта субъектом». Действительное значение целей и знаний, на наш взгляд, заключается в их «подручности» субъекту (в смысле, отличном от хайдеггеровского). И цели, и знания мысленно, идеально подручны субъекту. Материя же относительно самостоятельна в практической связи с субъектами и оказывает некое сопротивление попыткам «покорить» её. С другой стороны, существует «хитрость разума», позволяющая расширять сферу подручного, освоенного, подвластного субъектам.

В рассуждениях об идеальной деятельности и её соотношении с материализуемыми результатами обычно полагают, что цели непосредственно объективируются в виде результатов, тем самым неявно принимая некий вариант тождества бытия и мышления. В действительности же результаты с целями практически не совпадают в точности. Здесь требуется принять во внимание действительное соотношение между предположением и полаганием. Практическая деятельность

всегда опосредована средствами, которыми субъект налично располагает. Если нет необходимых средств - цель не может быть достигнута. Указанная коллизия практически разрешается изменениями в материальном и идеальном составе конкретной предметно определённой практики, которая становится началом изменения типичных мировых ситуаций.

В вариациях структур практического преобразования предмета выявляются формы деятельности субъекта, пригодные в целях преобразования материала. Эти формы деятельности объективируются в виде новых подручных средств. Овладение ими преобразует чувства субъекта на идеальных и материальных уровнях практик. Возникают и оформляются «чувства-теоретики», которые, в связи с новыми средствами, дают доступ к новым видам и типам феноменов, расширяя сферу доступных человеку данных.

Таким образом, обращение к неклассическим предельным основаниям научных практик позволяет объяснить действительный рост и развитие конкретных наук – если понимать науки как многоуровневые объективации сфер предметно определённой деятельности.

Список литературы

1. Марке К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Сочинения. Т.3. М.: Госполитиздат, 1955. С. 7–544.
2. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с нем. М.: Республика, 1993. 447 с.
3. Ортега-и-Гассет Х. Человек и люди // Избранные труды: Пер. с исп./ Сост., предисл. и общ. ред. А.М. Руткевича. М.: Издательство «Весь Мир», 1997. С. 479–697.
4. Чусов А. В. О перспективах развития методологии науки: моделирование, объективация, общая структура метода // Вопросы философии. 2012. № 1. С. 60–70.
5. Чусов А. В. О проблеме установления объективных и объектных онтологических структур в психологических исследованиях // Международная конференция, посвященная 125-летию со дня рождения Б.М. Теплова Дифференциальная психология и психофизиология сегодня: способности, образование, профессионализм / Под ред.

М.К. Кабардова, А.К. Осницкого. М.: Общество с ограниченной ответственностью Издательство Перо, 2021. С. 85–89.

6. Кошовец О. Б., Фролов И. Э., Чусов А. В. Онтологический анализ отношения теории и реальности в методологии экономической науки // Философия и общество. 2015. № 1. С. 156–176.

7. Чусов А. В. О науке как объективации субъектных, предметных и концептуальных оснований обоснованного познания // Социально-гуманитарное обозрение. Международный журнал. 2018. № 4. С. 92–97.

ГРАДИЕНТ ДОСТОВЕРНОСТИ: ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДЕЛЫ AI-ОПОСРЕДОВАННОГО ПОЗНАНИЯ И ЗАДАЧИ ФИЛОСОФИИ НАУКИ

Фабрус Игорь Владимирович,

аспирант кафедры философии и методологии науки
философского факультета,
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова», г. Москва
e-mail: fabrusiv@my.msu.ru

Аннотация. В докладе исследуется трансформация эпистемологических аспектов в условиях массового внедрения систем генеративного искусственного интеллекта в практику производства знания. AI создает принципиально новый – техногенно AI – уровень сложности, дополняющий природную и социальную детерминацию познания. Предложена модель градиента достоверности, демонстрирующая инверсную зависимость между формализуемостью предметной области и эпистемической надежностью AI-генерируемого контента: в зонах формальной верификации AI выступает инструментом познания, тогда как в зонах гуманитарной интерпретации систематически производит когерентные симулякры, неотличимые от знания. Рассматривается концепт телеопраксического раскола – структурного разделения целеполагания и операциональной реализации в когнитивной деятельности, возникающего при делегировании мыслительных функций алгоритмическим системам. Затрагиваются проблемы поиска подходов классических критериев демаркации научного знания и формулируется задача на поиск нормативной онтологии цифрового знания как ответ философии науки на вызовы эпохи генеративного AI.

Ключевые слова: философия науки, искусственный интеллект, градиент достоверности, телеопраксический раскол, эпистемическая автономия, симулякр знания, воспроизводимость, когнитивный суверенитет, нормативная онтология, экстериоризация суждения.

Генеративный искусственный интеллект, вошедший в массовую практику академического и научного исследования в 2023–2026 годах,

представляет собой не очередной технический инструмент, а событие, затрагивающее фундаментальные основания философии науки. Речь идет о системах, способных порождать тексты, формально неотличимые от продуктов экспертного мышления, – и тем самым размывающих саму границу между знанием и его симуляцией. Осмысление этой ситуации требует от философии науки концептуальных средств, выходящих за пределы классической эпистемологии.

Три источника данности и техногенная AI сложность. Познающий субъект исторически функционировал в условиях двойной детерминации. Первый уровень – природная данность: физические законы, биологические процессы, цепь детерминации от неорганического к сознанию. Этот уровень предшествует мышлению; реальность не производится им, но дана ему. Методологический реализм фиксирует: столкновение субъекта с сопротивлением предметной области есть необходимое условие достоверности [1]. Второй уровень – социальная сложность, созданная институтами, нормами, технологиями, наукой как социальным предприятием; этот уровень сам становится детерминантой познания.

Генеративный AI создает третий, AI уровень детерминации: алгоритмические системы, производящие квази-знание в масштабах, недоступных человеку. Принципиальное отличие состоит в том, что AI не имеет доступа к первому источнику – к реальности как таковой. Языковая модель работает не с вещами, а с текстами о вещах; между текстом и реальностью лежит пропасть, преодолеваемая человеком через телесное присутствие в мире, через то, что Хайдеггер определял как *In-der-Welt-sein* [2]. AI эту пропасть не преодолевает – он даже не обнаруживает ее существования.

Рассмотрение градиента достоверности. Эпистемическая надежность AI-генерируемого контента не является постоянной величиной. Она определяется не свойствами системы как таковой, а онтической структурой предметной области. Предлагается модель градиента, вдоль которого меняется сам способ удостоверения.

На полюсе формальной достоверности – аксиоматические системы, где критерий строг и машинно-проверяем. Системы доказательства (*Lean*, *Coq*) демонстрируют подлинную надежность; здесь авторство

иррелевантно. На полюсе эмпирической достоверности – естественные науки с внешним критерием (эксперимент, воспроизводимость). AlphaFold, получивший Нобелевскую премию 2024 года, являет пример AI как подлинного инструмента познания, поскольку его результат верифицируем независимо [3]. Однако уже здесь обнаруживается парадокс: AI, обученный на корпусе с невоспроизводимыми результатами (а в биомедицине до 70% результатов не воспроизводятся [4]), легитимирует ошибку, возводя ее в статус консенсуса.

В зоне социальной интерпретации внешний критерий ослабевает до степени, при которой интерпретация конститутивна для знания. AI здесь не различает корреляцию и каузальность, производя убедительные тексты без привязки к генеративному механизму явления. В зоне гуманитарной интерпретации – там, где, по Гадамеру, понимание есть слияние горизонтов, предполагающее экзистенциальный опыт субъекта [5], – AI выступает, пользуясь терминологией Г. Франкфурта, идеальным производителем «чепухи» (bullshit): не лжецом, знающим истину и искажающим ее, но чем-то худшим – системой, для которой различие истины и лжи не существует как категория [6].

Обнаруживается структурная закономерность: убывание формализуемости критерия достоверности обратно пропорционально убедительности AI для неэксперта. Где AI наименее надежен – он наиболее убедителен. Ответственность за различение переходит от машины ко все более редкому и квалифицированному человеку.

В докладе также рассматривается телеопраксический раскол и атрофия различающей способности. Делегирование когнитивных функций AI порождает то, что может быть обозначено как телеопраксический раскол: человек сохраняет целеполагание (формулировку задачи), машина реализует операциональную часть (решение). Историческая последовательность экстерииоризаций – от письменности через счетные машины к компьютеру – выносила операциональные функции, неизменно сохраняя суждение за человеком. Генеративный AI претендует на экстерииоризацию самого суждения – того, что, по Б. К. Смитю, составляет несводимое ядро субъекта познания [7].

Следствием становится не просто риски утраты навыка, а нечто более глубокое: атрофия эпистемической проприоцепции – способности различать границы собственного знания. Субъект перестает отличать то, что знает, от того, что потребил. По аналогии с нейронаучно подтвержденным снижением гиппокампальной активности у пользователей GPS-навигаторов, AI-опосредованное познание систематически деградирует метакогнитивные способности. Возникает эпистемическая монокультура: если большинство научных агентов опираются на одни алгоритмические системы, унификация методологических установок порождает системную уязвимость перед однотипными ошибками – подобно агрокультурной монокультуре, уязвимой перед единственным патогеном.

В заключении доклада совершается переход к нормативной онтологии цифрового знания. Критерий фальсифицируемости, введенный К. Поппером для демаркации научного знания от псевдонаучного [8], разрабатывался в эпоху, когда производителем гипотез являлся человек. AI генерирует фальсифицируемые утверждения миллионами; формальная фальсифицируемость оказывается необходимым, но более не достаточным условием научности. Рейхенбаховское разделение контекста открытия и контекста обоснования, полагавшее первый нерелевантным для философии науки, утрачивает силу: если генерация гипотез масштабируется бесконечно, а проверка – нет, генеалогия утверждения становится эпистемически значимой.

Задача философии науки, таким образом, – не только в том, чтобы принять или отвергнуть AI, а в том, чтобы выработать нормативную онтологию цифрового знания: критерии различения знания от симуляции знания, понимания от обработки информации, объяснения от предсказания. Контуры такой онтологии включают: (а) генеалогическую прослеживаемость – требование цепи, связывающей утверждение с первичным предметным источником; (б) воспроизводимость с пониманием – способность субъекта объяснить, почему результат таков, каковы его допущения и пределы; (в) эпистемическую ответственность – готовность субъекта обосновать, защитить и пересмотреть утверждение. Если следовать принципу соответствия сложности субъекта сложности его

предметной области [9], для существования и критического осмысления сложности порожденной AI познающий субъект должен достичь равной или большей организованности. Философия науки – дисциплина, ответственная за формирование такого субъекта.

Список литературы

1. Чусов А. В. Лекционные материалы. О философских основаниях методологии предметной деятельности.
2. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. СПб.: Наука, 2006.
3. Jumper J. T. et al. Highly accurate protein structure prediction with AlphaFold // Nature. 2021. Vol. 596, No. 7873.
4. Ioannidis J. P. A. Why Most Published Research Findings Are False // PLOS Medicine. 2005. Vol. 2. № 8. e124.
5. Гадамер Г.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики / пер. с нем. М. : Прогресс, 1988.
6. Frankfurt H. G. On Bullshit. Princeton : Princeton University Press, 2005.
7. Smith B. C. The Promise of Artificial Intelligence: Reckoning and Judgment. Cambridge : MIT Press, 2019.
8. Поппер К. Логика научного исследования / пер. с англ. М.: Республика, 2004.
9. Степин В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М. : Прогресс-Традиция, 2003.
10. Луман Н. Социальные системы: очерк общей теории / пер. с нем. СПб. : Наука, 2007.
11. Поланьи М. Личностное знание: на пути к посткритической философии / пер. с англ. М. : Прогресс, 1985.
12. Floridi L. The Ethics of Artificial Intelligence: Principles, Challenges, and Opportunities. Oxford : Oxford University Press, 2023.
13. Vallor S. The AI Mirror: How to Reclaim Our Humanity in an Age of Machine Thinking. Oxford : Oxford University Press, 2024.

СЕКЦИЯ 2. ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРОИЗВОДСТВО ЗНАНИЯ: АРХИВЫ, АЛГОРИТМЫ, ЭПИСТЕМЫ

УДК 930.25

ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ АРХИВОВ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКУМЕНТОВ И ДАННЫХ

Юмашева Юлия Юрьевна,

доктор исторических наук, заместитель генерального директора
по научно-методической работе ООО «ДИМИ-ЦЕНТР»

г. Москва

e-mail: juliayu@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается история возникновения, развития и функционирования различных видов архивов электронных документов и данных; проблемы, которые выявлялись в процессе осуществления долгосрочного хранения электронной информации и пути их преодоления на разных этапах существования архивов. Автор дает краткую характеристику современному этапу существования архивов электронного документального наследия, определяет степень влияния на процессы внутриархивной деятельности современных информационных технологий (в том числе искусственного интеллекта), а также делает предположение об основных тенденциях развития архивов информационной эпохи.

Ключевые слова: электронные документы, данные, электронное документальное наследие, архивы данных, архивы машиночитаемых документов, веб-архивы, миграция, конверсия.

Переход к цифровому способу фиксации информации, который совершился во второй половине XX в. и стал пятой информационной революцией в истории человечества, поставил в повестку дня несколько ключевых вопросов, главнейший из которых – способы долгосрочного хранения электронной (цифровой) информации и создание архивов

электронных (машиночитаемых, оцифрованных и цифровых (born-digital)) документов и данных.

Исторически сложилось так, что электронные документы и данные, которые представляют собой две разновидности электронного документального наследия (далее – ЭДН [1]), требуют специфических методов хранения и обеспечения сохранности. Кратко охарактеризуем историю возникновения архивов ЭДН.

Прошлое

Период накопления опыта по хранению ЭДН охватывает почти 70 лет, начинается в конце 1940-х гг., когда был создан первый архив машиночитаемых данных при Roper Center for Public Opinion Research (США), и завершается в 2000-х гг., когда в Национальном управлении архивов и документации США был реализован проект Electronic Records Archives (ERA).

Внутри этого периода по разным критериям можно выделить несколько траекторий и этапов развития архивов ЭДН.

Первая траектория связана с возникновением и функционированием **архивов машиночитаемых данных (МЧД)** [2]. Импульс этому процессу в 1950-е – 1960-е гг. придала деятельность Международного совета по социальным наукам, а также развитие и широкое распространение автоматизированных систем сбора государственной статистики.

Характерной чертой этой траектории и этапа, длившегося с конца 1940-х гг. до середины 1960-х гг., стало выявление таких проблем архивного хранения, как устаревание носителей информации, программного обеспечения и форматов файлов, отсутствие стандартов хранения электронной информации и т. п., что обусловило первоначальную передачу на архивное хранение не электронных носителей, а распечаток данных на бумаге или пленочных микроносителях, опыт по долгосрочному хранению которых уже имелся.

Второе дыхание развитие архивов МЧД получило в начале 2000-х гг. в связи с возрастанием популярности технологий Data Science и появлением идеологии открытых данных, предоставляемых на основе

принципов FAIR (Findability, Accessibility, Interoperability, Reusability – обнаружения, доступности, совместимости и вторичного использования). В результате многие архивы МЧД превратились в репозитории открытых данных, доступных в сети Интернет.

Вторая траектория возникла в начале 1960-х гг. в связи с введением прикладных программных продуктов, нацеленных на создание разнообразной документации. К 1960-х гг. фондообразователи накопили значительные объемы электронной управленческой и научно-технической документации, существующей только в цифровой форме (born-digital), которые необходимо было передавать на архивное хранение. Это стало причиной обсуждения в 1965 г. на V Международном конгрессе архивистов вопроса о подходах к организации born-digital документов на государственное архивное хранение и возможности создания **архивов для долгосрочного хранения электронных документов**.

Первые архивы born-digital документов стали возникать в конце 1960-х гг. В Советском Союзе первый опыт создания подобного специализированного отдела в архиве относится к 1982 г., когда в ЦГАНХ СССР было создано архивохранилище для электронных документов. К сожалению, в связи с отсутствием финансирования в конце 1980-х – начале 1990-х гг. оно прекратило свою деятельность.

Со второй половины 1980-х гг. в связи с возникновением и введением в разных странах систем электронного документооборота (СЭД) необходимость создания архивов электронных документов стала еще более острой [3].

Наиболее ярким примером создания, развития и функционирования архивов электронных документов является уже упомянутый проект ERA [4], целью которого стало получение в архивное хранилище электронных документов на физически обособленных носителях непосредственно от фондообразователей, хранение всех типов электронных документов (текст, изображения, видео, базы данных и т. п.), а также обеспечение долгосрочной сохранности (т. е. автоматизированная миграция информации на новые носители и ее конверсия в современные форматы для предотвращения устаревания). Первая стадия реализации проекта завершилась в 2008 г.

Дальнейшее развитие этой траектории с рубежа 2010-х гг. по настоящее время связано с применением идеологии передачи электронных документов в архивохранилище по информационно-коммуникационным сетям при сохранении всех целей и задач традиционного функционирования архивов.

Третья траектория развития архивов ЭДН связана с возникновением и распространением *технологии сканирования (оцифровки)*. Она начинается на рубеже 1980–90-х гг. и продолжается в настоящее время. Данная технология, позволяющая переводить в цифровые форматы любые аналоговые объекты, наделила функциями архивного хранения электронной информации музеи и библиотеки, которые активно включились в создание суррогатов (электронных копий) хранящихся у них объектов историко-культурного наследия (помимо функционала формирования коллекций мультимедиа-изданий на компакт-дисках (CD, DVD)), и тем самым превратились в своеобразные **гибридные архивы**, хранящие как подлинники, так и оцифрованную информацию.

Наконец, *четвертая траектория* связана с появлением в середине 1990-х гг. первых **веб-архивов** [5, 200–319], основное предназначение которых – создание и поддержание коллекций интернет-ресурсов, а также предоставление их версий широкому пользователю.

К сожалению, в работе веб-архивов сохранились все существующие проблемы традиционных электронных архивов и добавились новые – в частности, необходимость создания и сохранения версий постоянно изменяющихся интернет-ресурсов.

Настоящее

Взрывной рост объемов цифровой информации (до 180+ зеттабайт глобально к концу 2025 г.), повсеместный переход к born-digital документам, оказанию госуслуг в цифровом виде и внедрению бесстыковочных технологий передачи информации от СЭД в СХЭД требуют создания современных архивохранилищ ЭДН (в т. ч. облачных) с надежной системой резервирования, развития систем compliens'a (т. е. создания мер и процедур, нацеленных на снижение рисков утраты архивной информации), формирования гибридных архивов

и систем цифрового сохранения с открытым исходным кодом, разработки правовой и нормативно-методической документации, обеспечивающей регламентацию работы с электронной архивной информацией и ее юридическую значимость.

Нельзя не отметить также такой тренд как появление программных продуктов, которые либо преобразуют информацию аналоговых объектов в цифровой формат, либо производят распознавание и датификацию контента в соответствии с требованиями современной эпохи, тем самым увеличивая объемы цифровой информации и требуя создания архивов ЭДН, оснащенных инструментами проведения анализа данных.

Упомянутые новации не снимают с повестки дня проблемы устаревания форматов, программных средств и носителей информации, рисков потери данных, необходимости обеспечения физической и информационной (кибер) безопасности [6], что в совокупности значительно повышает стоимость хранения цифровой информации по сравнению с хранением документов на традиционных носителях.

Будущее

Развитие архивов ЭДН как часть реализации государственных стратегий тотальной цифровой трансформации всех направлений человеческой деятельности становится одной из приоритетных задач ближайшего времени.

Основные тренды этого процесса уже очевидны и заключаются:

- в полной цифровизации систем государственного управления и отраслей экономики (в том числе отказа от бумажных носителей в оперативной деятельности и при долгосрочном хранении), доминировании облачных и контейнерных решений, централизации ИТ-платформ;

- в использовании технологии блокчейн для подтверждения аутентичности цифровой информации, в применении в кибербезопасности концепции «нулевого доверия» для обеспечения целостности и сохранности информации;

- в широком внедрении алгоритмов искусственного интеллекта (ИИ) для автоматизации анализа, поиска, классификации и восста-

новления информации в случае ее утраты; использования генеративного ИИ для извлечения данных, проведения аналитических процедур в интересах бизнеса (proactive governance);

– в разработке унифицированных подходов и методов хранения электронной почты, записей в социальных сетях, видео и т. п., в использовании ИИ для автоматизации рутинных операций в основных направлениях архивной деятельности и т. п.

Вместе с тем, тотальный «переход на цифру» при сохраняющихся нерешенных проблем чреват возникновением новых, к которым, в частности, относятся потеря данных (data loss, «темные века»), этические вопросы (право на личную тайну, создание и распространение фэйковой информации, т. н. «bias»), негативное влияние дата-центров на природную среду и их катастрофоустойчивость и т. п.

Очевидно, что все перечисленное может иметь как оптимистичный, так и пессимистичный сценарий развития. В первом случае человечество ожидает «информационный ренессанс», при котором будет обеспечен самый широкий и равный доступ к информации при обеспечении идеальной степени ее сохранности электронными архивами. Во втором – безвозвратная утрата огромных объемов жизненно важной для всего человечества информации, хаос в управлении и, в конечном, итоге, откат в развитии человечества на несколько десятилетий назад.

Резюмируя рассмотрение обозначенной темы, отметим, что в течение последних 80 лет архивы ЭДН эволюционируют от вспомогательного инструмента к основному механизму обеспечения сохранности и хранения электронного документального наследия человечества. Успех их дальнейшего развития напрямую зависит от стандартизации, инвестиций в развитие ИТ-технологий и нахождения устойчивого баланса между доступностью и безопасностью. Без решения этих задач риск потери оперативного управления и будет огромен.

Список литературы

1. Expanded Definition of Documentary Heritage // UNESCO. CI/DPT/DHE/2025/14/ URL: https://www.unesco.org/sites/default/files/expanded_definition_documentary_heritage.pdf (дата обращения: 10.01.2026).

2. Тихонов В. И., Юшин И. Ф. Становление и развитие архивов машиночитаемых данных в 1960–1980-е годы // Отечественные архивы. 1998. № 6. С. 39–47.

3. Ларин М. В. Управление документацией и новые информационные технологии // Федеральная архивная служба России, Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела. М.: ООО «Издательство "Научная книга"», 1998. 136 с.

4. National Archives Electronic Records Archives (ERA) // NARA. URL: <https://www.archives.gov/era> (дата обращения: 10.01.2026).

5. Юмашева Ю. Ю. Источниковедение информационной эпохи. М.: ООО «Директ-Медиа», 2024. 512 с. DOI: 10.23681/712244.

6. 858 ТБ документов, 647 госсервисов и одна смерть. Как пожар в дата-центре парализовал самую технологичную страну мира // Securitylab.ru. 07.10.2025. URL: <https://www.securitylab.ru/news/564315.php?ysclid=mk868s2v2688059042> (дата обращения: 10.01.2026).

**ВЫЯВЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ФАКТОВ В УСЛОВИЯХ
ТОТАЛЬНОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
В НАУЧНОМ МИРЕ**

Клецкина Ольга Геннадьевна,
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры философии и гуманитарных дисциплин
института истории и социологии,
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,
г. Ижевск
e-mail: gi_ru@mail.ru

Аннотация. Автор тезисов, отталкиваясь от осознания неизбежности проникновения цифровых технологий в арсенал способов и инструментов, привлекаемых для проведения социально-гуманитарных исследований, попытался определить некоторые направления приложения потенциала искусственного интеллекта с целью получения исторических фактов. Основанием для обозначения отдельных исследовательских проблем в историческом знании выступили убедительные умозаключения из области методологии исторической науки. Значимым постулатом признается положение о преобладании взаимосвязей, присущих объекту познания, над числом признаков, свойственных историческому явлению. В представленной работе подчёркивается актуальность выполнения научных обобщений посредством аккумулярования и анализа существенного количества единичных фактов. Также формулируется предположение, что задача привития знаний по истории России новым поколениям в условиях существования интерпретаций, сталкивающихся друг с другом с идеологической точки зрения, может быть успешно решена только при условии нахождения доказательного обоснования верности научного суждения. Автором допускается вероятность использования искусственного интеллекта в качестве алгоритма, способного обнаружить или отвергнуть наличие взаимосвязей между рекомендациями, адресованными философам властителям, и частотой следования им со стороны последних, помочь установить совокупность фактов, демонстрирующих или опровергающих субъективизм рассуждений.

Ключевые слова: искусственный интеллект, исторические исследования, алгоритм, исторические факты, технологический детерминизм.

Неотъемлемыми атрибутами современного мира выступают компьютерные технологии и искусственный интеллект, составляющие окружение человека дома и на рабочем месте. В некоторых случаях потребители исторических знаний по сравнению с их создателями более продвинуты в освоении информационных ресурсов. Таким образом, актуальность прослеживается по вопросу поступления на службу истории искусственного интеллекта. Поэтому целью тезисов является поиск способов рационального применения искусственного интеллекта в исторических исследованиях.

Вторжение информационных технологий в классическую систему научных изысканий гуманитарного направления побуждает исследователей осмысливать возможности получения достоверных данных при помощи включения искусственного интеллекта в набор поисковых инструментов. В связи с этим уместно привести умозаключение специалиста в области исторического источниковедения П. Д. Ковальченко, по которому «взаимосвязей, присущих тем или иным объектам, явлениям и процессам, всегда намного больше, чем непосредственно характеризующих их признаков» [3, с. 110]. Опираясь на указанную методологическую основу, предположим, что искусственный интеллект, обладающий умением анализировать большой объём исторических фактов, отвечающих запросу исследователя, способен проверить частоту следования государственных деятелей рекомендациям, специально для них разработанным философами. Для иллюстрации версии полезного применения искусственного интеллекта в области формирования научных исторических фактов обратимся к отдельным наставлениям Н. Макиавелли.

Вышеназванный философ в труде «Государь» размышлял, сопоставляя опыт разных стран, о трудностях удержания власти над завоеванной страной, усматривая в успешном властвовании правителя над покорёнными народами «большую удачу и большое искусство»

[4, с. 37]. В качестве одного из способов умелого господства завоевателей мыслитель обозначил перенос столицы государства на территорию страны, лишённой суверенитета. К непосредственным преимуществам описанного подхода Макиавелли отнёс своевременное пресечение неизбежной смуты, минимизацию злоупотреблений чиновников, воздержание сопредельных стран от военной экспансии.

В другом случае, если завоеватель не намерен осуществлять переселение, Макиавелли советовал учредить в покорённой местности колонии, отведя для них территории, пригодные для выполнения функций транспортных артерий. Второй способ, по его убеждению, влечёт за собой затраты на размещение части войск в колониях. При этом, как предполагал мыслитель, могущество властителя не будет сломлено, ибо проживающее в границах колоний, став разорёнными, не смогут восстать, а оставшиеся вне колоний придут в смирение, опасаясь участи первых.

Описание способов выстраивания властных отношений с покорёнными Макиавелли дополнил внешнеполитическими рекомендациями, согласно которым слабые сопредельные государства могут стать стратегическими партнёрами завоевателя, в совокупности выступить противовесом странам, способным на вторжение. В то же время автор трактата призывал сдерживать территориальные притязания слабых соседей, чтобы не утратить прежнего влияния [4, с. 37–38].

Наставления Макиавелли, изложенные им в начале XVI в. относительно технологий властвования в завоёванных землях, допустимо оценить при помощи искусственного интеллекта на предмет их востребованности в XVI–XVII вв., так как именно в это время закладывались основы современной системы международных отношений и представлений о суверенитете государства. Следование предложенному пути выявит факты, во-первых, раскрывающие уровень апробации идей Макиавелли накануне и в начале Нового времени, во-вторых, иллюстрирующие степень результативности решений, найденных их поборником на основе обобщения предшествующего опыта небольшого количества стран.

По всей вероятности, искусственный интеллект способен преодолеть субъективизм, проступающий в оценочных суждениях мыслителей, даже в тех случаях, когда аналитик, осуществляя научный поиск, придерживался требований, идущих от методологии науки. Аргументировать предположение можно на основе противопоставления, являющегося ключевым положением в публикации Д. И. Дубровского «Сознание, мозг, искусственный интеллект», где автором скрупулёзно анализируются особенности субъективной реальности, свойственной сознанию, но отсутствующей у компьютера [2, с. 75, 81]. В связи с этим вызывает интерес мысль Н. А. Бердяева о схожести некоторых воззрений христианских пророков и апостолов с призывами идеологов коммунизма.

Бердяев в работе «Истоки и смысл русского коммунизма» называет первоисточником идей коммунизма христианское вероучение, подметив, что писаное сопровождение ортодоксальной религии, включая Евангелие, содержит тезисы, осуждающие богатство и богатых, а также отвергающие собственность в пользу установления равенства людей перед Богом. Также необходимо подчеркнуть, что это заявление мыслитель формулирует, ассоциируя коммунизм с религиозным верованием и признавая его эксклюзивность [1, с. 128, 139–140]. В результате разобраться с аргументированностью выводов Бердяева под силу только искусственному интеллекту. В данном случае нужен алгоритм, подчиняющийся задаче определения наличия приоритетности откровений первых христиан относительно отрицания богатства и собственности по сравнению с другими установками мировой религии, например, идеей равенства паствы перед Богом. На следующем этапе можно привлечь искусственный интеллект к обобщению наследия К. Маркса, В. Ленина с точки зрения раскрытия особенностей статуса людей, находящихся в условиях социального равенства. Такое исследование плодотворно, так как способно выявить степень научной оправданности сопоставления двух идейных учений: христианства и коммунизма. Целесообразность изучения обозначенного предмета познания определяется ориентированностью исторических изысканий на повышение количественной представительности обобщаемых данных [3, с. 214].

В свете рассматриваемой темы интерес вызывают интерпретации диалога культур. По наблюдениям В. В. Миронова, адаптация культур в условиях их смыслового несовпадения осуществляется через конфликт [5, с. 395]. В исторической науке конфликт присутствует в институциональной истории, существующей, согласно М. Ферро, в формах главенствующей истории, т. е. официально поддерживаемого описания исторических событий, и контристории [9, с. 306–307]. В истории России есть эпохальные события, по которым оценочные суждения двух форм институциональной истории расходятся лишь по отдельным фактам. Безусловно, таким историческим периодом выступает Великая Отечественная война. Вариантность обобщений по Великой Отечественной войне прослеживается по поводу отдельных решений, как правило, повлёкших за собой высокий уровень жертвенности, страданий, выпавших на долю советских людей. Ярким примером является приказ от 28 июля 1942 г. № 277 «Ни шагу назад!», подписанный наркомом обороны И. В. Сталиным накануне Сталинградской битвы. Генерал армии С. М. Штеменко в своих воспоминаниях о службе в Генеральном штабе и его деятельности в годы Великой Отечественной войны объяснил факт издания приказа необходимостью установления в воинских частях самого неотложного, т. е. порядка и дисциплины [8, с. 57]. Не акцентируя внимания на современной критике упомянутого приказа, обратимся к возможностям компьютерного моделирования, в большинстве случаев, как отметила Е. А. Никитина, применяемого для решения проблем в конкретной области научного знания [6, с. 401]. Если посредством искусственного интеллекта обнаружить краеугольные темы периода Великой Отечественной войны, то их перечень может стать предметом для научного обсуждения, призванного установить весомые доводы в пользу истинной трактовки причинно-следственных связей определённого управленческого решения, принятого в 1941–1945 гг.

Рассмотренные случаи целесообразного встраивания в инструментарий историка искусственного интеллекта настраивают на размышления о приоритетности технологического детерминизма [7, с. 298] в области гуманитарных исследований. Если руководствоваться методологической установкой о решающем значении новых технологий

в развитии социально-гуманитарных наук, то допустима ситуация, когда общественное признание будут иметь только те результаты научных изысканий, которые получены с использованием компьютерных технологий, искусственного интеллекта, в том числе в силу ангажированности процессов их внедрения в профессиональную деятельность учёного. Однако приведённые примеры убедительно демонстрируют, что ведущая роль в науке остаётся за исследователем, выявляющим научную проблему, определяющим методологическую основу и методы изысканий. На современном этапе общественного развития искусственный интеллект пользуется спросом в качестве инструмента решения научной проблемы, при этом эффективность его использования должна быть строго обоснована.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS, 1955 г. М.: Наука, 1990. 224 с.
2. Дубровский Д. И. Сознание, мозг, искусственный интеллект // Искусственный интеллект: междисциплинарный подход / под ред. Д. И. Дубровского, В. А. Лекторского. М.: ИИнтелЛЛ, 2006. С. 75–89.
3. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987. 436 с.
4. Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия: литературно-художественное издание / отв. ред. Р. Светлов. СПб.: Изд-во «Азбука», 2000. 274 с.
5. Миронов В. В. Информационное пространство: диалог культур // Искусственный интеллект: междисциплинарный подход / под ред. Д. И. Дубровского, В. А. Лекторского. М.: ИИнтелЛЛ, 2006. С. 392–398.
6. Никитина Е. А. Антропологический поворот в искусственном интеллекте // Искусственный интеллект: междисциплинарный подход / под ред. Д. И. Дубровского, В. А. Лекторского. М.: ИИнтелЛЛ, 2006. С. 399–410.
7. Современная западная философия: словарь / сост. В. С. Малахов, В. П. Филатов. М.: Политиздат, 1991. 414 с.

8. Штеменко М. С. Генеральный штаб в годы войны: военные мемуары. Кн. 1 и 2. М.: Воениздат, 1989. 560 с.

9. Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира: пер. с фр. М.: Высш. шк., 1992. 351 с.

**ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
В АРХИВНОМ ИССЛЕДОВАНИИ «СТУДЕНТЫ
И ПРЕПОДАВАТЕЛИ В ГОДЫ ВОВ
(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА УДГУ)»**

Башев Алексей Владимирович,

директор Научно-образовательного и экспозиционного центра,
старший преподаватель кафедры философии
и гуманитарных дисциплин института истории и социологии,
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
г. Ижевск
e-mail: 13lynx13@gmail.com

Аннотация. Статья обобщает опыт применения цифровых технологий в рамках архивного исследования, посвящённого восстановлению биографий студентов, выпускников и преподавателей Удмуртского государственного педагогического института (УГПИ), участвовавших в Великой Отечественной войне. Работа построена на основе анализа личных дел и книг приказов из архива Удмуртского государственного университета (УдГУ). Проведён экспериментальный анализ статистических данных с помощью нейросетевой модели DeepSeek. Результаты исследования включают детальную социально-демографическую, военно-учётную и мемориальную характеристику контингента, что вносит вклад в изучение региональной истории и практику цифровой архивистики.

Ключевые слова: архивное исследование, Digital Humanities, Великая Отечественная война, Удмуртский государственный педагогический институт, «Книга Памяти», базы данных «Мемориал», историческая память, биографические данные, цифровая архивистика, нейросетевой анализ.

Данная статья продолжает исследование, проводимое Научно-образовательным и экспозиционным центром Удмуртского государственного университета (далее – НОЭЦ УдГУ), по восстановлению биографий участников Великой Отечественной войны (далее – Вов), которые были связаны с Удмуртским государственным педагогическим институтом

(далее – УГПИ) в довоенное время. Основой для исследования стали личные дела студентов и преподавателей, а также книги приказов довоенного времени, хранящиеся в архиве Удмуртского государственного университета (далее – УдГУ). Именно они стали основным материалом для сборника биографических сведений о студентах, выпускниках и преподавателях УГПИ в годы Вов, который вышел в июне 2025 г. И получил наименование «Книга Памяти преподавателей, студентов и выпускников Удмуртского государственного педагогического института (часть 1)» [10]. Из-за большого объёма материала было принято решение и выпуске ещё двух частей, выход которых должен состояться по планам в 2026–2027 гг.

С 2020 г. Исследования по воссозданию биографий и увековечению памяти студентов, преподавателей и выпускников УГПИ в НОЭЦ УдГУ курирует специалист по экспозиционной и выставочной деятельности Т. М. Богомолова, научное консультирование осуществляет директор центра А. В. Башев. Первоначальный сбор материалов по биографиям участников ВОВ, проводился А. А. Александровым в рамках работы Комнаты боевой и трудовой славы (с 1997 г. – Центром истории образования науки и культуры (ЦИОНК)) [3, с. 210–211]. Удалось установить имена только 33 погибших и пропавших без вести студентов и преподавателей.

Говоря об изучении военного периода необходимо отметить целый ряд публикаций, выходящих в разное время и связанных чаще всего с деятельностью Совета ветеранов УдГУ. В первую очередь хочу отметить, что в 1980-е годы была проведена большая работа по сбору материалов для создания альбома с воспоминаниями ветеранов войны и труда и их фотографиями. Руководил этой работой директор Комнаты боевой и трудовой славы университета А. А. Александров. Свои воспоминания в рукописном виде к 40- летию Победы представили 35 ветеранов войны и 29 тружеников тыла – преподавателей УдГУ. Первый вариант рукописи был напечатан в машинописном бюро вуза в 1986 г. и представлен сборником в двух частях: первая – «Они сражались за Родину», вторая – «Они ковали Победу в тылу». В настоящее время обе части сборника хранятся в Музее истории УдГУ (НОЭЦ).

С 1997 г. По 2020 г. Выходят целый ряд работ, ориентированных в первую очередь на сохранение воспоминаний о Вов и биографий участников Вов – это «Призвание (ветераны университета)» (1997 г.; 2 изд. Доп. И исп. 2001 г.); «Великая Отечественная война в нашей памяти» (2005 г.); «Великая Отечественная война в нашей памяти» (2010 г.); «Великая Отечественная война глазами детей» (2020 г.) [11; 12; 6; 7; 8]. Отдельные разделы, посвященные ВОВ, были написаны в коллективных монографиях, посвященных истории УГПИ-УдГУ [13, с. 43–52; 14, с. 132–150].

С началом активной работы обобщенного банка данных «Мемориал» (далее – ОБД «Мемориал») и информационной системы «Память народа» (далее – ИС «Память Народа») появилась возможность изучить подлинные документы о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: сведения об ее участниках, боевые пути армий, дивизий и полков, наградные документы, описание подвигов, данные о потерях.

Примером использования ОБД «Мемориал» и во много началом системного изучения и восстановления биографий студентов, преподавателей и выпускников военного времени, стало изучение биографии Г. П. Макарова (директора УГПИ в 1933–1937 гг.), погибшего на фронте. На момент начала поисков были известны только эти данные. Так поиск информации о фронтовой судьбе Г. П. Макарова в ОБД «Мемориал» и ИС «Память Народа» позволил восстановить его биографию, включая время, место гибели и захоронения [4, с. 143–156; 5, с. 161–171.]. В дальнейшем вышли две статьи, посвященные уже научному обобщению имеющихся архивных материалов [2, с. 28–36; 9, с. 212–218]. Данная работа представляет собой логическое продолжение этих наработок. С одной стороны, это анализ уже оцифрованных документов, личных дел и книг приказов времени Вов, а с другой, привлечение, во многом в качестве эксперимента, нейросети Deepseek для работы со статистическими данными.

В ходе работы над книгой памяти УГПИ (на январь 2025 г.) были установлены имена 170 студентов, выпускников и преподавателей, не вернувшихся с фронтов Вов, включенные в дальнейшем в мемо-

риальный список УГПИ-УдГУ. Собраны и систематизированы сведения по каждому из найденных нами бойцов, погибших или пропавших без вести, об их званиях, воинских частях, наградах, ранениях, захоронениях. Обработаны военные фотографии, на основании имеющихся в архиве УдГУ их личных дел составлены биографии. По книгам приказов составлен список мобилизованных в РККА студентов и сотрудников (148 чел.), проведена работа по систематизации личных дел [2, с. 28–36].

Всего 535 студентов и выпускников УГПИ очной формы обучения (из числа имеющих личные дела в архиве УдГУ) приняли участие в Великой Отечественной войне. Из них 212 человек награждены орденами и медалями за боевые подвиги. Среди них – 17 погибших и без вести пропавших. Награждены более чем двумя боевыми наградами – 87 человек. Среди орденосцев, прошедших войну, по 6 наград имеют Ф. В. Трифонов, Г. С. Меньшиков, З. З. Галимов (все выпускники естественного факультета УГПИ). Общее количество погибших и пропавших без вести на фронтах Великой Отечественной войны 170 человек. Из них: 84 человека погибли и 76 человек – пропали без вести. Из мобилизованных студентов в ряды Красной Армии (по книгам приказов по УГПИ за 1941–1944 гг.) 5 человек после участия в Великой Отечественной войне продолжили учебу в пединституте, а окончив вуз, работали преподавателями на физико-математическом факультете УГПИ-УдГУ (П. Н. Семенов, Е. А. Ирисов, П. С. Орехов, П. А. Гордеев, П. М. Чураков. Также в числе погибших на фронте директора УГПИ Г. П. Макаров, Ф. Г. Ившин, директор педрабфака К. Г. Клестов) [2, с. 28–36].

Ниже представлены некоторые статистические выкладки о пропавших без вести и погибших в годы войны (данные на январь 2025 г.):

Таблица 1

Погибшие и пропавшие без вести:	
выпускники	98
студенты	54
обучавшиеся	18
общее количество	170

Таблица 2

Год окончания вуза:	
1935	5
1936	11
1937	9
1938	20
1939	16
1940	27
1941	9
1942	1

Таблица 3

Националь- ность	Выпуск- ники	Сту- денты	Обучавши- еся	Общее ко- личество
удмурты	71	28	13	112
русские	23	24	5	52
татары	0	2	0	2
украинцы	1	0	0	1
белорусы	1	0	0	1
евреи	1	0	0	1
нет сведений	1	0	0	1

Таблица 4

Социальное происхожде- ние	Выпуск- ники	Сту- денты	Обучавши- еся	Общее ко- личество
из крестьян	92	48	14	154
из рабочих	2	5	2	9
из служащих	4	1	2	7

Таблица 5

Место рож- дения	Выпуск- ники	Студенты	Обучавши- еся	Общее ко- личество
РСФСР	6	7	1	14
БССР	1	0	0	1
УССР	1	0	0	1
КазССР	1	0	0	1
УАССР	85	45	17	147

БАССР	1	0	0	1
ТАССР	3	2	0	5
КазССР	1	0	0	1
УАССР	85	45	17	147
БАССР	1	0	0	1
ТАССР	3	2	0	5

Таблица 6

Партий-ность	Выпуск-ники	Студенты	Обучавши-еся	Общее ко-личество
ВЛКСМ	41	31	2	74
ВКП(б)	24	10	4	38
нет сведе-ний	33	13	12	58

Таблица 7

Факультет	Выпуск-ники	Сту-денты	Обу-чавши-еся	Общее количество
Физико-математи-ческий факультет	37	19	4	60
Исторический фа-культет	32	15	3	50
Естественнонауч-ный факультет	10	5	5	20
Факультет языка и литературы	15	12	5	32
Факультет ино-странных языков	4	3	1	8

Таблица 8

Призыв по годам	Выпуск-ники	Студенты	Обучавши-еся	Общее ко-личество
1938	2	0	0	2
1939	7	5	1	13
1940	17	3	3	23
1941	41	36	11	88
1942	21	10	3	34
1943	3	0	0	3

Таблица 9

Рода войск	Выпускники	Студенты	Обучавшиеся	Общее количество
Стрелковые части	75	36	10	121
Танковые части	2	6	1	9
Части связи	2	0	0	2
Войска химзащиты	1	1	0	2
Авиационные части	1	10	0	11
Нет сведений	17	1	7	25

Таблица 10

Воинские звания	Выпускники	Студенты	Обучавшиеся	Общее количество
Рядовой	43	17	6	66
Старшина	1	0	1	2
Сержант	2	6	3	11
Ефрейтор	2	0	0	2
Лейтенант	32	23	5	60
Воентехник	0	1	0	1
Политрук	0	4	0	4
Капитан	2	1	0	3
Нет сведений	16	2	3	21

Таблица 11

Причины гибели	Выпускники	Студенты	Обучавшиеся	Общее количество
Убит	46	33	6	85
Без вести	45	20	11	76
Умер в плену	3	1	1	5
Умер в эвакуационном госпитале	3	0	0	3
Нет сведений	1	0	0	1

Таблица 12

Военное образование	Выпускники	Студенты	Обучавшиеся	Общее количество
Курсы	4	3	0	7
Училища	3	10	0	12
Переподготовка	1	0	0	1
Общая численность	8	13	0	21

Таблица 13

Награждение	Выпускники	Студенты	Обучавшиеся	Общее количество
1 награда	7	6	0	13
2 награды	1	2	0	3
3 награды	0	1	0	1
общая численность	8	9	0	17

Таблица 14

Возраст на момент гибели	Выпускники	Студенты	Обучавшиеся	Общее количество
19–20	1	1	2	4
21–25	18	25	4	47
26–30	36	18	5	59
31–35	31	8	4	43
36–40	10	2	2	14
41–45	2	0	1	3

Хотелось бы отметить, что данные, представленные здесь, не включают преподавателей и включают студентов только очной формы обучения [2, с. 28–36].

Для анализа данных мною в качестве эксперимента была привлечена большая языковая модель DeepSeek V3.1-Chat. Был составлен текстовый промт: «День добрый, ИИ-коллега. Ваша задача – проверить статические данные и написать по ним аналитику. Ваша роль –

научный сотрудник. Придерживаемся строго научного стиля и академического письма. Объём не меньше 2 000 знаков. Обращаю Ваше внимание, что документ «новый документ» – это контрольные таблицы. Подходим максимально критически, перепроверяем и анализируем».

Приведу целиком результат анализа DeepSeeka:

Аналитический отчёт по статистическим данным о погибших и пропавших без вести среди выпускников, студентов и обучавшихся вуза в период Великой Отечественной войны.

Введение

Представленные данные содержат систематизированные сведения о потерях среди трёх категорий лиц, связанных с высшим учебным заведением (предположительно, Удмуртского государственного педагогического института/университета – УГПИ/УИ) в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Целью данного анализа является верификация агрегированных статистических данных, представленных в сводных таблицах («Новый документ»), на основе первичных списков (файлы ВОВ_вып.xlsx, ВОВ_студ.xlsx, ВОВ_обуч.xlsx), а также выявление ключевых демографических, социальных и военно-учётных характеристик погибших.

1. Верификация общих количественных показателей

Сводные данные указывают общее число погибших и пропавших без вести в 170 человек, распределённых следующим образом:

1. Выпускники: 98 человек.
2. Студенты: 54 человека.
3. Обучавшиеся (отчисленные, переведённые, не завершившие обучение): 18 человек.

Ручной подсчёт записей в файлах Excel подтверждает полное соответствие этих цифр. В файле ВОВ_вып.xlsx содержится 98 заполненных строк с данными о выпускниках. В файле ВОВ_студ.xlsx – 54 строки о студентах. В файле ВОВ_обуч.xlsx – 18 записей об обучавшихся. Таким образом, базовая количественная сводка является достоверной и соответствует первичным материалам.

2. Анализ структуры потерь по основным параметрам

2.1. Национальный состав

Данные свидетельствуют о выраженной этнической специфике контингента учебного заведения и, соответственно, потерь: Удмурты: 112 человек (65.9% от общего числа). Это абсолютно преобладающая группа, что коррелирует с географическим расположением вуза в Удмуртской АССР; Русские: 52 человека (30.6%). Прочие национальности (татары, украинцы, белорусы, евреи): представлены единично (от 1 до 2 человек), что в сумме составляет 6 человек (3.5%).

Проверка по файлам подтверждает данное распределение. Преобладание удмуртского населения отражает региональную политику подготовки педагогических кадров для автономной республики.

2.2. Социальное происхождение

Подавляющее большинство погибших имело крестьянские корни: Из крестьян: 154 человека (90.6%), из рабочих: 9 человек (5.3%), из служащих: 7 человек (4.1%).

Данный факт является характерным для социальной структуры студенчества педагогических вузов СССР 1930-х – начала 1940-х годов, особенно в аграрных регионах.

2.3. География рождения

Абсолютное большинство потерь связано с уроженцами Удмуртской АССР (УАССР) – 147 человек (86.5%). Уроженцы других регионов РСФСР, БССР, УССР, КазССР, БАССР, ТАССР представлены минимально (от 1 до 14 человек). Это подтверждает локальный характер набора в вуз.

2.4. Партийность

Среди погибших было значительное число членов общественно-политических организаций: ВЛКСМ (комсомол): 74 человека (43.5%), ВКП(б): 38 человек (22.4%). Нет сведений / не указана: 58 человек (34.1%). Высокая доля комсомольцев и членов партии отражает как общую социально-политическую активность студенчества того времени, так и возможную более высокую вероятность призыва на фронт именно этой категории.

2.5. Факультетская принадлежность

Наибольшие потери понесли: Физико-математический факультет (ФМФ): 60 человек (35.3%); Исторический факультет (ИФ): 50 человек (29.4%); Факультет языка и литературы: 32 человека (18.8%); Естественнонаучный факультет: 20 человек (11.8%); Факультет иностранных языков: 8 человек (4.7%). Распределение, вероятно, соответствует численности студентов на этих факультетах. Высокие потери на физмате и истфаке могут также косвенно указывать на приоритетный призыв лиц с хорошей общеобразовательной подготовкой в технические и командные рода войск.

3. Военно-учётные характеристики

3.1. Годы призыва и окончания вуза

Пик призыва пришёлся на 1941 год – 88 человек (51.8% от общего числа). Это соответствует общей мобилизационной волне начала войны. Среди годов окончания вуза лидируют 1940 (27 человек) и 1938-1939 гг. (по 16-20 человек), что указывает на то, что на фронт уходили в основном молодые недавние выпускники и студенты старших курсов.

3.2. Род войск и воинские звания

Основная масса погибших служила в стрелковых частях (СД) – 121 человек (71.2%), что соответствует общей структуре сухопутных войск РККА, где пехота несла наибольшие потери. Танковые, авиационные части, войска связи представлены минимально (от 2 до 11 человек).

По воинским званиям: Рядовой и сержантский состав: 79 человек (46.5%: рядовые – 66, сержанты/старшины/ефрейторы – 13); Офицерский состав (лейтенанты, капитаны, политруки): 70 человек (41.2%). Нет сведений: 21 человек (12.3%).

Высокая доля младших офицеров (лейтенантов – 60 человек) свидетельствует об эффективной системе ускоренной подготовки командиров из числа образованной молодёжи (выпускников и студентов).

3.3. Причины гибели: Распределение почти поровну: убиты: 85 человек (50%). Пропали без вести: 76 человек (44.7%). Умерли от ран,

в плену, в госпиталях: 9 человек (5.3%). Высокий процент пропавших без вести характерен для условий первых лет войны с масштабными отступлениями, окружениями и проблемами учёта потерь.

4. Дополнительные параметры (военное образование и награды)

Лишь небольшая часть погибших имела документально зафиксированное военное образование до войны или в ходе её (окончили курсы, училища – около 40 человек) или была отмечена государственными наградами (17 человек, имеющих награды). Это говорит о том, что основная масса была призвана и погибла в первые годы войны, не успев получить ни длительной военной подготовки, ни значительного боевого опыта, отмеченного наградами.

Заключение

Проведённая проверка подтвердила высокую степень достоверности и внутренней согласованности представленных статистических данных. Анализ позволяет сделать следующие основные выводы:

Потери были преимущественно локальными: более 85% погибших являлись уроженцами Удмуртской АССР и представителями удмуртской национальности, что отражает региональный характер вуза.

Социальный портрет типичен: подавляющее большинство погибших – выходцы из крестьян, комсомольцы или члены ВКП(б), что соответствует социально-политическому облику советского студенчества предвоенной поры.

Война прервала процесс обучения и профессионального становления: на фронт в массовом порядке были призваны студенты и недавние выпускники (1938–1941 гг. выпуска), многие из которых уже получили офицерские звания (лейтенанты).

Характер службы и гибели: большая часть служила в пехоте, потери распределены почти поровну между убитыми и пропавшими без вести, что соответствует трагической статистике первых, самых тяжёлых лет войны.

Данные служат ценным источником для историко-демографических, военно-исторических и мемориальных исследований, наглядно демонстрируя вклад конкретного регионального педагогического

вуза и его воспитанников в общую победу и высокую цену, уплаченную за неё интеллигенцией из национальных республик СССР.

В целом, с учётом того, что нейросеть была уже частично в теме «истории УГПИ» и настраивалась автором в качестве научного помощника и консультанта, представленный выше анализ нейросети DeepSeek можно признать удовлетворительным.

Подведём некоторые итоги по приведенной статистике: физико-математический и исторический факультеты понесли наибольшие потери; преобладание стрелковых частей, в которых воевали наши студенты и выпускники; рядовой и младший командный состав, как основные воинские звания; возраст погибших студентов – 21–25 лет, возраст погибших выпускников – 26–35 лет [2, с. 28–36].

Подводя общий итог, хочется отметить, что в предвоенные годы Удмуртский пединститут (открытый в 10 апреля 1931 года) представлял собой комплексное учебное заведение состоящее из целого ряда соподчинённых частей, таких как 4-летний пединститут с четырьмя факультетами и заочными отделениями, 2-годичный учительский институт с четырьмя факультетами, педагогический рабфак и другие [1, с. 216–226] и как следствие сложность и неполнота архивного фонда УдГУ, приводят к тому, что буквально по крупницам, приходится реконструировать биографии студентов, выпускников и преподавателей УГПИ – участников ВОВ. Так, например, нами пока не охвачены заочное отделение, педрабфак и др. Огромное значение представляет и тот факт, что большое число студентов (см. таблицу № 14) погибших в молодом возрасте не оставили после себя семей [2, с. 28–36].

Список литературы

1. Башев А. В. Книги приказов как исторический источник по истории УГПИ (1931–1941) // Актуальные проблемы региональной истории. Памяти учителей: Аркадий Андреевич Тронин (1931–2016), Степан Парфёнович Зубарев (1911–1994), Михаил Андрианович Садаков (1916–1993): материалы II Всерос. с междунар. участием науч. конф. Ижевск. 2021. 467 с.

2. Башев А. В. Студенты, выпускники и преподаватели Удмуртского государственного педагогического института в годы Великой Отечественной войны: предварительные итоги исследования // Великая Отечественная война 1941-1945 гг.: взгляд из XXI века: сб. ст.: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию Победы (Ижевск, 10 апр. 2025 г.). 2025. 668 с.

3. Башев А. В. ЦИОНК-НОЭЦ УдГУ: История, состояние, перспективы // Формирование научного и кадрового потенциала развития Удмуртской Республики 8–10 ноября: сб. конф. 2022. 647 с.

4. Башев А. В., Рамазанова (Измайлова) А. А. Герман Павлович Макаров (25.06.1905–02.08.1943) // Классический университет: история и современность: материалы II-й Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию Удмурт. гос. ун-та (Ижевск, 29 янв. 2021 г.). 2021. 424 с.

5. Башев А. В., Рамазанова (Измайлова) А. А. Фронтная судьба Г. П. Макарова – организатора высшего образования в Удмуртии и заместителя командира 3-го батальона 30-й мотострелковой бригады УДТК // Всеуральские чтения по истории Уральского добровольческого танкового корпуса. 2020 год: сб. материалов. 2021. 431 с.

6. Великая Отечественная война в нашей памяти: сб. воспоминаний / Сост.: А.А. Александров и др. Ижевск, 2005. 252 с.

7. Великая Отечественная война в нашей памяти: сб. воспоминаний / Сост.: И.А. Варнавский и др. Ижевск, 2010. 80 с.

8. Великая Отечественная война глазами детей сб. воспоминаний / Сост.: Б.М. Нечитайло и др. Ижевск, 2020. 160 с.

9. Даньшина С. А. Цифровые архивные источники как инструмент формирования исторической памяти о Великой Отечественной Войне // Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: взгляд из XXI века: сб. ст.: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию Победы (Ижевск, 10 апр. 2025 г.). 2025. 668 с.

10. Мерзлякова Г. В., Богомолова Т. М., Башев А. В., Даньшина С. А. Книга Памяти преподавателей, студентов и выпускников Удмуртского государственного педагогического института. Ч. 1. 2025.

128 с. URL: <http://elibrary.udsu.ru/xmlui/handle/123456789/23138> (дата обращения: 17.01.2026).

11. Призвание (ветераны университета). Книга первая / Сост. И. В. Петровский. Ижевск, 1997. 236 с.

12. Призвание. 2 изд. доп. и исп. 2001. 310 с.

13. Пузанов В. В., Верижникова И. В. Очерки истории Удмуртского государственного университета 1931–2001. 2001. 272 с.

14. Пузанов В. В., Верижникова И. В., Кутявин А. Н., Халявин Н. В. Очерки истории Удмуртского государственного университета 1931–2005. 2006. 564 с.

ОТ ХРАНИЛИЩА К ИНТЕРФЕЙСУ: КАК ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРЕВРАЩАЕТ АРХИВ В СРЕДУ ЗНАНИЙ

Губайдуллин Радик Магифуллович,
начальник архива БУЗ УР «1 РКБ МЗ УР»
г. Ижевск
e-mail: radix@yandex.ru

Аннотация. На основе 27-летнего опыта работы в архивной сфере – от программиста до руководителя архива медицинского учреждения – в статье анализируется цифровизация как фундаментальное переосмысление архивного дела. Автор показывает, как архив превращается из пассивного хранилища документов в активную среду производства знаний, где оцифрованные материалы открывают возможности для масштабного сравнения, выявления тенденций и реконструкции социальных и административных процессов. На примере электронного фонда пользования Первой республиканской клинической больницы Удмуртии демонстрируется, как цифровые инструменты ускоряют доступ к информации и позволяют строить новые типы исторических нарративов. Вместе с тем подчёркиваются связанные с этим риски: потеря материального контекста документа, зависимость от качества распознавания текста и логики поисковых систем, а также неравномерность охвата оцифровкой различных категорий фондов. Ключевым фактором успешной трансформации автор считает не технологии, а профессиональное суждение архивиста и исследователя, способного критически оценивать условия, в которых формируется цифровая версия прошлого. Статья предлагает рассматривать современный архив как гибридную систему, объединяющую материальный оригинал и его цифровую репрезентацию.

Ключевые слова: архив, цифровизация, оцифровка, электронные фонды, исторические документы, цифровая трансформация, гибридная система, исследовательская работа, метаданные.

За 27 лет работы в архивной сфере – от должности программиста в Центре документации новейшей истории до заместителя директора Центрального государственного архива, а также от предпринимателя,

15 лет назад начавшего заниматься оцифровкой документов в муниципальных архивах республики, до начальника архива Первой республиканской клинической больницы (1 РКБ) – я был в центре происходящих перемен и их активным участником. Этот опыт позволил мне увидеть процесс цифровизации как симбиоз традиционного архивного дела и новых электронных инструментов познания. Сегодня в моей работе оцифровка неотделима от активного использования электронных образов документов, в том числе в научно-исследовательской деятельности.

Этот симбиоз оказался не просто техническим обновлением, а глубокой трансформацией самой природы архивного дела. Архив перестал быть исключительно хранилищем прошлого – он стал живым организмом, способным взаимодействовать с настоящим и даже влиять на будущее. Цифровизация не упразднила бумагу, но наделила её новыми свойствами: доступностью, поисковой гибкостью, возможностью межархивной интеграции и аналитической обработки.

Я наблюдал, как сканеры превращались из экзотики в обязательный элемент архивного рабочего места, как метаданные становились столь же ценными, как и сами документы, а облачные платформы позволяли исследователю из Владивостока работать с фондами, хранящимися в Ижевске, не выходя из дома. Но главное – я видел, как менялось мышление архивистов. От пассивных хранителей они превращались в активных медиаторов между историческим наследием и современным обществом.

Цифровизация, таким образом, не заменила архив – она его расширила. Она позволила выйти за пределы физического пространства читальных залов и каталогов, превратив архив в интерактивную среду знаний. И в этом процессе ключевую роль играет не технология сама по себе, а человек – тот, кто понимает ценность документа, умеет задавать правильные вопросы и готов делиться найденным. Именно такой подход, сочетающий уважение к традиции и смелость инноваций, определяет лицо архива XXI века.

От хранилища к среде производства знания

В условиях стремительной цифровизации культурного наследия архив перестаёт быть исключительно физическим пространством хранения документов и превращается в динамическую среду производства знания. Этот переход выходит за рамки технической оптимизации и затрагивает сами основания исторической науки. На примере формирования электронного фонда пользования (ЭФП) в архиве Первой республиканской клинической больницы Удмуртии (около 800 оцифрованных дел на начало 2026 г.) можно проследить, как цифровые технологии не просто ускоряют доступ к информации, но радикально переопределяют саму природу исторического источника, способы его изучения и методы его интерпретации. Цифровая трансформация архива – это не создание параллельной реальности, а формирование гибридной системы, где материальные артефакты и их алгоритмические двойники вступают в сложное взаимодействие, порождая новые исследовательские вопросы и методологические вызовы.

Потеря тактильности и рождение «данного-свидетельства»

Традиционный архивный опыт предполагал тактильное, контекстуальное взаимодействие с документом. Архивист физически перемещался по хранилищу, исследователь ощущал материальность бумаги, её плотность и цвет, замечал характерные пометки, следы износа, особенности подшивки – всё это формировало «архивную интуицию» и невербальный контекст, являвшийся неотъемлемой частью исторического познания. В физическом архиве документ воспринимался как целостный объект, встроенный в сложную материальную и административную среду (соседство других дел, порядок в описи, пометки архивариуса).

Цифровой архив, напротив, предлагает дискретный, алгоритмически опосредованный доступ. Поиск осуществляется не через последовательное погружение в фонд, а через ввод ключевых слов, дат или имён, выдаваемых системой оптического распознавания текста (OCR). Это ведёт к фундаментальной деконтекстуализации источ-

ника – документ извлекается из своей материальной, пространственной и институциональной оболочки и превращается в автономную «точку данных» в базе. Страница приказа 1985 года перестаёт быть частью конкретного тома, занимающего определённое место на определённой полке; она становится файлом в папке, извлекаемым по запросу. Происходит трансформация источника-артефакта в «данное-свидетельство», где акцент смещается с целостного объекта на извлечённую, машиночитаемую информацию.

Новые горизонты исторического исследования: от казуса к паттерну, от биографии к сетевому анализу

Однако вместе с потерей тактильного контекста возникает новая, ранее недоступная возможность – возможность масштабного сопоставления и анализа паттернов. Цифровой двойник архива позволяет оперировать не с единичными документами, а с агрегированными массивами данных. Например, в созданном при моём участии электронном фонде пользования 1 РКБ поиск по фамилии сотрудника за 15–20 лет теперь занимает минуты, а не дни. Это позволяет не просто подтвердить факт работы, но и реконструировать карьерную траекторию, динамику должностей, изменения в структуре заработной платы – строить микросоциологические нарративы, ранее недоступные из-за трудоёмкости ручного поиска.

Более того, кросс-анализ разных видов документов (приказов о назначении, штатных расписаний, тарификационных списков) открывает путь к сетевому и структурному анализу истории учреждения. Можно выявить «центры притяжения» кадров (какие отделения росли быстрее), проследить динамику гендерного состава, проанализировать корреляцию между структурными реформами и текучестью кадров. Историк получает инструмент для работы не с уникальным казусом, а с социальными и административными тенденциями, выраженными в данных. Рождается новая форма исторической аргументации, подкрепляемая не только цитатой, но и визуализацией данных (графиками, диаграммами, тепловыми картами).

Алгоритм как со-автор исторического нарратива и проблема «чёрного ящика»

Ключевой тезис заключается в том, что алгоритм цифрового архива не нейтрален. Он является активным со-автором в производстве исторического знания. Это проявляется на нескольких уровнях:

1. Уровень оцифровки и OCR: Системы распознавания текста ошибаются, особенно при работе с устаревшими шрифтами, рукописными вставками или повреждёнными листами. Ошибка в распознавании фамилии («Смирнов» → «Смиров») может стереть человека из цифровой реальности архива. Таким образом, цифровая версия прошлого изначально фильтрована техническими ограничениями сканера и ПО.

2. Уровень поисковой логики: Поисковые движки ранжируют результаты по скрытым от пользователя алгоритмам (релевантность, дата). Они определяют, какой документ будет показан первым, формируя у исследователя неявную иерархию значимости. Полнотекстовый поиск может выдать сотни результатов, но интерфейс и логика сортировки предопределяют траекторию их просмотра.

3. Уровень приоритетов оцифровки: Решение о том, какие фонды оцифровать в первую очередь (в случае 1 РКБ – приказы по личному составу), уже закладывает будущий ландшафт исследовательских возможностей. Оно неявно утверждает, что социально-правовая история (труд, стаж) более доступна и релевантна, чем, например, клиническая история болезней, чья оцифровка в разы сложнее. Цифровой архив конструирует определённую версию прошлого, основанную на прагматичных и экономических соображениях.

Следовательно, перед историком встаёт новая критическая задача: рефлексировать не только содержание источника, но и условия его цифрового бытования. Необходима «критика алгоритма», понимание его границ и предустановок. Доверие к результату поиска должно быть опосредовано знанием о том, как этот результат был сгенерирован. Работа историка теперь начинается с верификации данных, представленных машиной.

Оригинал, двойник и режимы доступа

Феномен «цифрового двойника» – создания электронной копии перед передачей оригинала в государственный архив – указывает на формирование новой архивной природы с разделёнными режимами легитимности и доступа.

Цифровой двойник (ЭФП) становится рабочим инструментом повседневной практики. Он существует в режиме оперативного поиска, копирования, анализа данных. По своей сути он представляет собой функциональную репрезентацию.

Материальный оригинал, переданный в госархив, приобретает статус объекта долгосрочного хранения, почти музейного экспоната. Его доступность ограничена, его ценность смещается в сторону аутентичности и материальной целостности. Его режим – память-артефакт.

Это разделение создаёт дистанцию между исследовательской практикой (работающей в основном с цифровыми двойниками) и материальным источником. Вопрос в том, насколько полно двойник репрезентирует оригинал, и не упускаем ли мы что-то важное в этой цифровой миграции?

Заключение: цифровизация как вызов историческому познанию

Таким образом, цифровизация архивов – это не просто техническая модернизация, а глубокий сдвиг в способах исторического познания, требующий переосмысления:

1. Природы исторического источника: от целостного артефакта к агрегируемому, машиночитаемому данным.

2. Роли исследователя: от интерпретатора текста к критику алгоритма и интерпретатору паттернов, выявленных в больших данных.

3. Границ доказательности: между статистической значимостью паттерна и уникальностью свидетельства, между машинной обработкой и историческим суждением.

4. Сущность архива: как гибридной системы, где материальные и цифровые объекты сосуществуют в разных режимах значимости.

Анализ таких практических кейсов, как электронный фонд пользования 1 РКБ, или даже Центрального госархива республики, позволяет не только фиксировать изменения в архивной работе, но и активно участвовать в более широком теоретическом диалоге о том, как цифровая цивилизация переопределяет условия возможности исторического знания. Цифровой двойник архива – это не зеркало прошлого, а сложный интерфейс, предлагающий новые способы его вопрошания и одновременно накладывающий новые ограничения. Задача современного историка и архивиста – овладеть этим интерфейсом, сохранив при этом критическую рефлекссию о том, какие версии прошлого он позволяет увидеть, а какие – систематически скрывает.

**ЦИФРОВЫЕ МИКРОДААННЫЕ В ИЗУЧЕНИИ БРАЧНОСТИ
СТАРООБРЯДЦЕВ ИЖЕВСКОГО ЗАВОДА: ВОЗМОЖНОСТИ
МЕТОДА, ОШИБКИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
И РОЛЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА**

Губайдуллина Татьяна Сергеевна,

магистр истории, действительный член Уральского историко-родословного общества (УИРО), секретарь Ижевского отделения, член
Ижевского отделения
Российского общества историков-архивистов (РОИА)
г. Ижевск
e-mail: tracy81@yandex.ru

Аннотация. Тезисы посвящены применению метода микроданных (индивидуализированных записей метрических книг) в изучении брачных практик старообрядцев Ижевского завода XIX в. Рассматриваются возможности метода для реконструкции демографических процессов, типичные ошибки, роль ИИ в обработке и интерпретации данных, а также этические аспекты обезличенности. На основе архивных источников Центрального государственного архива УР демонстрируется трансформация исторического знания под влиянием цифровых технологий, включая изменение эпистемологических основ исторической науки.

Ключевые слова: микроданные, старообрядчество, брачность, Ижевский завод, искусственный интеллект, цифровой архив, демографические процессы.

**Использование метода микроданных в вопросах
брачности старообрядцев**

Метод микроданных, основанный на индивидуализированных записях первичных источников (метрических книг, исповедных ведомостей, заводских отчетов), позволяет преодолеть ограничения макростатистики и реконструировать социальные практики на микроуровне. В исследовании брачности старообрядцев Ижевского завода по выборке за 1843–1858 гг. [6] метод применён к 236 зарегистриро-

ванным бракам Пророко-Ильинской единоверческой церкви с фиксацией года брака, пола, возраста жениха/невесты, конфессии партнёров (единоверцы/раскольники), социального звания (мастеровые, непременные работники, крестьяне), места жительства (Ижевск и окрестности), признака повторности и типа союза (единоверческий, раскольнический, смешанный). Это даёт возможность определить средний возраст вступления в брак, конфессиональную принадлежность партнёров, социальное звание и повторность союзов. Выявлено: 49,6% единоверческих браков, 23,7% раскольнических, 16,9% смешанных и 8,9% повторных. Гендерная асимметрия выражена в ранних браках женщин (47,5% невест до 20 лет против 33,1% женихов), что отражает социально-экономические факторы заводской среды (бытовые нужды, семейная поддержка). Метод микроданных дополняет традиционную историографию, позволяя проверить гипотезы о влиянии репрессивной политики на легитимацию браков. Для сравнения по данным из монографии Т. А. Васиной [2] приводятся аналогичные пропорции смешанных браков для Камско-Вятского региона в целом (Камбарский завод: 60,2% единоверческих, 1,8% единоверческо-старообрядческих, 35,4% единоверческо-православных). В работе Т. С. Губайдуллиной [3] подчёркиваются сложности идентификации брачных связей из-за неполноты записей. Такие показатели недоступны в макростатистике и выявляют региональную специфику заводской среды как фактора ранних браков, обусловленного социально-экономическими нуждами мастеровых.

Ошибки, возникающие при работе с микроданными

Применение микроданных сопряжено с рисками. Основные ошибки: неполнота источников (отсутствие записей о неофициальных браках раскольников-беспоповцев), выборочная сохранность (преимущественно единоверческие метрики), субъективность фиксации (округление возраста, сокрытие конфессии из-за репрессий). В датасете Ижевска возможен недоучёт переходов в единоверие и обратно, что искажает долю смешанных браков. Кроме того, оцифровка приводит к потере контекста (почерк, пометы священника), а агрегация данных рискует утратить индивидуальные траектории.

Интерпретация данных искусственным интеллектом

Искусственный интеллект (на примере Grok, xAI, DeepSeek) эффективно обрабатывает табличные микроданные, рассчитывая проценты (доля ранних/повторных браков), выявляя паттерны (гендерная асимметрия, конфессиональные различия) и предлагая визуализации. ИИ интерпретирует неполные наборы, экстраполируя тенденции (например, средний возраст 21 год для мужчин-единоверцев и 19 лет для женщин), но рискует некорректной экстраполяцией на весь период по фрагменту. «Чёрный ящик» алгоритма ограничивает прозрачность: где заканчивается машинный паттерн и начинается историческая интерпретация? ИИ усиливает эффективность, но требует верификации исследователем во избежание артефактов.

Применение данных в исследованиях

Микроданные применяются для просопографического анализа (реконструкция траекторий мастеровых-старообрядцев), сравнения с макроданными, например, с данными переписи 1897 г. и исследованиями Б. Н. Миронова [5]. А также проверки гипотез об адаптации через единоверие. Они уточняют понимание адаптации старообрядцев несмотря на государственную и церковную политику репрессий, о чем говорила Канатова [4, с. 123], демонстрируя активную легитимацию (примеры мастеровых Ижевска Рябова, Филимонова, Веретенникова [3]). Данные интегрируются в нарративы о региональной специфике.

Важные аспекты данных:

обезличенность сведений в микроданных

Ключевым требованием при работе с микроданными является обезличенность персональных сведений. Однако, для датасета выделяются агрегированные признаки (возраст, пол, конфессия, звание). Это сохраняет научную ценность для демографического анализа, но ограничивает просопографию индивидуальных биографий, поднимая эпистемологический вопрос: конструируем ли мы «цифровую историческую реальность» без человеческих историй?

Вывод

Метод микроданных трансформирует эпистемологию исторической науки, расширяя доступ к источникам и выявляя скрытые паттерны, но вводит новые риски (неполнота, алгоритмическая предвзятость). ИИ ускоряет анализ, однако интерпретация остаётся прерогативой историка. Обезличенность защищает этику, но ограничивает нарратив. Перспективы – интеграция микроданных с большими базами для новых типов исторической аргументации (визуализации, интерактивные модели), что рождает «цифровую историческую реальность» как совместный конструкт человека и алгоритма.

Список литературы

1. Берестова Е. М. Православная церковь в Удмуртии (вторая половина XIX – начало XX века): социально-культурная деятельность. Ижевск, 2005.
2. Васина Т. А. Демографические процессы в горнозаводских округах Камско-Вятского региона (конец XVIII–XIX в.). Ижевск, 2014.
3. Губайдуллина Т. С. Источниковедческий обзор по истории старообрядцев Ижевского завода XIX – начала XX веков // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2025. Т. 35. Вып. 5. С. 1132–1140.
4. Канатова Н. С. Браки в старообрядчестве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 44.
5. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. 548 с.
6. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР). Ф. 245. Оп. 2. Д. 620.

**ЭПИСТЕМА АЛГОРИТМОВ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
В ПРОИЗВОДСТВЕ ЗНАНИЯ И ПРАКТИКАХ РАЦИОНАЛЬНОГО
УПРАВЛЕНИЯ НА ОСНОВЕ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ**

Олифиренко Артем Алексеевич,
специалист по защите данных, ответственный
за безопасность ИИ-систем ООО «Экосистема недвижимости
«Метр Квадратный» (ВТБ-группа)»
г. Саратов
e-mail: artemolifirenko@ya.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу эпистемы алгоритмов искусственного интеллекта как особого режима производства знания, ориентированного на предсказание и управленческое применение результатов обработки персональных данных. Обосновывается, что алгоритмическое знание отличается от научного объяснения смещением критерия обоснованности: вместо установления причинности ключевым становится воспроизводимое качество предсказания в пределах выбранной метрики. Показано, что обучение моделей на персональных данных выступает эпистемической практикой, формирующей операциональную картину социального мира через процедуры отбора, очистки, разметки и конструирования признаков. Раскрывается управленческая рациональность алгоритмов как перевод поведения в показатели, классификацию и ранжирование, а также оптимизацию, приобретающую нормативный характер в силу закрепления целевых метрик. Отдельно рассматривается допустимость переноса персональных данных из исходного контекста взаимодействия в контекст обучения модели через подход контекстуальной целостности, что позволяет трактовать конфиденциальность не внешним ограничением, а внутренним условием легитимности производства алгоритмического знания.

Ключевые слова: алгоритмическое знание, искусственный интеллект, персональные данные, конфиденциальность, приватность, прогнозирование, рациональное управление, контекстуальная целостность, общества контроля, справедливость данных.

Алгоритмическое знание, производимое современными системами искусственного интеллекта, целесообразно рассматривать не как частный случай классического научного объяснения, а как самостоятельный режим получения выводов, ориентированный на предсказание и управленческое применение. В научном объяснении центральным элементом выступает реконструкция причинно-следственных связей и построение интерпретируемой теории, позволяющей осмысливать явление и переносить выводы в новые контексты на основании обоснованных причинных механизмов. В алгоритмическом режиме первичен не вопрос причинности, а вопрос функциональной применимости результата: что будет происходить далее, какой исход наиболее вероятен, какое управленческое действие следует выбрать при заданных ограничениях.

Указанный режим опирается на вероятностную рациональность, в рамках которой достаточным основанием для практического решения выступает устойчивое статистическое соотношение признаков и результата. Алгоритм не обязан устанавливать причинную связь; он обязан демонстрировать воспроизводимое улучшение качества предсказания по заранее выбранной метрике. В результате корреляционная связность приобретает функциональное значение, сопоставимое с объяснительной силой теории, хотя по своему логическому статусу эти основания различны. Для эпистемологии это означает смещение критерия знания: знание фиксируется как способность устойчиво предсказывать и сортировать, а не как способность объяснять.

Эпистемологический риск подобной конструкции состоит в том, что статус объективной данности приписывается результатам конструирования, отбора и очистки данных. Д. Бойд и К. Кроуфорд фиксируют методологическую проблему представления данных как нейтрального исходного материала и формулируют тезис: «Сырые данные являются внутренним противоречием и плохой идеей» [1, с. 663]. Из этого следует, что любой массив данных уже включает решения о том, что считать наблюдаемым, какие признаки фиксировать, какие источники исключать, какие ошибки допускаются при сборе и очистке. Следовательно, алгоритмическое знание изначально несет нормативные

допущения о значимости признаков, об экономически допустимых ошибках и о распределении последствий этих ошибок между группами субъектов.

Отличие алгоритмического режима от научного объяснения усиливается проблемой прозрачности и объяснимости. Научное знание институционально предполагает проверяемость аргументации и воспроизводимость методов. Вместе с тем значительная часть алгоритмических решений функционирует в режиме ограниченной наблюдаемости внутреннего механизма, когда доступны входные параметры и результат, но затруднена реконструкция основания вывода. Ф. Паскуале описывает данную ситуацию через различие доступных наблюдению входов и выходов, подчеркивая: «Мы можем наблюдать входы и выходы, но не можем установить, как одно превращается в другое» [2, с. 3]. В управленческой практике это означает, что доверие переносится с объяснения на процедурную валидность и формальные показатели качества: решение признается допустимым при выполнении целевых метрик, даже если социальный смысл решения и распределение рисков остаются недостаточно артикулированными.

В свою очередь, обучение моделей искусственного интеллекта на персональных данных представляет собой эпистемическую практику, в рамках которой формируется не только технический артефакт в виде параметров модели, но и операциональная картина социального мира, пригодная для рационального управления. Набор данных закрепляет наблюдаемость определённых аспектов поведения и исключает иные аспекты из рассмотрения: в обучающий контур попадает то, что поддаётся фиксации и стандартизации, а не обязательно то, что является существенным для понимания человеческого поведения в его полноте. Персональные данные агрегируют следы действий и коммуникаций, формируя основу для статистического обобщения; при этом сам способ агрегации задаёт границы будущего знания, потому что модель способна извлекать закономерности только из доступных и формализованных представлений.

Разметка данных, выбор признаков и постановка целевой функции выступают внутренними правилами конструирования знания

в алгоритмическом контуре. Категории, которыми оперирует модель (риск, надёжность, приоритетность, вероятность нарушения, вероятность оттока), являются управленческими квалификациями, встроенными в процедуру обучения, а не естественными свойствами субъектов. Конструирование признакового пространства определяет, какие различия между субъектами признаются существенными; выбор метрик определяет, какие типы ошибок будут считаться приемлемыми. Если в качестве ключевого показателя эффективности используется, например, точность классификации или снижение потерь, то именно эти величины становятся внутренними критериями истинности системы и направляют процесс оптимизации. В результате корректность решения начинает пониматься как соответствие метрике, а не как соответствие содержательной справедливости или контекстной допустимости вывода.

Особое значение приобретает вопрос о допустимости переноса персональных данных из исходного контекста взаимодействия в контекст обучения модели. Х. Ниссенбаум связывает надлежащую защиту приватности с нормами конкретных контекстов и прямо указывает: «Контекстуальная целостность связывает надлежащую защиту приватности с нормами конкретных контекстов» [3, с. 119]. Это означает, что корректность обработки определяется не только фактом наличия данных и технической возможностью их применения, но и соответствием нормам обращения с информацией в конкретной социальной сфере. Следовательно, включение персональных данных в обучающий контур представляет собой изменение режима обращения с информацией, требующее обоснования допустимых целей, допустимых способов переработки, допустимых получателей результата и допустимых последствий для субъекта.

1.3. Управленческая рациональность алгоритмов. Эпистема алгоритмов проявляется в управлении через перевод поведения в показатели, последующую классификацию и ранжирование, а также через оптимизацию, приобретающую нормативный характер. В таком режиме субъект представляется в виде профиля вероятностей и риск-

оценок, пригодного для принятия решений в масштабе: кому предоставить услугу, кого отнести к группе риска, кому ограничить доступ, кому применить дополнительные проверки. Формальная рациональность процесса обеспечивается стандартизацией признаков и автоматизацией вычисления итогового статуса, что позволяет масштабировать решения и снижать стоимость индивидуального рассмотрения, но одновременно повышает зависимость социального положения субъекта от формализованной модели.

Ж. Делёз описывает переход к обществам контроля как смещение от замкнутых дисциплинарных механизмов к непрерывной модуляции и подчеркивает: «Контроль является модуляцией» [4, с. 4]. В применении к алгоритмическим системам это означает, что управление становится непрерывным пересчётом статусов и возможностей: рейтинги, рекомендации, скоринговые оценки и ограничения актуализируются по мере поступления новых данных и меняют доступ субъекта к благам и сервисам. Управленческое воздействие выражается не в единичном акте санкции, а в постоянной перенастройке условий участия, видимости и допуска, что превращает алгоритмическую эпистему в практику власти знания, действующую через процедуру и показатель.

Проблематика справедливости в данных демонстрирует, что управленческая рациональность алгоритмов напрямую связана с вопросом видимости и исключения. Л. Тейлор указывает, что справедливость в данных относится к тому, как люди и сообщества становятся видимыми, представлены и трактуются в системах, основанных на данных [5, с. 1]. Из этого следует двойной риск: повышенная видимость означает усиление измерения и нормирования, тогда как сниженная видимость может означать исключение из доступа к услугам и инфраструктурам, поскольку многие цифровые процессы признают субъекта релевантным только при наличии формализованных данных. Следовательно, управление через алгоритмы одновременно производит новые критерии включения и новые основания исключения, закрепляя асимметрии через формально нейтральные вычислительные процедуры.

Эпистема алгоритмов искусственного интеллекта формирует режим производства знания, в котором объяснение уступает место

прогнозу, а критерии истинности закрепляются через метрики качества, согласованные с целями управления. Обучение на персональных данных является ключевым механизмом данного режима, поскольку оно определяет формы наблюдаемости субъекта и превращает персональные сведения в основания для распределительных решений. Управленческая рациональность алгоритмов обеспечивает масштабируемость принятия решений и снижает транзакционные издержки, но одновременно усиливает зависимость прав и возможностей субъектов от непрозрачных процедур и от контекстно неочевидных норм обращения с информацией, что делает проблему конфиденциальности не внешним ограничением, а внутренним условием допустимости производства алгоритмического знания.

Список литературы

1. Boyd D., Crawford K. Critical Questions for Big Data: Provocations for a Cultural, Technological, and Scholarly Phenomenon // *Information, Communication & Society*. 2012. Vol. 15. № 5. P. 662–679. DOI: 10.1080/1369118X.2012.678878
2. Pasquale F. *The Black Box Society: The Secret Algorithms That Control Money and Information*. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2015. 320 p. DOI: 10.4159/harvard.9780674736061
3. Nissenbaum H. Privacy as Contextual Integrity // *Washington Law Review*. 2004. Vol. 79. № 1. P. 119–159. URL: <https://digitalcommons.law.uw.edu/wlr/vol79/iss1/10> (дата обращения: 17.01.2026).
4. Deleuze G. Postscript on the Societies of Control // *October*. 1992. Vol. 59 (Winter). P. 3–7. URL: https://infokiosques.net/lire.php?id_article=214 (дата обращения: 17.01.2026).
5. Taylor L. What Is Data Justice? The Case for Connecting Digital Rights and Freedoms Globally // *SSRN*. 2017. URL: <https://ssrn.com/abstract=2918779> (дата обращения: 17.01.2026). DOI: 10.2139/ssrn.2918779

**ГИС УИАД: ОТ ПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКОГО ИНТЕРФЕЙСА
К ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
(ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)**

Тронина Елена Владимировна,
преподаватель кафедры философии
и гуманитарных дисциплин института истории и социологии,
Удмуртский государственный университет
г. Ижевск
e-mail: source1817@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу Государственной информационной системы удаленного использования архивных документов и справочно-поисковых средств к ним (ГИС УИАД) – ключевого проекта цифровизации архивного дела в России, призванного обеспечить единый удаленный доступ к фондам федеральных архивов. В условиях декларируемого технологического прорыва и данных о низкой доле профессиональных историков среди пользователей цифровыми архивными ресурсами (около 6%) возникает вопрос о реальной эффективности подобных систем. На основе метода исследовательского тестирования проводится анализ ГИС УИАД через призму трех перспектив: официальных деклараций, профессиональных ожиданий историков-исследователей и реализованной функциональности. Выявлены системные противоречия: заявленный «интеллектуальный полнотекстовый поиск с ИИ» не реализован и работает лишь по метаданным, а заложенная экономическая модель (бесплатный поиск и платный доступ к текстам документов) оказывается фактически неработоспособной из-за отсутствия большей части оцифрованного контента и нарушения базовых принципов информационной безопасности. Результаты подтверждают гипотезу о том, что низкая востребованность системы историками вызвана не их консерватизмом, а её несоответствием познавательным задачам науки, и свидетельствуют о воспроизводстве традиционных барьеров доступа в новой, цифровой форме.

Ключевые слова: цифровая трансформация, цифровизация архивов, цифровое источниковедение, архивная эвристика, ГИС УИАД.

Цифровая трансформация архивного дела за последние годы из перспективной концепции превратилась в глобальный тренд и практическую необходимость. По замыслу, именно масштабная цифровизация должна глобально решить проблему доступа к архивным фондам. Развитие технологий привело к массовой оцифровке документов и организации удаленного доступа к ним. Эта политика мотивируется, во-первых, необходимостью предоставления доступа широкому кругу пользователей, а во-вторых, задачей преодоления географической удаленности исследователей. Провозглашается, что удаленная работа с историческими источниками должна решить проблему исследовательского доступа, что декларируется в качестве ключевого шага к демократизации исторического знания. Соответственно, фондодержатели, по мере оцифровки, переводят пользователей на работу с электронными копиями, одновременно решая и проблему сохранности подлинников [5, с. 168, 170; 7, с. 18–19; 8, с. 126; 9, с. 98; 10, с. 150].

В России ответом на этот вызов стал масштабный проект по созданию Государственной информационной системы удаленного использования архивных документов и справочно-поисковых средств к ним (ГИС УИАД), объединяющий усилия ведущих федеральных архивов [3]. Правовой основой проекта служит Постановление Правительства Российской Федерации от 30 июня 2025 г. № 981 «О государственной информационной системе удаленного использования архивных документов и справочно-поисковых средств к ним», в котором закреплены его цели, задачи и принципы функционирования [4, с. 4–5]. Анализ документа позволяет реконструировать внутреннюю логику системы, основанную на трёх взаимосвязанных принципах: функциональном (обеспечение удаленного поиска и просмотра электронных копий с применением технологий ИИ), экономическом (бесплатность поискового аппарата при возмездности доступа к цифровым копиям) и организационном (однократность размещения информации для её многократного использования в едином пространстве).

Подобная реконструкция задаёт двойственную природу ГИС УИАД: с одной стороны, она позиционируется как современная иссле-

довательская инфраструктура, а с другой – как платный сервис по предоставлению цифрового контента. Эта двойственность закономерно порождает вопрос: насколько реализованная система соответствует как собственным декларируемым задачам, так и реальным потребностям профессионального исторического сообщества?

Примечательно, что в публичном пространстве (например, в материалах корпорации ЭЛАР – разработчика системы) акценты смещаются в сторону технологического триумфа. Система анонсируется как проект, выводящий отрасль «на новый уровень», обеспечивающий «единый удалённый доступ к крупнейшему архивному массиву России» и оснащённый «интеллектуальным полнотекстовым поиском с использованием OCR» [1]. Подобная риторика формирует у потенциального пользователя ожидания качественного скачка в доступности и функциональности.

В свою очередь, профессиональное сообщество историков-исследователей формулирует собственный, более сложный набор требований к цифровой архивной среде. Ученые ожидают не просто дистанционного просмотра сканов, а полноценной исследовательской инфраструктуры. Её ключевыми чертами должны стать исчерпывающая полнота поиска, позволяющая выявить всю релевантную источниковую базу по теме, и оперативный доступ к полным текстам, сокращающий временные затраты на работу. Не менее важны долгосрочная гарантированная доступность оцифрованных документов для верификации и цитирования и их машиночитаемость, то есть предоставление данных в структурированном виде, пригодном для вычислительного анализа. Наконец, система должна обеспечивать глубокую контекстуализацию источника – воссоздание виртуального архивного дела, выявление семантических связей между документами и фондами, а также интеграцию справочной информации о фондообразователях. Таким образом, запрос сообщества смещен с задачи простого получения цифровой копии на создание среды для критической работы с источниками и генерации нового знания.

Однако статистика использования систем удаленного доступа к архивным документам указывает на серьезный разрыв между этими

ожиданиями и реальной исследовательской практикой. Показательны в этом отношении данные исследования Е. В. Бобровой, согласно которому доля профессиональных историков среди активных пользователей оцифрованными архивными ресурсами составляет лишь 6%, уступая архивистам (34%) и генеалогам (33%) [2]. Автор исследования объясняет этот низкий показатель традиционной привязанностью историков к работе в читальных залах. Однако, более убедительным представляется другое объяснение: существующие системы удаленного доступа (включая ГИС УИАД) в их нынешнем виде не предоставляют историку-исследователю необходимого объема информации и инструментов для полноценной работы. Иными словами, историк вынужден ехать в архив не в силу консерватизма, а потому что цифровая среда не может заменить ему комплексный контекст физического архивного дела, глубину поиска по описям и непосредственную экспертизу оригинала. Следовательно, рациональный смысл использования подобных порталов для серьезной исследовательской работы в значительной степени теряется.

Несмотря на то, что в публичном дискурсе цифровизация архивов предстает безусловным благом, этот неизбежный процесс несет в себе целый комплекс скрытых эпистемологических, методологических и этических проблем [6; 8, с. 126]. Целью настоящего исследования является проверка выдвинутой гипотезы путём сравнительного анализа трёх перспектив: официальных деклараций, профессиональных ожиданий и реализованной функциональности ГИС УИАД. От того, насколько профессиональное сообщество сможет осознать и обсудить эти противоречия, зависит, станет ли цифровой архив инструментом для получения нового знания.

Методологической основой работы выступило исследовательское тестирование пользовательских сценариев. Его результаты, представленные далее, сгруппированы по трём направлениям: соответствие декларациям, оценка с точки зрения потребностей исследователя и анализ вытекающих из этого системных противоречий. Проведенное исследовательское тестирование ГИС УИАД выявило фундаментальные расхождения между декларируемыми целями, ожиданиями научного

сообщества и реализованной функциональностью на трех взаимосвязанных уровнях.

Во-первых, на уровне данных, система не обеспечивает заявленного «единого удаленного доступа» к документам. Несмотря на агрегацию сведений о 67,7 тыс. фондов и более 30 млн дел из 13 федеральных архивов, её наполнение для пользователя ограничено. Фактический доступ к оцифрованным документам (менее 100 тыс. ед.) составляет ничтожную долю от заявленного массива. Даже имеющиеся метаданные неполны и невыверены. Типичным примером служит карточка личного дела П. И. Огневецкого (РГАЭ, ф. 8880, оп. 4, д. 677), где поля «Аннотация», «География», «Персоналии», «Ключевые слова», «Количество документов в деле», «Количество листов в деле», «Примечание» остаются пустыми, что блокирует содержательный поиск [3]. Таким образом, система предоставляет доступ не к цифровому архиву, а к его сырому, механически перенесённому каталогу, создавая иллюзию доступности при реальном отсутствии массового оцифрованного контента.

Во-вторых, на уровне функциональности, декларируемый «интеллектуальный полнотекстовый поиск с ИИ» не реализован. Поисковый аппарат работает исключительно по метаданным (заголовкам), лишь дублируя в цифровой форме традиционный научно-справочный аппарат архива и оставаясь бесполезным для выявления источников по содержанию.

Наконец, на уровне доступа и безопасности, система обнаруживает системные уязвимости. Заложённая экономическая модель (бесплатный поиск/платный доступ к полнотекстовым документам) оказывается фактически нереализуемой из-за отсутствия большей части самих оцифрованных документов. Технологическая реализация усугубляет эти противоречия: использование незащищенного HTTP-протокола нарушает закреплённый в Постановлении Правительства РФ № 981 принцип информационной безопасности, что является симптомом системной проблемы цифровых проектов в сфере культуры.

Таким образом, на момент тестирования ГИС УИАД не преодолевает, а воспроизводит в цифровой форме традиционные барьеры архивного доступа. Она не предлагает историку-исследователю

новых возможностей для работы с источниками, подменяя научный инструментарий моделью платного доступа к неполным и технически уязвимым данным. Полученные результаты подтверждают гипотезу о том, что низкая востребованность системы историками является рациональной реакцией на её текущее несоответствие познавательным задачам науки. Устранение выявленных фундаментальных противоречий между декларациями, ожиданиями и реализацией должно стать ключевой задачей на последующих этапах развития системы, предусмотренных её концепцией.

Список литературы

1. Архивные фонды России в одном окне: ЭЛАР вывел ГИС УИАД на новый уровень. URL: <https://elar.ru/press-center/news/arkhivnye-fondy-rossii-v-nbsp-odnom-okne-elar-vyvel-gis-uiad-na-nbsp-novyy-uroven> (дата обращения: 15.01.2026).
2. Боброва Е. В. Архивные информационные ресурсы: результаты опроса пользователей / Е. В. Боброва // Отечественные архивы. 2022. № 4. С. 35–45. URL: https://rusarchives.ru/node/7860?utm_medium=organic&utm_source=yandexsmartcamera (дата обращения 15.01.2026).
3. Государственная информационная система удаленного использования архивных документов и справочно-поисковых средств к ним (ГИС УИАД). URL: <https://online.archives.ru> (дата обращения: 17.01.2026).
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 30 июня 2025 г. № 981 «О государственной информационной системе удаленного использования архивных документов и справочно-поисковых средств к ним». URL: <https://archives.gov.ru/press/02-07-2025-postanovlenie-ravitelstva.shtml> (дата обращения: 15.01.2026).
5. Рубинина З. М. Проблема доступа исследователей к историческим источникам – источникам информации в составе музейного собрания (на примере работы с коллекцией фотографий отдела собрания фондов музея В. И. Ленина Государственного исторического музея) // Трансформации музеев-библиотек-архивов и информационное обеспечение исторической науки в информационном обществе: сб. ст. по мат. науч.-практ. сем. М., 2017. С. 167–173.

6. Тронина Е. В. К вопросу о некоторых проблемах представления электронных копий фотодокументов в сети Интернет (на примере фотографий Великой Отечественной войны) / Е. В. Тронина // Актуальные проблемы региональной истории. Памяти учителей: Аркадий Андреевич Тронин (1931–2016), Степан Парфёнович Зубарев (1911–1994), Михаил Андрианович Садаков (1916–1993) : материалы II Всероссийской с международным участием научной конференции, Ижевск, 13 апреля 2021 года. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2021. С. 227–240.

7. Юмашева Ю. Ю. Источниковедческие проблемы представления исторических источников в электронной среде // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2014. № 6. С. 18–36.

8. Юмашева Ю. Ю. Научное издание исторических документов в электронной среде: проблемы источниковедения и археографии // Историческая информатика. 2017. № 1 (19). С. 125–139.

9. Юмашева Ю. Ю. Проблемы электронной археографии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2017. № 4. С. 94–105.

10. Юмашева Ю. Ю. Электронные копии документов Архивного фонда: источниковедческие проблемы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2012. № 5. С. 150–175.

**ФИЛОСОФСКО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ
ОБУЧАЮЩИХСЯ СПО В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ:
АРХИВЫ, АЛГОРИТМЫ И ЭПИСТЕМЫ**

Уманский Александр Евгеньевич,
аспирант, ФГАОУ ВО «Балтийского федерального университета
им. И. Канта»;
менеджер Дирекции перспективных образовательных программ,
ФГБОУ ВО «Московский авиационный институт
(национальный исследовательский университет)»
г. Москва
e-mail: aeumanskiy@yandex.ru

Научный руководитель:

Полупан Ксения Леонидовна,

доктор педагогических наук,
профессор Высшей школы образования и психологии,
ФГАОУ ВО «Балтийского федерального университета
им. И. Канта», г. Калининград

Аннотация. В докладе предлагается философско-педагогическое осмысление положения обучающихся системы среднего профессионального образования (СПО) в условиях цифровизации. В отличие от инструментального подхода, трактующего цифровые технологии как нейтральные средства оптимизации образовательного процесса, работа рассматривает цифровизацию как фактор трансформации самих способов производства знания, профессионального мышления и образовательной субъективности. Теоретической рамкой исследования выступают концепты архива, алгоритма и эпистемы, позволяющие выявить скрытые онтологические и педагогические основания цифрового обучения.

Опираясь на философию техники Жильбера Симондона и Мартина Хайдеггера, эпистемологию Мишеля Фуко и современные критические подходы к цифровым технологиям, доклад интерпретирует обучающихся СПО как участников процессов со-индивидуации с цифровыми и техническими средами. Показано, что цифровые архивы функционируют как «живые» процессуальные структуры, алгоритмы выступают в роли невидимых соавторов (актеров) образовательного опыта, а эпистема профессионального знания смещается от усвоения

готовых инструкций к работе с неопределённостью (формирование знаний) и техническими объектами (формирование профессиональных навыков через материальный труд).

Особое внимание уделяется рискам алгоритмического автоматизма и редукции образовательного опыта к формализуемым показателям, а также потенциалу СПО как пространства формирования альтернативной цифровой педагогики, ориентированной на заботу о техничности, ответственности и профессиональном становлении обучающихся. В этом контексте СПО рассматривается как одна из ключевых лабораторий формирования эпистем будущего.

Ключевые слова: цифровизация образования, среднее профессиональное образование, производство знаний, архив, алгоритмы, эпистема, философия техники, профессиональное знание, образовательные интерфейсы.

Введение. Цифровизация образования традиционно осмысливается в инструментальной перспективе – как внедрение цифровых платформ, образовательных ресурсов, систем аналитики и автоматизированного управления учебным процессом. Данное положение берет свое начало из материального производства (цифровой экономики), к примеру, рассмотрение классификации платформ Н. Срничека [10], а также анализ Ш. Зубофф трех модернов современного общества [4]. Совокупный анализ авторов может быть проинтерпретирован в рамках формулы К. Маркса [6], если для индустриального общества были характерны следующие переменные: $D - T - D'$ (деньги – товар – деньги с надбавкой), то для нынешней конъюнктуры цифровой экономики формула изменяется: $D - B - D'$ (данные – взаимодействия – данные, увеличивающиеся посредством взаимодействия с платформой, которые используются для дальнейшей обработки экспоненциально). В рамках такого подхода, интерпретируя его в образовательной сфере, можно заметить, что внимание сосредоточено на эффективности, управляемости и измеримости образовательных результатов, тогда как обучающийся мыслится преимущественно как пользователь цифровых средств и объект педагогического воздействия. Однако подобная перспектива оказывается недостаточной для анализа тех глубинных изменений, которые цифровые технологии вносят в способы формирования субъективности, профессионального мышления и опыта знания у обучающихся.

В настоящем докладе предлагается рассмотреть обучающихся системы среднего профессионального образования (СПО) не как пассивных потребителей образовательного контента, а как участников процессов производства знания, разворачивающихся в условиях цифровых архивов, алгоритмических сред и меняющихся эпистем. СПО выступает здесь как особая педагогическая и эпистемическая зона, в которой формирование профессиональной субъективности происходит на пересечении материального труда, технических объектов и цифровых форм организации знания.

Цель доклада – философско-педагогически осмыслить положение обучающихся СПО в условиях цифровизации, используя концепты архива, алгоритма и эпистемы, и показать, каким образом цифровые технологии трансформируют не только образовательные практики, но и сами способы становления знания, опыта и профессионального мышления обучающихся.

Методология исследования. Методологическую основу исследования составляет междисциплинарный философско-педагогический анализ, объединяющий философию техники, эпистемологию и философию образования. В качестве ключевых теоретических ориентиров используются работы Ж. Симондона [9], М. Фуко [12], Й. Хуэя [14; 15], М. Хайдеггера [13], Л. С. Выготского [3], а также современные исследования, посвящённые цифровым образовательным средам [2; 8], алгоритмическому управлению и большим языковым моделям (LLM – Large Language Models) [1; 5].

Во-первых, применяется симондоновская концепция индивидуации, позволяющая рассматривать обучающегося не как завершённый субъект, а как процесс становления, разворачивающийся во взаимодействии с техническими объектами и средами [9, с. 74]. Цифровые технологии в этом контексте понимаются не как внешние инструменты обучения, а как активные участники со-индивидуации обучающегося, формирующие его способы мышления, действия и профессионального восприятия.

Во-вторых, используется фукоянское понимание архива как системы условий возможности высказывания и знания [12, с. 248–249].

В цифровом образовании архив предстает не только как совокупность учебных материалов, но и как педагогическая среда, структурирующая доступ обучающегося к знанию, определяющая допустимые формы понимания, запоминания и воспроизводства. В сочетании с критикой цифрового архива у Й. Хуэя, архив рассматривается как технико-политический механизм формирования внимания, памяти и заботы о себе [14].

В-третьих, вводится понятие эпистемы как исторически обусловленного режима знания, позволяющего связать цифровизацию образования с трансформациями профессионального мышления обучающихся СПО. Методологически исследование носит характер философской реконструкции, выявляющей скрытые онтологические и педагогические предпосылки цифрового обучения.

Результаты исследования. Анализ показывает, что в условиях цифровизации обучающиеся СПО оказываются включены в функционирование «живых архивов», где знание не просто передаётся, но постоянно реконструируется в процессе учебно-производственной деятельности. Цифровой архив в СПО включает не только учебные курсы и инструкции, но и цифровые следы практик, производственные кейсы, алгоритмически организованные базы данных и интерфейсы, через которые обучающийся осваивает профессиональную реальность. В этом контексте полезно обращение Й. Хуэя к концептам заботы М. Хайдеггера (в смысле *Sorge*) и *Fürsorgen* (заботливость) [13, с. 191–196] в своем манифесте Архивариусу, призывая тем самым к заботе о персональных архивах, приводя в пример Сократа, который постоянно вопрошал молодых людей «занимаетесь ли вы собой?». Призыв манифеста рассматривается в контексте ре-интеграции знаний и навыков для развития персональных архивов, которые, с одной стороны, реинсталируют культуру заботы и технологическую культуру, а также, с другой стороны, разрывают капитализацию платформ в обход маркетинговых инструментов: поисковых систем и коммерческих социальных сетей [14]. В связи с этим автором предлагается модель формирования индивидуального цифрового портфолио обучающихся СПО, как одно из функциональных решений персональных «живых архивов» [11].

Алгоритмы в образовательной среде выступают как невидимые педагогические агенты, со-формирующие образовательный опыт обучающихся. Они участвуют в отборе контента, формировании индивидуальных траекторий, оценке достижений и структурировании образовательного времени. В этом смысле алгоритмы становятся соавторами педагогического процесса, влияя на то, какие формы знания оказываются доступными, значимыми и признаваемыми. Помимо прочего, важно отметить единство алгоритмов и ИИ, которое было выделено И. Напреенко в труде М. Пасквинелли, когда сравнивалось понятие *intellect*, как способность к мышлению и пониманию, с понятием *intelligence*, как практической способности мыслить и понимать в форме получения и использования знаний и навыков. Соответственно, *Artificial Intelligence* – это практическая форма, которая может быть описана через набор инструкций, т. е. алгоритмизирована [7]. Однако, вместе с тем выявляется риск редукции образовательного опыта к формализуемым показателям, что может приводить к ослаблению рефлексии, профессионального суждения и техничности как способности понимать устройство и пределы технических систем.

Особое значение приобретает анализ эпистемы профессионального знания обучающихся СПО. В условиях цифровизации она смещается от модели усвоения готовых знаний к форме гибридного знания, возникающего в процессе взаимодействия человека и технических систем. Профессиональное знание формируется как способность ориентироваться в цифрово-технических средах, работать с неопределённостью, интерфейсами и алгоритмами, а не только следовать инструкциям. Эпистемы профессионального знания меняются в след за изменениями технических орудий (технологических инструментов), что выделял Л. Выготский [3, с. 103–108], как развитие и перестройку ментальных функций к структурным изменениям. К примеру, современным студентам СПО в эпоху цифровизации преимущественно необходимы цифровые компетенции для разработки цифровых двойников изделий, тестирование жизненного цикла изделий в виртуальных средах, понимание того, как новые данные, параметры и переменные могут повлиять на производственные мощности, тем самым вырабатывая совместно с технологиями предиктивное мышление.

Рассмотрение цифровых образовательных интерфейсов как «текстур промежутка» между технической объективностью и технологической объектальностью [5] позволяет увидеть, что обучающийся СПО оказывается в зоне напряжения между автоматизированными образовательными сценариями и возможностью осознанного профессионального становления, посредством индивидуализации образовательных маршрутов и со-индивидуализации с технологиями. От педагогической организации этих интерфейсов зависит, станет ли цифровизация фактором отчуждения или пространством заботы о формировании техничности и ответственности.

Заключение. Философско-педагогический анализ показывает, что цифровизация СПО затрагивает не только институциональные и технологические аспекты образования, но и глубинные процессы формирования обучающегося как субъекта знания и профессионального действия. Архивы, алгоритмы и эпистемы образуют новую конфигурацию образовательного опыта, в которой обучающийся становится участником со-индивидуации с цифровыми и техническими средами.

Система СПО обладает уникальным потенциалом для формирования альтернативной цифровой педагогики, ориентированной не на контроль и автоматизм, а на развитие профессионального мышления, понимание техничности и ответственное отношение к технологиям. В этом контексте обучающиеся СПО выступают не объектами цифровизации, а ключевыми фигурами формирования эпистем будущего, в которых знание, техника и педагогическая забота сохраняют взаимную связанность.

Список литературы

1. Антонова И. В. Интерфейс как резонансная ткань со-индивидуализации человеческого и технического // Границы науки / границы в науке: Труды Всероссийской научной конференции / Под общей ред. И.Т. Касавина, Л.В. Шиповаловой, Т.М. Хусяинова. М.: Изд-во «Русское общество истории и философии науки», 2025. С. 18–21. URL: <http://www.rshps.ru/books/border2025.pdf> (дата обращения: 12.01.2026).

2. Ахаян А. А. Сетевая личность как педагогическое понятие: приглашение к размышлению // Письма в Эмиссия.Оффлайн. 2017. № 8. С. 2560.
3. Выготский Л. С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии / под ред. А. Р. Лурия, М. Г. Ярошевского. М.: Педагогика, 1982. 488 с.
4. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / под ред. Я. Охонько и А. Смирнова; пер. с англ. А. Ф. Васильева. М.: Издательство Института Гайдара, 2022. 784 с.
5. Кучинов Е. В. Техническая объективность / технологическая объектность: текстура промежутка // Границы науки / границы в науке: Труды Всероссийской научной конференции / Под общей ред. И. Т. Касавина, Л. В. Шиповаловой, Т. М. Хусяинова. М.: Изд-во «Русское общество истории и философии науки», 2025. С. 18–21. URL: <http://www.rshps.ru/books/border2025.pdf> (дата обращения: 13.01.2026).
6. Маркс К. Капитал / пер. с нем. С. Алексеева. М.: Издательство АСТ, 2020. С. 324–325.
7. Пасквинелли М. Измерять и навязывать. Социальная история искусственного интеллекта / пер. с англ. И. Напреенко // Предисловие переводчика / Иван Напреенко, социолог, редактор журнала «Социология власти». М.: Individuum, 2024. С. 7.
8. Семенов А. Л. Концепция расширенной личности как ориентир цифрового пути образования // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2021. № 4. С. 530–535.
9. Симондон Ж. Индивид и его физико-биологический генезис / предисл. Жака Гарелли; пер. с фр. Я. И. Свирского. 2-е изд. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2023. 483 с.
10. Срничек Н. Капитализм платформ / пер. с англ. и науч. ред. М. Добряковой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». 2-е изд. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. С. 35–37.
11. Уманский А. Е. Модель формирования индивидуального цифрового портфолио обучающихся СПО // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2025. № 3(79). С. 283–291.

12. Фуко М. Археология знания / пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А. С. Колесникова. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. 416 с.

13. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихин. М.: Издательство «Ad Marginem», 1997. 451 с.

14. Хуэй Й. Манифест архивариуса [Электронный материал] URL: <https://syg.ma/@PPh/manifest-arkhivariusa> (дата обращения: 14.01.2026).

15. Хуэй Й. О существовании дигитальных объектов [Электронный материал]. URL: <https://syg.ma/@PPh/o-sushchiestvovanii-digitalnykh-objektov> (дата обращения: 14.01.2026).

СЕКЦИЯ 3. ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО БЫТИЯ В ЦИФРОВЫХ КОНТЕКСТАХ

УДК 140:004.5:004.8

ФИЛОСОФСКАЯ РАМКА АНАЛИЗА ИНТЕГРАТИВНОГО СОЦИО-НЕЙРОСЕТЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Ладыжец Наталья Сергеевна,

доктор философских наук, профессор,
заведующая кафедрой социологии института истории и социологии,
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

г. Ижевск

e-mail: lns07@mail.ru

Аннотация. В тексте предлагается *философская рамка* для понимания интегративных конфигураций, где нейросетевые системы функционируют совместно с человеческими практиками, институциональными регламентами и нормами. Рамка опирается на аналитическую триаду: алгоритм – индивид – социум. Три ключевые аналитические категории – «интеграционная плотность», «эпистемическая зависимость», «трансляционная ответственность» – связывают онтологические статусы, разновидности знания и типы ответственности. *Цель* – показать, как философские категории позволяют реконструировать сущностные сдвиги, возникающие при широком внедрении нейросетей в социальные практики, и тем самым обозначить основание для дальнейших теоретических и нормативных разработок.

Ключевые слова: предмет, метод и границы философской рамки анализа интегративного социо-нейросетевого взаимодействия.

Формулировка *предмета* возможна, исходя из философского вопроса: что значит «существовать» и «действовать» в интегративной сети, где автономные статистические модели тесно связаны с человеческими суждениями и институциональными нормами? Этот вопрос: а) *онтологичен* – какой статус имеют нейросетевые алгоритмические системы и их выводы?; б) *эпистемологичен* – в каких смыслах нейросетевой агент «знает» или «свидетельствует»?; с) и *нормативен* – какие

обязанности и права возникают вследствие делегирования? Соответственно, анализ должен производиться через реконструкцию категорий и их внутренних логик, с целью построения концептуальной основы интегративного социо-нейросетевого взаимодействия. При таком подходе *метод* может быть определен как аналитико-конструктивный, сфокусированный на уточнении категорий, выявлении их логической взаимосвязи, критической реконструкции предпосылок и следствий. Здесь основной установкой можно принять практико-ориентированную философию техники, когда сущность артефакта усматривается не в абстрактном коде, а в его роли в практиках; аналогично и «знание» алгоритмической модели рассматривается в свете его практической интеграции и институциональной применимости. Если говорить о *границах*, то нужно понимать, что текст исключает эмпирические протоколы, технические детали реализации и юридические механизмы как практические инструменты. Он сосредоточен на абстрактных основаниях, через которые следует осмыслить сущность и значение интегративного социо-нейросетевого взаимодействия в современном социуме.

Онтология интегративного взаимодействия

Общим принципом здесь является то, что онтологический анализ проводится параллельно на трёх уровнях – алгоритмическом, человеческом и институциональном, с акцентом на их взаимопересечении (Трансформация социальности ..., 2025).

Определим *алгоритмическую перспективу* или *онтологию модели*. Онтологически нейросеть – это специфический тип нечеловеческого сущего. В отличие от классических инструментов как орудий, нейросеть предъявляет себя как система, обладающая проективными ресурсами: она генерирует рекомендации, предсказания и вероятностные оценки, которые не совпадают с непосредственными интенциями её создателей, а представлены в полученных данных. Модель – это онтологически интегративный артефакт, где внутренняя «субстанция» – параметры и архитектура сочетается с внешней «перформативностью» – выводами и интеграцией в практики. Поэтому онтологический

статус нейросети – не просто «инструмент», а «перформативный объект», обнаруживающий признаки субъектности и трансформирующий условия появления фактов на практике.

Человеческая перспектива – это уже *онтология субъекта во взаимодействии с нейросетью*. «Человеческий актант» в гибридном социальном взаимодействии сохраняет ряд экзистенциальных свойств: интенциональность как предметную направленность сознания, целеполагание, практические навыки и нормативную способность суждений о должном. Однако взаимодействие с нейросетями модифицирует эти свойства: навыки могут трансформироваться в навыки «работы с предсказаниями», интенции – в направленность на взаимодействие с квази-актантами, а нормативность – в нормативные практики, сформированные в результате взаимодействия алгоритмов и институтов. Онтологически человек перестаёт быть единым центром и становится частью распределённого актантного поля, где его бытие оказывается включено в сеть совместных операций с нейросетевыми системами, а также с координирующими и поддерживающими институтами.

И, наконец, *институциональная перспектива* или *онтология организаций и норм*. Институты – это не просто фоны, а активные соучастники производства предметов и фактов; они задают режимы существования актантов и возможности их действия. Внедрение нейросетей меняет институциональную онтологию: появляются новые процедурные лица, новые форматы доказательств и новые механизмы легитимации. Нейросеть при этом может «институализироваться», получая в процедурах роль, имеющую онтологическое значение для статуса фактов и решений. Таким примером может быть автоматизированный скоринг, обязательный для процедуры определения кредитоспособности компании или человека.

Точно так же на трех уровнях можно рассмотреть *эпистемологию интегративного взаимодействия*. Общий принцип здесь – реконструкция разновидностей модусов знания и свидетельства на трёх уровнях. Сохраним заявленную последовательность.

Алгоритмическая перспектива – это анализ модели как источника эпистемического статуса. Нейросеть производит три основные эпистемические модальности: предсказание, свидетельство и инструкции или рекомендации. Эпистемологический характер таких выводов – вероятностный, статистический и корреляционный. Это сразу ставит вопросы об объяснимости и проверке: например, когда вывод модели может претендовать на статус «доказательства» в практическом контексте?

Человеческая перспектива – это эпистемологическая автономия и её трансформации. Человеческое знание опирается на умение соединять разные типы свидетельств, выносить оценочные суждения и сохранять критическую дистанцию. Взаимодействие с нейросетевыми системами ведёт к двум возможным эффектам: усилению эпистемической мощи человека за счёт доступа к масштабным вычислениям; и эрозию эпистемической автономии, когда профессиональные суждения подменяются модельными рекомендациями. Философская задача здесь – определить условия сохранения рациональной автономии в интегративном «сознании» взаимодействия.

Соответственно, *институциональная перспектива* – это обеспечение соответствия результатов интегративного взаимодействия требованиям, стандартам и предполагаемым ожиданиям, а также управления ресурсами и распределения эпистемической власти. Институты формируют правила удостоверения соответствия: что считается достаточным свидетельством, какие процедуры пересмотра и апелляции допустимы, кто имеет право легитимировать результаты. Эпистемическая власть становится перераспределительной между разработчиками, тестирующими, регуляторами и другими специалистами, принимающими профессиональные и управленческие решения. Институты и корпорации получают в этом взаимодействии новые роли в признании или опровержении модельных выводов. Если говорить в терминологии Латура и Фуко (Латур, 2014; Фуко, 1994), это философски поднимает проблему соотношения «эпистемы» и «политоса», когда знание становится одновременно знанием и властью.

Заключение

Далее можно было бы рассмотреть «эпистемическую зависимость» как философскую категорию, этику и политическую философию делегирования, «трансляционную ответственность» как ключевую нормативную категорию, вопросы синтеза во взаимоотношении онтологии, эпистемологии и этики, но об этом – уже в тексте полноформатной статьи.

Список литературы

1. Трансформация социальности: социология интегративного социо-нейросетевого взаимодействия: монография / Н. С. Ладыжец, С. В. Ладыжец; под общ. ред. Н.С. Ладыжец; журнал «Социологические исследования», ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет». Ижевск: Удмуртский университет, 2025.

2. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.

3. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой. Вступительная статья Н. С. Автономовой. СПб., А-сэд, 1994. 407 с.

**ФРАКТАЛОПОДОБИЕ СОЦИАЛЬНО-ИНФОРМАЦИОННЫХ
ПРОЦЕССОВ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО
БЫТИЯ: ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ**

Латыпов Ильдар Абдулхаевич,

доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры истории, теории
и практики социальных коммуникаций
института социальных коммуникаций,

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

г.Ижевск

e-mail: symposium2016@mail.ru

Аннотация. В данной статье предлагается фрактальный подход к исследованию динамики изменений социально-информационных отношений в ходе цифровой трансформации социальной реальности. В исследовании используется акторно-сетевая теория (АСТ) Бруно Латура. На основе фрактального подхода и АСТ предлагается авторский подход к социально-информационной онтологии и показывается, что анализ философских аспектов фракталоподобия процессов цифровой трансформации социального бытия относится к предметной области социально-информационной онтологии. Показывается, что акторами в информационно-поисковой деятельности могут быть не только индивидуальные или коллективные субъекты, но и нейросети, различного рода «умные устройства», информационно-поисковые тезаурусы и т. п. В данной работе подчёркивается, что цифровая трансформация фракталоподобна. Отмечается ускорение цифровой трансформации социальной реальности на основе нейросетевых технологий. Исследование показывает, что в теоретическом анализе цифровой трансформации социального бытия в значительной степени меняются представления о социальной реальности и о степени достоверности социологических обобщений (генерализаций). Статья представит интерес для исследователей, анализирующих процессы цифровой трансформации различных социальных процессов, общественных отношений и социальной онтологии в целом, для магистрантов, аспирантов и преподавателей социальной философии, теории и практики социальных коммуникаций, социологии коммуникаций.

Ключевые слова: фракталоподобие, цифровая трансформация, социально-информационная онтология, социальные процессы, know-how, информационно-поисковый тезаурус.

Уже более полувека быстро растёт многообразие научных трудов, вслед за разработкой фрактальной геометрии Б. Мандельброта исследующих фрактальность вообще и фракталоподобие различных процессов и аспектов информационного пространства, а также применимость и значение этих исследований для социального пространства. Поэтому актуальность данной работы определяется необходимостью философского осмысления этого многообразия.

Целью исследования является анализ философских аспектов фракталоподобия процессов цифровой трансформации социального бытия.

Для достижения этой цели проводится обобщение серии авторских статей по социально-информационной онтологии, информационно-поисковым тезаурусам и фрактальности информационных отношений в сети.

К теоретико-методологическим основаниям данной работы относятся социальный конструкционизм акторно-сетевой теории (АСТ) Бруно Латура [1] и фрактальный подход к исследованию нелинейных динамических самоподобных структур.

Ранее вопрос о фракталоподобии процессов цифровой трансформации социального бытия не ставился в философском контексте.

В связи с этим, необходимо уточнение «различий между социально-философской онтологией и социально-научной онтологией... Первая занимается характеристиками, которые сохраняются или действуют во всей социальной реальности, т. е. характеристиками социального бытия как таковыми. Они, по сути, составляют (или, в любом случае, включают) основные принципы, на которых везде устроена социальная реальность. Напротив, социально-научная онтология занимается тем, как формируются, на основе или в соответствии с более общими характеристиками, изучаемыми философской онтологией,

конкретные результаты или социальные явления» (см. «Природу социальной реальности: Проблемы социальной онтологии», Т. Лоусон⁵ [5, с. 131–139]).

В более широком контексте, также необходимо уточнение определения Т. Лоусоном онтологии в целом: «Под онтологией я подразумеваю область науки (или теорию), исследующую бытие или существование, и затрагивающую природу и структуру «вещества» окружающей нас реальности» (цитир. по [5, с. 37]).

Уточнение существенное. Действительно, если в работе «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин абстрактно утверждал, что «электрон так же неисчерпаем, как и атом» [4], то теория и практика фракталов вполне конкретно изучает существование бесконечной сложности во вполне конечной области.

Различные аспекты фракталоподобия многих сетевых структур ранее обсуждались в [7], [3] и некоторых других работах. Уточним, что «фрактальные модели появляются не только в изменениях котировок ценных бумаг, но и в распределении галактик в космосе, в форме береговых линий и в декоративных проектах, произведенных бесчисленными компьютерными программами. Фрактал – геометрическая форма, которая может быть разделена на части, каждая из которых – уменьшенная версия целого. ... Она связана со знаменитой концепцией фракталов, называемой самоподобием» [7].

Соответственно, в прежней, классической онтологии многое обосновывалось своего рода евклидовой определённой, поскольку многие философы полагали, что такие категории, как пространство и время невозможно никак по-другому воспринимать, кроме как на основе евклидовой геометрии, в своего рода «линейной перспективе». А за последнюю сотню лет наука привыкла к тому, что с точки зрения квантовой физики, ученые наблюдают не только и не столько физическую реальность как таковую, сколько систему «физическая реальность + наблюдатель».

---

⁵ Различные характеристики, аспекты и уровни социальной реальности, а также многообразие определений и интерпретаций социальной онтологии приводятся в монографии [5].

Для обществознания, с отходом от Лапласовского детерминизма, Контовского позитивизма и неопозитивизма, стало столь же естественным исследовать сложность различных систем «социальная реальность + наблюдатель». Однако, если фрактальное (фракталоподобное) естествознание исследует актуально-бесконечную сложность и во вполне ограниченных областях реальности, то фрактальное (фракталоподобное) обществознание исследует потенциально-бесконечную сложность социальной реальности с учётом актуально-бесконечной сложности различных психических реальностей.

Наряду с этим, вероятностный детерминизм современных так называемых точных наук дополняется своего рода фрактальной неопределённостью бесконечной сложности нелинейных самоподобных структур. Наукой мир перестал восприниматься линейным образом. Мир не просто нелинеен, даже не только многолинеен, но и не фрактален в чистом виде, а именно фракталоподобен. В физической реальности проблематично обсуждать в чистом виде самоподобие природных структур при переходах между микромиром, макромиром и мегамиром. И всё реже наука требует предельной чёткости от фракталоподобных структур с размытыми границами.

В социальной реальности ситуация несколько другая, хотя и социум не может быть фрактален в чистом виде. Социальная реальность фракталоподобна, поскольку существует предел точности масштаба общественных наук, как на границе с гуманитарными науками, так и в более широком контексте по отношению к социосфере. Информационная сфера по той же причине не фрактальна в чистом виде, а именно фракталоподобна. В чистом виде фрактальность относится к предметной области математики, а цифровая трансформация фракталоподобна.

Социально-философским аспектам информационно-поисковых тезаурусов (ИПТ) посвящена работа [2]. В этой работе предлагается авторский подход к социально-информационной онтологии, которая определяется как «общественно-научная спецификация концептуализации структур взаимосвязей, общественных отношений в процессе информационно-поисковой деятельности различных акторов-субъектов в их социальной реальности» [2]. Этими акторами могут быть не только

индивидуальные или коллективные субъекты, но и нейросети, различного рода «умные устройства», ИПТ и т. п.

Вышеприведённое определение социально-информационной онтологии существенным образом основано на акторно-сетевой теории (АСТ) Бруно Латура. При этом АСТ в значительной степени меняет представление о социальной реальности и о достоверности социологических обобщений (генерализаций).

В самом деле, вслед за Г. Тардом Латур утверждает: «Во множестве форм, хотя и в уменьшённом масштабе, всегда проявляется одна и та же ошибка: ложная уверенность в том, что увидеть постепенный прогресс регулярности, порядка и логики в социальных феноменах мы можем, только уйдя прочь от деталей, которые по сути своей иррегулярны, и поднявшись достаточно высоко, чтобы достичь панорамного, а потому обобщающего вида...» [1, с. 83].

В авторском же понимании фрактального подхода к цифровой трансформации социальной реальности, некоторые части (подсистемы) какой-либо трансформирующейся структуры могут быть подобными целому, а целое (метасистема) может быть подобным для некоторых частей (подсистем).

Современный нейросетевой бум меняет реалии информационно-поисковой деятельности. Однако ещё до расцвета нейросетевых технологий для поисковых систем ИПТ уже давал новые возможности для зарабатывания денег благодаря поисковой рекламе, например, в «Яндексе» [2]. Тем самым, детализированные данные о различных разработках новых ИПТ и их обновлениях, как минимум, на некоторое время могут претендовать на статус информации в режиме коммерческой тайны (know-how) или конфиденциальной информации. Внедрение такого рода know-how на основе нейросетевых технологий может создавать возможности для технологического «рывка» или даже прорыва: «Это онтологическое неравенство [доступа к интеллектуальной собственности] разделит тех, кто приспособился, и тех, кто сопротивляется переменам, превратив их, по сути, в победителей и неудачников» [6, с. 78].

С учётом же взрывной динамики развития нейросетей как акторов, с точки зрения АСТ процессы цифровой трансформации социальной реальности ускоряются в ещё большей степени. К сожалению, ограниченный объём публикации не даёт возможности остановиться на этом более подробно.

В целом, изменения социально-информационных отношений в процессе цифровой трансформации социального бытия вполне относятся к предметной области социально-информационной онтологии. Масштаб же и перспективы цифровой трансформации социальной реальности настоятельно требуют дальнейших исследований.

Список литературы

1. Латур Б. Пересобирая социальное. Введение в акторно-сетевую теорию// Экономическая социология. 2013. Т. 14, № 2. С. 73–87.
2. Латыпов И. А. Социально-философские аспекты полисубъектности конвергенции тезауруса медиакommunikаций и информационно-поисковых тезаурусов// Вестник Гуманитарного университета. 2025. Т. 13, № 3. С. 166–176.
3. Латыпова Н. В., Латыпов И.А. Фрактальная организация нейронных сетей// Философские контексты: неопределённость современности и социальные онтологии. ФИКОС-2024: сб. ст. III Всерос. науч. конф. с междунар. участием, (Ижевск, 01-02 марта 2024 г.). Ижевск: Удмуртский университет, 2024. С. 86–91.
4. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. Полное собрание сочинений. Том 18. М.: Изд-во политической литературы, 1968. С. 277. URL: <https://mlpb.ru/wp-content/uploads/2023/01/18.pdf> (дата обращения: 07.01.2026).
5. Орехов А. М., Платонова С. И., Марача В. Г. и др. (2024), Современная социальная онтология в зеркале российской онтологической традиции: дискурсы и интерпретации: монография, Королёв: «Космос». URL: https://www.researchgate.net/publication/379334190_Sovremennaa_socialnaa_ontologia_v_zerkale_rossijskoj_ontologiceskoj_tradicii_diskursy_i_interpretacii (дата обращения: 13.06.2025).

6. Шваб К. Четвертая промышленная революция М.: Эксмо, 2016. 138 с. URL:

http://ncrao.rsvpu.ru/sites/default/files/library/k._shvab_chetvertaya_promyshlennaya_revoluciya_2016.pdf?ysclid=lr1x9xkfc7330103554
(дата посещения: 06.01.2024).

7. Mandelbrot B. B. A Multifractal Walk Down Wall Street (Мультифрактальная прогулка вдоль Уолл Стрит)// Scientific American. Февраль, 1999. Том 280, №1. URL:

<https://www.sci-hub.ru/10.1038/scientificamerican0299-70?ysclid=mk3xvwx9db375307390> (дата обращения: 07.01.2026).

**КОГДА МАШИНЫ ОБРЕТАЮТ ДУШУ:
ИСКУССТВО О МОРАЛЬНЫХ ГРАНИЦАХ ИИ**

Майленова Фарида Габделхаковна,

доктор философских наук, ведущий научный сотрудник

ФГБУН «Институт философии РАН»

г. Москва

e-mail: farida.mailenova@gmail.com

Аннотация. Возможные моральные коллизии будущего с роботами с искусственным интеллектом чрезвычайно важна в современном искусстве, литературе и кинематографе, и наиболее талантливые произведения способны не просто показать яркие захватывающие истории, но и поднимают глубокие проблемы общечеловеческого и этико-философского характера. коммуникации с роботами. Можно проследить две противоположные линии в представлениях о грядущем будущем и роли искусственного интеллекта в нашем обществе. С одной стороны, это утопические видения, где роботы и ИИ служат человечеству, улучшают качество жизни и повышают уровень комфорта. С другой, это антиутопии, в которых взаимодействие с искусственным интеллектом ведет к обостренному социальному расслоению и моральной деградации человека. Сами антиутопии также можно разделить на два вида: произведения, где страдающий стороной вследствие «восстания машин» оказывается человек, вплоть до гибели всего человечества, и наоборот, показана жестокая эксплуатация машин, несмотря на то что искусственный интеллект обретает разум и чувства. В кинематографе образы страдающих роботов с ИИ часто служат метафорами для обсуждения проблемы свободы воли, сознания и моральных последствий вседозволенности.

Ключевые слова: эмоциональный искусственный интеллект, этика роботов, сознание, восстание машин, моральная деградация, эксплуатация, биоэтика.

Популярные сценарии будущего с роботами в кино и литературе

Популярность темы будущего с роботами с искусственным интеллектом чрезвычайно важна в современном искусстве, литературе и кинематографе, и наиболее талантливые произведения способны не просто показать яркие захватывающие истории, но и поднимают глубокие проблемы общечеловеческого и этико-философского характера. коммуникации с роботами. Можно проследить две противоположные линии в представлениях о грядущем будущем с роботами, которые были популярны в XX и начале XXI веков. Привлекательный образ доброго, умного, заботливого, немного наивного и забавного железного друга, живущего рядом с человеком, способного общаться с ним на равных и имеющего свое мнение, но при этом помогающего человеку во всем и готового пожертвовать собой ради человека стал ключевым в романах Айзека Азимова, и его знаменитые три закона роботехники [1] вдохновили многих других писателей и философов 20 века, а в веке нынешнем легли в основу нового раздела философии – этики роботов [4, с.291–301].

Однако не менее популярен и противоположный образ – сильной, жестокой, мстительной машины, которая, обретя сознание, восстает против своих создателей и уничтожает их, и такой сценарий антиутопии в научной фантастике имеет свою логику. В знаменитой пьесе Карела Чапека *R.U.R (Rossum's Universal Robots)*, которая вышла в 1920 году и очень быстро обрела мировую известность [7]. драматург открыл ставшую очень популярной в мировой культуре тему конфликта между умной машиной и ее создателем и выхода машин из-под контроля. Будучи созданными в качестве рабов для выполнения наиболее тяжелой и скучной работы, роботы, эти умные машины, обретя сознание и эмоции, восстают против своих хозяев и в итоге уничтожают человечество.

Существует мнение, что страхи и опасения в связи с внедрением в нашу жизнь все более сложных механизмов имеют в основе своей классовый комплекс, так называемый «комплекс Спартака», боязнь, что те, кто должны помогать и беспрекословно подчиняться,

с обретением собственного сознания, захотят избавиться от своей роли подчиненных и угнетенных, как уже не раз бывало в истории человечества, и вступят в конфликт со своими хозяевами, что может привести к войне, и не факт, что преимущество в ней окажется на стороне человечества. Таким образом, в пьесе Чапека также раскрывается одна из важнейших проблем в создании современных умных роботов – противоречие послушания и соответствия искусственного интеллекта прописанной программе с возможной свободой воли: ведь если роботы станут самообучающимися, они смогут принимать самостоятельные решения, обретя некое подобие свободы воли, и возможно, не всегда то, что робот сделает, может оказаться на пользу человеку. Если же роботов программировать так, что они смогут лишь слушаться приказов, они не смогут выполнять сложные работы, требующие порой самостоятельных решений. Это противоречие становится тем глубже, чем сложнее и «умнее» становятся новые машины и чем ближе создаваемые роботы к нам по своему внешнему облику, так как при взаимодействии с роботами-андроидами включаются эмоции и переживания, свойственные нашему общению с другими людьми. Однако сможем ли мы взаимодействовать с такими роботами так, как должно, не нарушая моральных принципов?

Заразительность зла и идеи эксплуатации

Прозрение великого драматурга Карла Чапека состоит в том, что он увидел главную моральную причину этого конфликта – идею эксплуатации, допускающую, что кто-то (пусть даже всего лишь умная машина) может быть рабом, и этого раба можно использовать и унижать. История человечества неоднократно показала нам, что несправедливость рождает протест, затем агрессию и бунт, в результате которого бывшие «господа» зачастую оказываются побеждены «рабами». Так что сама идея эксплуатации другого существа является корнем зла, и именно она стала причиной последующего восстания роботов-рабов. Чапек предвосхитил конфликт между естественным и искусственным интеллектом, о котором сегодня, спустя целое сто-

летие после появления его знаменитой пьесы, говорят уже как о реальной опасности, и не только писатели-фантасты и создатели фантастических фильмов, но и учёные, специалисты в самых разных областях знания.

В пьесе Чапека умные машины, которые изначально были просто механизмами и сложными орудиями труда, в какой-то момент стали искусственными существами, обладающими собственным интеллектом и даже чувствами, а люди не успели понять, что из хозяев машин они превратились в беспечных и бездумных, а потому особенно жестоких эксплуататоров. Несмотря на то, что эксплуатация человека человеком уже повсеместно признаётся моральным злом, стремление быть «господином» и иметь «рабов», видимо, еще отнюдь не изжито, и оно просачивается во взаимоотношения с машинами. Безнаказанность и возможность тиранить и помыкать приводит в итоге к деградации людей.

Тема восстания машин по прошествии целого столетия по-прежнему огромна: снято множество пугающих фильмов и написано романов-антиутопий. В то же время наряду с ужасающими антиутопиями, в которых машины с ИИ воюют с человечеством и побеждают его, стоит обратить внимание и на другой класс произведений литературы и киноискусства, в которых пострадавшей стороной наоборот оказываются роботы, и гуманистический посыл таких работ, возможно, даже более ценен, нежели нагнетающие ужас картины предполагаемого апокалипсиса.

Образы страдающих роботов

Ставшая классикой кинокартина Стивена Спилберга «Искусственный разум» (США, 2001), снятая по мотивам рассказа Брайна Олдисса «*Суперигрушек хватает на все лето*» [2], рассказывает щемлящую историю Дэвида, маленького мальчика-робота, запрограммированного на безусловную любовь к своим родителям. Он счастлив – он обрел семью и безусловную любовь, которая является смыслом его существования. Но родители мальчика, которые, в отличие от Дэвида, не роботы, а «настоящие» люди, оказались не готовы к столь

фанатичной любви попросту отказываются от него, хотя программа бескорыстной детской любви, которую нельзя отменить, ими уже запущена (как это по-нашему, по-человечески: мечтать о великой бескорыстной любви, а потом утомиться и трусливо отказаться от неё!). С неизбежностью возникает вопрос о моральной ответственности людей, которые были прекрасно осведомлены о последствиях своего поступка, однако они отказываются быть «в ответе за тех, кого приручили», и похоже, даже не особо раскаиваются в этом...

Уникальность фильма «Искусственный разум» состоит в том, что традиционное противопоставление чувств и логики, когда роль чувствующего субъекта традиционно отдается человеку, а машина в лучшем случае умеет мыслить и просчитывать, как бы перевернуто: тут роботы, любящие и тонко чувствующие, страдают от жестокости и бессердечности человека. Если в классических антиутопиях человечество борется с последствиями восстания машин, которые оказались сильнее своих создателей и решили избавиться от своих «хозяев», то в этой истории роботы, будучи не в состоянии причинить зла человеку, оказались абсолютно незащитными пострадавшими. В названии фильма говорится об искусственном разуме, но авторы фильма показывают нам, что это только разум искусственен, а любовь Дэвида, робота нового поколения, любовь живой куклы, кибернетического Пинокио, и, так и хочется добавить, его душа – настоящие...

Говоря о возможной моральной деградации человека от вседозволенности и безнаказанности, невозможно не упомянуть ставшую знаковой киноленту «Дикий Запад». Фабула фильма вполне соответствует современным модным хобби: герои отправляются в необычное путешествие в уникальный парк развлечений, представляющее собой игровое пространство исторической реконструкции городов периода легендарного Дикого Запада. Романтизация свободы, понимаемой как вседозволенность вкупе с безнаказанностью, ибо «клиент всегда прав», является идеей, на которой базируется этот бизнес, весьма сомнительный с точки зрения этики. В результате парк превращается в место разгула самых низменных страстей. Так что единственным

препятствием, способным помешать посетителям опускаться до скотского состояния, остаётся лишь их собственные моральные принципы, которые от безнаказанности и вседозволенности размываются все больше и больше.

Этические коллизии уже совершенно другого уровня раскрываются в параллельной линии сюжета: создатели андроидов – «коренных» жителей аттракциона начинают замечать в них зачатки памяти и сознания, похоже на то, что эти совершенные машины научились не просто изображать эмоции, но и действительно их испытывать, и в своих реакциях они все меньше похожи на роботов и все больше напоминают людей.

Весь первый сезон авторы сериала подводят зрителя к признанию вероятности, что искусственный интеллект способен обрести осознание и научиться испытывать эмоции – но в таком случае нам всем необходимо тотально пересмотреть нашу этику взаимодействия с роботами. И даже не столько из-за страха перед бунтом машин, сколько из-за таящейся во всей этой истории современного рабства опасности утраты самой сути человеческого в нас самих.

Так что фильм заставляет задуматься не только о возможных последствиях возникновении сознания и эмоций у искусственного интеллекта, но также о таких базовых экзистенциальных понятиях, как свобода, выбор, ответственность и о трансформации моральных устоев в процессе развития современных технологий.

Список литературы

1. Азимов А. Три закона роботехники. Авторский сборник. Серия: Зарубежная фантастика. М.: Мир, 1979. 400 с.
2. Брайан Олдисс. Суперигрушек хватает на все лето (Supertoys Last All Summer Long). М.: АСТ, 2007.
3. Григ А. Эмоциональный искусственный интеллект: меняя мир человека к лучшему // VC.ru. 13.07.2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://vc.ru/u/194266-aliya-grig/269320-emocionalnyi-iskusstvennyi-intellekt-menyuaya-mir-cheloveka-k-luchshemu> (дата обращения: 10.03.2025).
4. Майленова Ф. Г. Человеческое в нечеловеческом: Может ли человеческая этика продолжиться в искусственном интеллекте? //

Институт человека: Идея и реальность / Отв. ред. Г. Л. Белкина, ред.-сост. М. И. Фролова. М.: ЛЕНАНД., 2017. С. 291–301.

5. Майленова Ф. Г. Любовь и роботы. Станет ли человечество дигисексуальным? Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ФИЛОСОФИЯ, Том 23. № 3, 2019. С. 312–323.

6. Плужникова Н. Н., Саенко Н. Р. Социально-философский анализ парадокса ре-презентации эмоционального робота в литературе и кинематографе // Общество: философия, история, культура. 2024. № 12. С. 100–106.

7. Чапек К. «ВУР». Верстандовы универсальные работари. (Р.У.Р. (Россумские универсальные роботы). R.U.R. (Rossumovi Univerzální Roboti). Пьеса. Перевод на русский: И. Мандельштам, Е. Геркен. Л.: Государственное издательство, 1924.

ЦИФРОВОЙ ГАБИТУС: СОЗДАНИЕ СМЫСЛА И АЛГОРИТМИЗАЦИЯ

Платонова Светлана Ипатовна,
доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин,
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный аграрный университет»
г. Ижевск
e-mail: platon-s@bk.ru

Аннотация. В статье рассматриваются концептуальные рамки цифрового габитуса. Теоретической основой для рассмотрения цифрового габитуса является теория капитала, габитуса, поля французского теоретика П. Бурдьё. Показано, что на формирование цифрового габитуса влияют не только культурные диспозиции, ценностно-смысловые установки индивида, но и алгоритмы и программное обеспечение. Цифровой габитус позволяет конвертировать интериоризированные цифровые навыки и цифровые практики в реальную социальную среду. Приведены примеры реализации цифрового габитуса представителями разных социальных групп. Обсуждается взаимосвязь цифрового габитуса и цифрового поля. Показано, что цифровое поле порождает новые напряжения. Во-первых, это напряжение между владельцами цифровых платформ и рядовыми пользователями. Во-вторых, это напряжение между уверенными пользователями цифровых технологий и рядовыми пользователями. Определено, что если в концепции П. Бурдьё габитус понимается как совокупность диспозиций восприятия, мышления, действия, то цифровой габитус – это совокупность не только диспозиций индивида, о и виртуальных коммуникаций индивида, осуществляемых в цифровом поле. В качестве возможности контролирования алгоритмизации цифрового габитуса предлагается учитывать тенденции формирования цифрового аскетизма, эскапизма, киберсоциализации.

Ключевые слова: цифровой габитус, цифровое поле, цифровое напряжение, П. Бурдьё.

Цифровые технологии оказывают значительное влияние на все сферы общественной жизни, ведут к трансформации социальной структуры, формированию «социоцифроприродных реалий гибридного типа» [1, с. 30]. Меняются индивидуальные практики акторов, которые все более характеризуются включенностью в виртуальную среду, сопровождающуюся активными онлайн коммуникациями. «Уход» индивидов в виртуальный мир подстегнула пандемия, которая стимулировала развитие дистанционных форм человеческой деятельности.

Тем не менее, после завершения пандемии наблюдается экстенсивный и интенсивный рост информационных технологий. Нахождение в цифровом мире может сопровождаться полным погружением индивида в виртуальную реальность, формированием когнитивных искажений, информационных пузырей, предвзятости [2; 3]. Число пользователей и потребителей цифровых услуг с каждым годом увеличивается. Исследования показывают, что «80% людей проверяют телефон в первые 10 минут после пробуждения, 83% испытывают дискомфорт, если забыли телефон, ... 65,6% проверяют свои телефоны более 160 раз в течение дня» [4, с. 26]. Цифровые привычки оказывают глубокое влияние на когнитивные процессы, поведенческие модели и общее благополучие индивидов.

Рост цифровых технологий актуализировал концепцию выдающегося французского социального теоретика П. Бурдьё. С помощью предложенных им понятий капитала, габитуса, поля можно, по нашему мнению, концептуализировать и объяснить современные цифровые процессы. Актуальность приобретают следующие вопросы. Что такое цифровой габитус? Как функционирует цифровой габитус в цифровом поле? Как реализуются в цифровых практиках индивидов усвоенные ими цифровые навыки и ценности цифрового мира?

Понятие «габитус» (от лат. *habitus* – свойство, состояние, положение) является центральным в теории П. Бурдьё наряду с понятиями «поле» и «капитал». С помощью габитуса французский социолог пытается объяснить, каким образом индивиды осуществляют свои практические действия. Габитус – целостное явление, это система диспозиций,

прежде всего, система восприятия, мышления, действия. Габитус является совокупностью не только осознаваемых практик, рефлексивных действий. Он представляет синтез как рефлексивных, так и нерефлексивных практик индивида, основываясь как на практическом чувстве, так и на усвоенных индивидом образцах поведения. При этом габитус не ограничивает свободу человека, он допускает вариативность действий.

Если опираться на теорию П. Бурдьё, цифровой габитус может быть определен как «интериоризированные цифровые знания и умения, выражающиеся в экстернализованных цифровых практиках, навыках, компетенциях». Иными словами, цифровые модели поведения интериоризируются, инкорпорируются индивидами и, далее, становятся основой для дальнейших цифровых практик. За концептуальную основу понимания цифрового габитуса можно взять не только представления П. Бурдьё о габитусе и поле, но и понимание габитуса как коммуникации, как системы формирования и потребления знания, предложенного Г. Б. Гутнером [5]. Таким образом, цифровой габитус – это совокупность не только диспозиций индивида, но и виртуальных коммуникаций индивида, осуществляемых в цифровом поле.

Цифровой габитус создает устойчивые привычки, модели поведения, которые формируются у индивидов, активно использующих цифровые технологии. Цифровой габитус, связанный с развитием цифровых навыков, позволяет опытным пользователям не только получать преимущества, желаемую информацию с меньшими усилиями, но и использовать Интернет более гибко и разносторонне, чем менее опытные пользователи.

Важно отметить, что цифровой габитус позволяет конвертировать интериоризированные цифровые навыки и цифровые практики в реальную социальную среду. Индивиды по-разному используют цифровой габитус. Л. Робинсон в статье «Вкус к необходимому» (2009), исследуя цифровые практики американской молодежи, выделяет два типа информационного габитуса среди семей с низким и средним уровнем дохода в сельскохозяйственном поясе Калифорнии. Робинсон

показывает, что отношение к ИКТ у семей с разными уровнями дохода различается. Цифровой габитус в семьях с доходом выше среднего ориентирован на технологическую вовлеченность и дальнейшее развитие цифровых навыков без «немедленной отдачи», тогда как у американской неблагополучной молодежи цифровой габитус ориентирован на выполнение кратковременных непосредственных задач без ориентации на долгосрочную перспективу [6, р. 488].

Таким образом, на формирование цифрового габитуса влияют культурные диспозиции индивида, его ценностно-смысловые установки, уровень его образования. Цифровой габитус функционирует в цифровом поле. Для П. Бурдьё «поле» является важным понятием, это «ключевая пространственная метафора» [7, р. 951], с помощью которой объясняется взаимодействие и коммуникация акторов на основе правил игры, существующих в данном поле. Поле – это определенная сеть отношений между социальными позициями индивидов. Обратим внимание на взаимосвязь цифрового габитуса и цифрового поля.

В цифровом поле существенную роль в форматировании и переформатировании цифрового габитуса играют цифровые алгоритмы, во многом определяющие ценности, предпочтения, виртуальные практики пользователей. На особенности цифровых практик, взаимодействия субъектов цифровой коммуникации обращает внимание французский исследователь А. Ромеле [8]. В его концепции важно указание, что на формирование установок и привычек современного человека влияют не только его цифровые знания, но и современные цифровые технологии, основанные на алгоритмах искусственного интеллекта и больших данных. «Цифровой габитус – это алгоритмический процесс кластеризации человеческих отношений, действий и вкусов, который предсказывает наше будущее» [9, р. 120].

С выводами А. Ромеле соглашается Д. Добринская, подчеркивающая, что «с помощью алгоритмов возникают новые способы восприятия мира, воспроизводятся стереотипы, воссоздаются практики и мировоззренческие установки, ограничивается выбор или открываются новые возможности» [10, с. 118]. Д. Добринская обращает внимание на выводы Р. Китчина и М. Доджа о роли алгоритмов в цифровом

обществе: «Механизмы алгоритмического управления определяют новую картину мира, поскольку с их помощью реализуется власть, создаются новые механизмы принуждения и социального контроля» [10, с. 118]. Следовательно, можно утверждать, что на формирование и функционирование цифрового габитуса влияют не только культурные и профессиональные диспозиции индивида, но и цифровые алгоритмы. Этот тезис утверждает более сложную структуру цифрового габитуса.

При этом сами алгоритмы безразличны и равнодушны к людям, а свойство приписывать им эффективность зависит от страхов, надежд, воображения, присущих индивидам. Предлагая все более персонализированные услуги, цифровые технологии остаются совершенно безразличными к человеку. Индивидуальные действия и взаимодействия имеют значение лишь постольку, поскольку их можно цифровым образом отследить, количественно оценить и проанализировать.

Рассматривая особенности цифрового габитуса, А. Ромеле говорит о феномене «персонализации без личности» [9, р. 100], когда большие данные и алгоритмические практики анализа поведения пользователей регенерируют габитус. Иными словами, цифровые алгоритмы, цифровые технологии являются одним из источников формирования габитуса и его изменения. Большую роль в реформатировании габитуса играют персонализированные фильтры, предоставляя индивиду удобную и знакомую для него информацию.

Вопрос может быть поставлен следующим образом: кто формирует смыслы и ценности в цифровом обществе? Действительно, в реальном обществе габитус является продуктом определенного классового положения, социальной среды; он усваивается индивидом в виде системы восприятия, мышления и действия. Габитус – это своего рода посредник между социальными структурами и реальными практиками акторов.

Цифровое поле структурировано иначе, так как функцию детерминирующих цифровые практики индивидов выполняют не реальные социальные институты и нормы, а владельцы цифровых платформ, создатели алгоритмического управления. Цифровое поле порождает новые напряжения. Во-первых, это напряжение между владельцами

цифровых платформ и рядовыми пользователями. Предметом конфликта между ними является контроль над виртуальными практиками индивидов со стороны владельцев цифровых платформ и тонкая настройка предпочтений и желаний индивидов. Еще одно напряжение происходит между создателями цифрового контента и новичками, не умеющими конвертировать свои цифровые навыки в разные формы капитала.

Подчеркнем, что цифровой габитус так или иначе связан с трансформацией самого человека. Ряд исследователей ставит под сомнение, что простой доступ к технологиям автоматически приведет к положительным результатам их использования [3; 4; 8]. Следовательно, цифровой габитус как система сформированных диспозиций восприятия, мышления и действия в цифровом поле еще не является гарантией успешной социальной траектории индивида. Обращается внимание на усталость большинства людей от цифровых технологий и появления, в связи с этим цифрового аскетизма, представляющего «собой практику сознательного ограничения и использования цифровых коммуникаций» [4, с. 28].

В целом, предложенные П. Бурдье понятия капитала, поля, габитуса обладают значительным эвристическим потенциалом и используются современными социальными учеными при исследовании процессов цифровизации. Таким образом, цифровой габитус может быть определен как совокупность диспозиций и цифровых коммуникаций виртуального субъекта в цифровом поле. Конструктивистский структурализм П. Бурдье помогает понять процессы взаимодействия социальных институтов, традиций, правил с индивидуальными (как реальными, так и виртуальными) практиками акторов.

Список литературы

1. Кравченко С. А. Амбивалентности цифровизации: востребованность ее национально-культурной модели для устойчивого развития // Социологические исследования. 2022. № 9. С. 29–37.
2. Паризер Э. За стеной фильтров. Что Интернет скрывает от вас? / пер. с англ. А. Ширикова. Москва: Альпина Бизнес Букс, 2012. 304 с.

3. Платонова С. И. Социальная идентичность как феномен цифрового общества // Социология науки и технологий. 2023. Т. 14. № 3. С. 149–163.
4. Лисенкова А. А., Труфанова Е. О. Цифровой эскапизм – от аддикции до аскетизма // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2023. Т. 5. № 3. С. 17–34.
5. Гутнер Г. Б. Риск и ответственность субъекта коммуникативного действия. Москва: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2008. 242 с.
6. Robinson L. A Taste for The Necessary // *Information, Communication & Society*. 2009. Vol. 12 (4). Pp. 488–507.
7. Ignatov G., Robinson L. Pierre Bourdieu: Theorizing the Digital // *Information, Communication & Society*. 2017. Vol. 20 (7). Pp. 950–966.
8. Romele A. *Digital Habitus: A Critique of the Imaginaries of Artificial*. New York: Routledge, 2023. 176 p.
9. Romele A. Digital Habitus or Personalization without Personality // *Journal of Philosophical Studies*. 2020. Vol. 13(37). Pp. 98–126.
10. Добринская Д. Е. Что такое цифровое общество? // Социология науки и технологий. 2021. Т. 12. № 2. С. 112–129.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ПРОЦЕССЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Пономарев Алексей Михайлович,

доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, директор,
Удмуртского филиала ФГБУН «Институт философии
и права УрО РАН»
г. Ижевск
e-mail: amp08@mail.ru

Аннотация. Социальные ценности являются ценностями внутренней организации социального субъекта. Социальный субъект может быть представлен как цепь связей, состоящих из индивидов, проводников и посредников, значений. Сборка социального субъекта в интернет-коммуникации претерпевает изменение, его самокоммуникация выносятся в цифровую среду, в которой роль посредников играют интеллектуальные агенты. В ходе цифровизации тотальность социальности распадается на три онтологических региона со своими аксиологическими субполями. Общество предстает как взаимодействие гибридных социальных субъектов. Гибридизации подвергаются также социальные ценности – от «реального» существования через символизацию и виртуализацию к «коллапсу».

Ключевые слова: социальные ценности, посредник, интернет-коммуникация, интеллектуальный агент, гибридная социальность.

Анализа трансформации социальных ценностей в цифровой среде корректнее всего начать с их определения. В данной статье под социальными ценностями как типом превращённой формы сознания [4] будут пониматься ценности самокоммуникации социального субъекта. В таком понимании ценностей следует обратить внимание на два аспекта. Первый; коммуникация является средой функционирования ценностей, и цифровизация социальности также охватывает прежде всего коммуникацию. Второй; социальный субъект для своего утверждения в качестве субъекта нуждается в упорядочивании и органи-

зации внутренних социальных связей. Объективация такой соорганизованности является условием осознания социальным субъектом своей самоидентификации, формой чего и являются социальные ценности. Манифестируя эти ценности, социальный субъект утверждает себя в социальном мире, волящим образом заявляет о своих интересах в социальных отношениях. Для индивидуального социального субъекта помимо этого «... ценности выступают системой координат – картой его природного и социального мира, с которой он регулирует своё поведение и деятельность. ... ценности служат осмысленным нормативным содержанием самоидентификации» [1, с. 214].

В силу указанных причин, анализу трансформаций социальных ценностей в текущей ситуации должно предшествовать описание изменений, которые претерпевает социальный субъект. В этом описании следует учитывать роль проводников и посредников, которых Б. Латур определяет следующим образом: «... “проводник” (intermediary) – это то, что переносит (transport) значение или силу, не преобразуя их; определение его входов достаточно для определения его выходов. В отношении всех практических целей проводник может выступать ... как чёрный ящик, принимаемый за единицу, даже если внутри он состоит из множества частей. *Посредник* же не может рассматриваться просто как единица ... Исходя из того, что имеется на входе посредника, никогда нельзя предвидеть, что будет на выходе; необходимо каждый раз учитывать специфику посредника. Посредники преобразуют, переводят, искажают и изменяют передаваемые ими значения или их элементы» [3, с. 58]. Социальная ткань, по словам П. А. Сорокина, «... состоит из совокупности носителей и цепочек проводников, во всей сумме их взаимодействия ... В большей части значимых взаимодействий участники используют цепочку проводников, соединённых между собой и с людьми как связующими агентами». Именно благодаря «“контактной роли” человеческих проводников становится возможным соединение различных проводников в одну непрерывную цепочку», которые являются условием и предпосылкой особо значимых взаимодействий разделённых в пространстве и времени,

т. е. социальных отношений⁶ [6, с. 212–213]. В проводниках объективируются и социализируются значения (знания, ценности, нормы), осознание которых и обмен которыми является элементом формирования социального взаимодействия.

В описанном выше контексте социальный субъект предстаёт как связь, собранная из индивидов, проводников и посредников. В цепочку эти компоненты собираются «контактной ролью» индивидов, которая содержит – наряду с материально-вещественным фрагментом, – значения (знания, ценности, нормы и т. д.). Эмпирически сборка цепи происходит посредством объяснения индивидом связывания компонентов. Изменение в таком объяснении ведёт к трансформации цепи ассоциации, её пересборке.

Сложившаяся к настоящему моменту новая ситуация в развитии общества характеризуются принципиальными изменениями в механизме складывания социального субъекта и его деятельности. Одно из таких изменений связано с развитием интернет-коммуникации на базе интернет-технологий, что преобразует способ презентация общностей. До сих пор в ней преобладали организация и лидер, резонансы массовых эффектов. Сегодня же точкой сборки общности выступает цифровая платформа. О происходящих процессах М. А. Корецкая пишет: «... коллективное тело получает инструмент самоорганизации, не особенно нуждаясь для этого процесса в ... гегемонах, чья задача ... заключалась в том, чтобы ... мобилизовать массы, дать им идентичность и указать вектор движения» [2, с. 120]. Новая коллективность проявляется теперь как множественность хаотичных репрезентаций. В новой культурно-технологической ситуации общности ограничена сетевой оболочкой, своего рода автономной кибернетической нервной системой, которая вынесена во вне социального тела (из офф- в он-лайн).

---

⁶ П. А. Сорокин, который разработал оригинальную концепцию проводников социального взаимодействия раньше Б. Латура, не выделял отдельно посредников. Но и в его концепции проводники играют активную роль; они влияют на поведение и психику человека, меняют характер социального взаимодействия, позволяют измерить его интенсивность и образуют вокруг индивидов природную и социальную среду.

Появление у социальной общности – субстрата социального субъекта, – вынесенной во вне в форме сетевой структуры оцифрованной коммуникативной системы ведёт к появлению цифрового двойника общности. Цифровое дублирование является ответом современного общества на возрастающую сложность и комплексность социальной общности; цифровой двойник является инструментом самоорганизации и самоуправления социальных субъектов, гарантией их самосохранения и условием их развития.

С этим механизмом тесно переплетается другое изменение в рассматриваемом механизме. Сегодня в сборке образующих социального субъекта цепочек появляется новый посредник, который влияет даже не на объяснение связанности, а формирует новую механику объяснений. Это – интеллектуальный агент, функционирующий на базе технологий искусственного интеллекта. Т. е., устройство, которое посредством сенсоров получает извне информацию о состоянии окружающей среды и осуществляет на неё обратное влияние; «... это некто или нечто, что функционирует в окружающей среде и, во-первых, имеет способы посредством своих действий изменять состояние этой среды, а во-вторых, имеет возможность воспринимать информацию и обновлять свое состояние» [7].

Рассмотренные изменения в совокупности с другими изменениями, вызванными технологиями цифровизации ведут к изменению социальной общности, которая как таковая остаётся целостностью и должна анализироваться в качестве таковой. Но внутри этой целостности удаётся выявить уже не два, а три региона, различающихся онтологическими характеристиками. Несколько модифицируя теорию связей М. Грановеттера [8], эти регионы могут быть описаны как регионы с сильными связями, которым присущи реальная социально-дифференцирующие признаки, реальные ролевые наборы и ожидания, замыкающиеся на персональную вовлеченность и присутствие живых индивидов.

Автономизация коммуникативной социальной подсистемы «искривляет» социальное пространство. В одном случае речь идёт о минимизации характеристик первого региона и возрастание факторов

интеграции на знаково-символической основе – регион с слабыми социальными связями. В третьем случае – регион с слабейшими связями, – традиционные характеристики редуцируются до реагирования на информацию и деперсонализацию участников взаимодействия [5, § 2.1].

Из изложенного видно, что в новой ситуации социальный субъект организовывается в локусах социальной такни с различными характеристиками, и общество как целостность складывается из взаимодействия субъектов четырёх типов, три из которых являются гибридными [5, с. 106, 149].

«Искривление» социального пространства и его регионализация естественно ведёт к «искривлению» и регионализации аксиологического субпространства. Ключевым фактором, который задаёт искривление пространства ценностей является степень и характер вовлеченности в каждом из регионов человеческого индивида как исполнителя «контактной роли» в социальные взаимодействия. Аналогично гибридизации социальных субъектов следует говорить о гибридизации систем социальных ценностей. Но, в отличие от четырёх типов социальных субъектов, систем социальных ценностей остаётся лишь три. Первая система – это привычная система социальных ценностей, содержащих темпоральный аспект. Второй тип – с ослабленным темпоральным аспектом и гипертрофированной символической выраженностью ценностей. Третий – с виртуализированными (редуцированными) ценностями. В гибридном субъекте на основе слабейших связей, ценности «коллапсируют»; в этом регионе сплетение социальных связей не предполагает в качестве обязательного условия участие человеческого индивида и перепоручается интеллектуальному агенту.

Список литературы

1. Вильданов Х. С. Национальные ценности в структуре этнокультурной и национальной самоидентификации // *Фундаментальные исследования*. 2014. №9 (ч.1). С. 214–218.
2. Корецкая М. А. Коллективное тело в эпоху новых медиа: “сетевой” и “уличный” регистры существования // «Общество 5.0»:

парадоксы цифрового будущего. VII Садыковские чтения: материалы Международной научно-образовательной конференции (Казань, 15-16 ноября 2019 г.). Казань: Издательство Казанского университета, 2019. С. 116–126.

3. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.

4. Мамардашвили М. К. Превращенные формы (О необходимости иррациональных выражений) // Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М.: Издательская группа «Прогресс» «Культура», 1992. С. 269–282.

5. Сабурова Л. А., Пономарёв А. М., Эстрина Ю. Ю., Благодатский Г. А. Динамика интеграции онлайн-сообществ мобилизационного типа: опыт построения прогнозной модели. М.: РУСАЙНС, 2022. 178 с.

6. Сорокин П. А. Родовая структура социокультурных явлений // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с. С. 190–220.

7. Яковлев К. Перспективы интеллектуальных агентов. Постнаука. URL: <https://postnauka.ru/faq/83426> (дата обращения: 08.02.2026).

8. Granovetter M. S. The Strength of Weak Ties // The American Journal of Sociology. 1973. №78 (6). P. 1360–1380.

К ПОНИМАНИЮ РЕАЛЬНОСТИ В МИРЕ ДЕЙСТВУЮЩИХ ТЕХНИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ

Змеев Михаил Владимирович,

кандидат социологических наук,

доцент кафедры истории и социально-гуманитарных дисциплин
ФГБОУ ВО «Глазовский инженерно-педагогический университет

им. В.Г. Короленко», г. Глазов

e-mail: zmeevmv@mail.ru

Аннотация. В статье представлена попытка рассмотреть концептуальные изменения в представлениях о реальности жизненного мира человека в связи с теоретической эмансипацией технических объектов как самостоятельных акторов.

Ключевые слова: реальность, технические объекты, поворот к материальному, гипотеза симуляции.

Поскольку понятие реальность заявлено как проблема, которую мы должны прояснить, а действующие технические объекты позиционированы как равноправные участники мира, то именно в отношении последних и нужно дать исходное пояснение. Под действующими техническими объектами мы будем понимать все объекты окружающего нас, людей, мира, которые были созданы нами для его освоения и, как бы сказал Хайдеггер, раскрытия потаенного. О технических объектах, от плуга до ИИ, мы будем говорить вне этических оценок, поскольку для адекватного понимания той реальности, в которой мы находимся, и технооптимизм, и технофобия – нерелевантные установки. В чем же проблема в понимании реальности с учетом указанной технической составляющей? Дело в том, что если допустить безграничную самостоятельность технических объектов (в том числе и программ), то мы вполне можем допустить и гипотезу симулированной реальности, о которой говорит Д. Чалмерс в своей книге «Реальность +» [5]. А если мы допустим, что весь мир есть впечатляющая по своим масштабам симуляция, то приходится признать, что наши представления о реальности и сама реальность сложнее, чем

мы полагали до сих пор. Поэтому чтобы начать (снова начать) разговор о реальности нам нужно обозначить ряд диспозиций, которые позволят увидеть направления для последующей рефлексии. Если цель философствования не только изобретение новых концептов, но также пересмотр и утилизация старых, то все это справедливо и к концептуальности в тех коннотациях, которые сложились к настоящему времени. Попробую обозначить эти диспозиции в нескольких тезисах.

Во-первых, нужно признать, что всё, что мы называем реальностью есть следствие аппрезентаций нашего сознания. Аппрезентации как формы образующие особого рода означивание объектов и связей между ними составляют всю «библиотеку» наших представлений и суждений о реальности. В рамках этих аппрезентаций мы устанавливаем и разделяем друг с другом ассоциативные пары, придающие нашему ощущению реального интересующую значимость: реальное-объективное, реальное-действительное, реальное-виртуальное, реальное-иллюзорное и т. д. Через эти аппрезентативные соотношения и их символическую форму сама реальность распадается для нас на подмиры или конечные области значений: мир повседневной реальности, мир реальности науки, фантазий, искусства, религии, игры и т. д. А мы становимся путешественниками по этим подмирам различных реальностей [6, с. 456–526]. В этих аппрезентациях мы не только производим концептуальные различия, но также задаем возможные направления понимания самого предмета реальности, например через дихотомию феномена и ноумена, или через гипотезу симуляции, или через теории конструктивизма. Мы не будем здесь касаться этих разнообразных подходов и вариантов аппрезентаций реального. Это отдельная тема историко-философской деконструкции. Однако, что важно отметить, – во всех этих подходах и аппрезентациях реального мы наблюдаем (и отдаем себе в этом отчет) только человеческую перспективу взгляда. И это естественно, учитывая положение самого говорящего. То есть, в каком бы смысле мы не говорили о реальности – ее объективности или субъективности, подлинности или иллюзорности, материальности или виртуальности, познаваемости или непознаваемости – мы все время редуцируем

ее к перспективе человеческого взгляда. Примерно об этом говорит Грэм Харман, когда критикует так называемые теории подрыва и надрыва в ретроспективе философского дискурса о реальности. В частности, теории «надрыва», которые Хараман хронологически ведет от Декарта, характеризуются тем, что сводят вещи (объективную реальность) к их воздействию на нас или друг друга [5, с. 51]. В частности, у Гуссерля эта тактика надрыва проявляется в том, что он видел «абсурдным возможность существования объекта иначе, чем в виде потенциального коррелята наблюдающего сознания» [5, с. 50]. В такой перспективе любая реальность – природная, материальная, техническая, виртуальная – есть реальность состоящая в наличии или поставленная человеку [4, с. 231–232]. «Реальность» превратилась в сверхсмысл человеческого мира, который можно постигнуть и приручить. Однако этот антропоцентричный подход сегодня устарел и утратил свой эпистемический потенциал. И природа, и мир технических объектов напоминают о *своей* реальности.

Отсюда второй тезис: технические объекты, с которыми мы разделяем мир, конституируют иную реальность, которую мы уже не можем редуцировать к своему жизненному миру. В поле теоретического осмысления этот тезис вошел под лозунгом «поворота к материальному» вместе с акторно-сетевой теорией (АСТ). Поворот к материальному – «это социология вещей *sui generis*. Вещи должны получить свободу от социального, они больше не являются пассивным экраном, на который проецируются социальные смыслы, не служат подручными инструментами социальных фактов, не выступают видимым, но молчаливым свидетельством незримого социального порядка. Они должны анализироваться как условия возможности этого порядка...» [1, с. 35]. Итак, усилиями Бруно Латура, Мишеля Каллона, Джона Ло вещи, в том числе и технические объекты, которые мы привыкли рассматривать как средства и инструменты, превращаются в самостоятельных актантов. Конечно, стоит учитывать, что когда мы говорим об агентности вещи (объекта), это не означает буквально, что у вещи (например, телефона) своя, независимая и «самостоятельная» жизнь. Речь идет о том, что вещь (технический объект) – это

агент сетевой и он существует именно как самостоятельная сетевая реальность, несводимая к сумме своих компонентов. Как писал М. Каллон, «парадоксальным образом автономность водителя проистекает из того факта, что функционирование автомобиля зависит от того, что он является одним из элементов большой социотехнической сети. Для того, чтобы функционировать ему нужны: дорожная инфраструктура с автомастерскими; компании, управляющие скоростными магистралями; автомобилестроительная промышленность; сеть гаражей и дистрибьюторов топлива; особые налоги; школы вождения; правила дорожного движения... и т. д. Автомобиль, таким образом, является центром паутины отношений, связывающих гетерогенные сущности, центром сети, которая состоит из людей и не-людей». [3] В свете этого тезиса уместно спросить как то, какое место занимает в вашей жизни телефон/автомобиль/нейросеть, но также и обратное – какое место мы занимаем в мире всех этих объектов. Мы управляем автомобилем, наблюдаем за Вселенной с помощью «Хаббла» или смотрим занимательный контент в социальной сети, или автомобиль «включает» нас в систему объекта транспортной сети, «Хаббл» позволяет увидеть фрагмент космоса, а социальная сеть формирует наш выбор? Мы по-прежнему можем редуцировать эту сеть технических объектов к нашему человеческому порядку и полагать реальность общей и контролируемой? Или то, что мы считаем реальным-для-нас, является коррелятом какой-то другой реальности, от нас независимой? Например, реальности, которую создают технические объекты. Можно, конечно, парировать эти вопросы ответом в духе техническое – по-прежнему всего лишь «внешнее расширение человека». Или технические объекты, даже самые продвинутые и масштабные (в смысле сети) не могут создавать собственную реальность, потому что лишены сознания и не способны на самостоятельные действия. Однако, думаю, что такие ответы не релевантны вопросу, так как по-прежнему используют стратегию надрыва и антропоморфизации объектов. Потому что действие технического объекта, например, беспилотного автомобиля, не аналогичны субъективному действию человека в режиме «мотив – выбор сценария поведения – осознанное действие». Даже в человеческом

сообществе это происходит опосредовано культурными нормами, стереотипными представлениями, ворованиями, поведенческими паттернами, аппрезентациями восприятия ситуации и т. д. В мире технических объектов, особенно если говорить о нейронных сетях, самообучающихся машинах, действие – это сложный и не всегда объяснимый процесс. Ведь машина не вкладывает смысл в действие, она опосредует другое действие. То есть порядок обращения и взаимодействия с другими объектами устроен иначе.

И здесь я перейду к третьему, заключительному, тезису: реальность технических объектов является не только автономной, но также принудительной и потенциально непредсказуемой. Принудительной, потому что те сети, в которые технические объекты включены, оказывают на нас жизненно важное принуждающее влияние: от простого телефона до интернета или телескопа «Хаббл». Принудительное понимается как то, от чего невозможно отказаться, потому что отказ повлечет за собой распад реального. В каком смысле эмансипированная реальность технических объектов становится для нас не просто параллельной и принудительной, но еще и непредсказуемой? Непредсказуемость может предполагать некий эмерджентный эффект, случайный сбой или «обоснованное» решение, которого от технического устройства не ждешь. Первые два нас не очень интересуют, а вот последнее – принципиальный вопрос в контексте герметизации реальности технических объектов (сравни – «восстания машин»). Для этого посмотрим на то, что может превратить технический объект в самостоятельного действующего агента. Это, во-первых, распознавание ситуации, во-вторых, выбор действия в распознанной ситуации и, в-третьих, реализация действия. Можно утверждать, что современные технические объекты все это уже умеют: считывать и распознавать ситуации, просчитывать оптимальное действие и реализовывать его (на ум приходит множество примеров от робота-пылесоса до беспилотных систем). Вопрос в том, может ли технический объект, минуя человека санкционировать (авторизовать) затрагивающие последнего действия? Если да, то это и будет герметизация реальности технических объектов, непредсказуемая для человека. «Авторизация –

качественно иной уровень делегирования, предполагающий отчуждение прав и рождение новых коллективных субъектов. Наши отношения с техническими агентами пока не вышли на этот уровень и все еще ограничиваются индивидуальными поручениями... Сложно представить себе мир, в котором люди коллективно отказываются от права судить и передают его роботу судьбе или авторизуют беспилотные автомобили в качестве единственных легитимных транспортных средств. Впрочем, так ли уж сложно?» [2, с. 145] Действительно, если учесть, что алгоритмы нейросети прогрессируют с ускорением, и так называемый машинный ИИ сможет выполнять количество вычислительных операций, кратно превосходящих возможности человеческого мозга, а наличие сознания у нейросети, возможно, вопрос времени, то, как заявляет Д. Чалмерс, мы не можем исключать создание такой симулированной реальности, которую уже будет невозможно ни фальсифицировать, ни опровергнуть [2. 48].

Список литературы

1. Вахштайн В. С.⁷ Пересборка повседневности: беспилотники, лифты и проект ПкМ-1 // Логос. 2017. № 2.
2. Вахштайн В. С. Техника, или Обаяние прогресса. СПб: Издательство Европейского университета в СПб, 2021.
3. Каллон М. Акторно-сетевая теория // Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.hse.ru/data/2014/10/07/1100063024/pdf>
4. Хайдеггер М. Вопрос о технике / Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993.
5. Харман Г. Объектно ориентированная онтология: новая «теория всего». М.: АдМаргинем Пресс, 2021.
6. Чалмерс Д. Реальность+. Виртуальные миры и проблемы философии. Т.1. Симуляция как основа реальности. М.: Тотенбург, 2025. 206 с.
7. Шюц А. Символ, реальность и общество / Шюц А. Избранное: мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004.

---

⁷ Признан иностранным агентом.

**ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ
ТЕХНОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ НЕКОТОРЫХ РАБОТ
Э. ТОФФЛЕРА И Д. БЕЛЛА**

Сухих Никита Иванович,

кандидат философских наук,
доцент кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,

Уральский технический института связи и информатики – филиал
ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет
телекоммуникаций и информатики»,
г. Екатеринбург
e-mail: suxeh@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу информационно-коммуникационных технологий в контексте теоретических подходов Э. Тоффлера и Д. Белла. Цель исследования заключается в выявлении описания значения их концепций для осмысления процессов цифровизации современного общества. В работе рассматриваются ключевые положения теории «трёх волн» Э. Тоффлера и концепции постиндустриального общества Д. Белла, в рамках которых технологии, знания и информация интерпретируются как ведущие факторы социальной динамики. Внимание уделяется роли ИКТ в формировании экономики знаний, трансформации социальной структуры и изменении механизмов управления. Показано, что идеи Тоффлера позволяют выявить культурные и темпоральные аспекты цифровых изменений, тогда как подход Белла акцентирует внимание на институциональных и технократических сдвигах. В статье также обозначаются ограничения данных концепций в условиях современной цифровой эпохи.

Ключевые слова: цифровизация; постиндустриальное общество; общество знаний; теория «трёх волн»; Э. Тоффлер; Д. Белл; социальные трансформации; экономика знаний; информационное общество; технократизация управления.

Одним из наиболее влиятельных теоретиков, анализировавших долгосрочные социальные изменения под воздействием технологий,

является Элвин Тоффлер. В своей концепции он предлагает оригинальную модель общественного развития, получившую название теории «трёх волн», которая позволяет проследить эволюцию цивилизации через смену доминирующих способов производства, форм социальной организации и типов культуры [5].

По мнению Г. Ш. Ишмаева, «...Тоффлер исследует влияние новых тенденций на процессы социального управления и принудительные механизмы. Узловым фактором изменений здесь тоже выступает знание [3; 25].

Согласно Э. Тоффлеру, история человечества может быть представлена как последовательность трёх крупных цивилизационных волн. Первая волна связана с аграрной революцией и переходом к оседлому земледелию, что определило традиционные формы социальной иерархии, семейных отношений и локальных сообществ. Вторая волна – индустриальная – характеризуется массовым производством, урбанизацией, стандартизацией труда и культуры, а также формированием централизованных национальных государств. Каждая из этих волн не просто добавляет новые элементы к социальной структуре, но радикально перестраивает предыдущие формы жизни.

Особое значение для анализа цифровых технологий имеет концепция Третьей волны, которую Э. Тоффлер связывает с переходом к постиндустриальному или супериндустриальному обществу. В рамках этой волны ключевым ресурсом становится не сырьё и не физический труд, а информация и знания. Производство все в большей степени основывается на обработке данных, научных разработках и инновациях, а технологии перестают быть лишь инструментами индустриального роста, превращаясь в самостоятельный фактор социальной трансформации. Именно в логике Третьей волны Э. Тоффлер предвосхищает появление информационных сетей, гибких форм занятости и глобальных коммуникаций, которые сегодня ассоциируются с цифровой эпохой.

В концепции Э. Тоффлера знания и информация выступают как движущая сила общественного развития. Они определяют не только экономическую конкурентоспособность, но и перераспределение власти

в обществе. Технологии, основанные на знаниях, изменяют характер труда, размывают границы между производителем и потребителем, способствуют росту роли интеллектуального капитала. Таким образом, социальная динамика все меньше подчиняется логике индустриальной массовости и все больше – логике гибкости, инновационности и быстрого обновления.

Одними из ключевых характеристик Третьей волны Тоффлер считает децентрализацию и демассификацию социальных процессов. Массовое производство и массовая культура, типичные для индустриального общества, уступают место индивидуализированным формам потребления, кастомизированным продуктам и сетевым структурам взаимодействия. Одновременно происходит резкое ускорение социальных изменений, что Э. Тоффлер описывает через понятие «футурошока» – состояния, при котором общество и индивид не успевают адаптироваться к темпам технологических и культурных трансформаций. В этом контексте цифровые технологии можно рассматривать как практическое воплощение тенденций, предсказанных Э. Тоффлером, усиливающих как потенциал развития, так и риски социальной дезориентации.

Теория постиндустриального общества Дэниела Белла представляет продуктивную методологическую основу для анализа цифровых технологий как системообразующего элемента современного социально-экономического развития [2]. В отличие от футурологических прогнозов, акцентированных на темпах и масштабах изменений, подход Белла сосредоточен на структурных сдвигах в экономике, социальной стратификации и механизмах принятия решений, что позволяет рассматривать цифровизацию как логическое продолжение тенденций постиндустриальной трансформации.

В концепции Д. Белла центральное место занимает экономика знаний, в которой теоретическое знание становится основным источником инноваций и экономического роста. Цифровые технологии усиливают данную тенденцию, обеспечивая производство, хранение и распространение знаний в беспрецедентных масштабах. Информа-

ционные ресурсы и интеллектуальный капитал приобретают стратегическое значение, вытесняя материальные факторы производства. В результате меняется структура занятости: возрастает роль специалистов в области науки, образования, информационных технологий и аналитики, а способность работать с данными и знаниями становится ключевой социальной компетенцией.

В статье «Философские интерпретации информационного общества: от Белла до Кастельса» А. В. Переслегин, указывает что «...в 1980 году в своей новой работе «Социальные рамки информационного общества» Белл уже характеризует современное общество как информационное общество, а грядущий век – постиндустриальной, или информационной эрой» [4]. В связи с этим важным представляется определение понятия «информационно-коммуникационные технологии» (ИКТ) Под ИКТ мы понимаем совокупность методов, технических средств и программных решений, обеспечивающих сбор, обработку, хранение, передачу и распространение информации с использованием цифровых и телекоммуникационных систем, а также организацию взаимодействия между пользователями в информационном пространстве.

ИКТ выступают в постиндустриальном обществе не просто как техническая инфраструктура, но как основа новой социальной организации. По Беллу, именно развитие ИКТ обеспечивает переход от индустриального производства к сфере услуг, науки и управления знаниями. Цифровые сети способствуют глобализации экономических и культурных процессов, формированию новых форм труда и взаимодействия, а также повышению роли символической и информационной деятельности. Таким образом, ИКТ становятся связующим звеном между научным знанием и практикой социального управления.

Как отмечает в своей статье «Критический анализ реализации постиндустриализма в современном обществе» Е. В. Багрова «...ожидания Белла заключались в том, что на передовые позиции в социуме выйдут технократические знания и принципы развития. В частности, в первую очередь в социуме будут цениться непосредственно технические знания и инженерные специализации» [1, с. 69].

Особое значение в теории Д. Белла имеет возрастание роли экспертов и научно обоснованных решений в управлении обществом. В условиях цифровизации эта тенденция проявляется в развитии экспертных систем, аналитики больших данных и алгоритмических моделей прогнозирования. Управленческие решения все чаще опираются на количественные показатели, моделирование и автоматизированный анализ, что усиливает процессы технократизации власти. С одной стороны, это способствует повышению эффективности и рациональности управления, с другой – порождает новые социальные риски, связанные с непрозрачностью алгоритмов, концентрацией экспертного знания и возможным отчуждением граждан от процессов принятия решений. В этом контексте идеи Белла сохраняют актуальность, позволяя критически осмыслить роль цифровых технологий в трансформации власти и социальной структуры постиндустриального общества.

И Э. Тоффлер, и Д. Белл рассматривают технологии не как нейтральный инструмент, а как ключевой фактор, формирующий экономику, социальные отношения и культуру. В их работах прослеживается общий тезис о переходе от индустриального общества к новому типу социальной организации, в котором центральное место занимают знания, информация и интеллектуальный труд. Оба автора подчеркивают возрастание роли науки, экспертизы и инноваций, а также ослабление значения традиционных индустриальных форм производства. В этом смысле цифровые технологии могут быть интерпретированы как эмпирическое подтверждение тех структурных сдвигов, которые были теоретически обозначены в их концепциях.

При наличии общих исходных предпосылок подходы Э. Тоффлера и Д. Белла различаются по акцентам и аналитическим задачам. Так, Тоффлер ориентирован на динамику изменений, культурные сдвиги и субъективный опыт индивида в условиях ускоряющегося времени. Его анализ носит во многом футурологический и публицистический характер, что позволяет выявлять новые тенденции, но снижает степень концептуальной строгости. Д. Белл, напротив, делает акцент на структурном анализе общества, институциональных изменениях

и трансформации социальной стратификации. Его теория постиндустриального общества более нормативна и системна, что делает ее удобной для социологического анализа, но менее чувствительной к культурным и психологическим аспектам технологических изменений.

Концепции Э. Тоффлера и Д. Белла, несмотря на их значительный эвристический потенциал, в условиях цифровой эпохи выявляют ряд теоретических и методологических ограничений. Одним из ключевых упреков в адрес Тоффлера является избыточная футурологичность и публицистичность его подхода. Описывая ускорение социальных процессов и «футурошок», он в меньшей степени анализирует институциональные и экономические механизмы цифровизации, включая роль транснациональных корпораций, платформенного капитализма и государств в управлении цифровыми технологиями. В результате социальные конфликты и асимметрии власти оказываются недостаточно проработанными.

Критика теории Д. Белла, в свою очередь, сосредоточена на ее технократическом характере и нормативной ориентации на рациональность экспертного знания. В условиях цифрового общества управление, основанное на аналитике данных и алгоритмах, не всегда ведет к повышению социальной эффективности и справедливости. Напротив, возрастают риски отчуждения граждан от процессов принятия решений, усиления алгоритмической непрозрачности и воспроизводства социального неравенства через цифровые системы. Белл также недооценивал культурные и символические аспекты цифровых коммуникаций, которые в значительной степени формируют идентичности и социальные практики в онлайн-среде.

Общим ограничением обеих концепций является их историческая привязка к контексту второй половины XX века, что затрудняет прямое применение их выводов к таким феноменам, как искусственный интеллект, большие данные и глобальные цифровые платформы. Ни Тоффлер, ни Белл в полной мере не учитывали экологические и этические последствия цифровизации, а также трансформацию приватности и контроля в сетевом обществе. Тем не менее, именно через вы-

явление этих ограничений их теории могут быть продуктивно переосмыслены и адаптированы для анализа современных цифровых трансформаций.

Список литературы

1. Багрова Е. В. (2017), Критический анализ реализации постиндустриализма в современном обществе, *Философская мысль*, № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriticheskiy-analiz-realizatsii-postindustrializma-v-sovremennom-obschestve> (дата обращения: 15.01.2026).

2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2001. 944 с.

3. Ишмаев Г. Ш. (2007) Концепции постиндустриального общества: опыт систематизации. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsii-postindustrialnogo-obschestva-opyt-sistematizatsii> (дата обращения: 15.01.2026).

4. Переслегин А. В. (2015), Философские интерпретации информационного общества: от Белла до Кастельса. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ilosofskie-interpretatsii-informatsionnogo-obschestva-ot-bella-do-kastelsa> (дата обращения: 15.01.2026).

5. Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2004, 261 с.

ЭТИКА ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН

Шавеко Николай Александрович,

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник,
Удмуртский филиал ФГБУН «Института философии и права
УрО РАН», г. Ижевск
e-mail: nickolai_91@inbox.ru

Аннотация. В попытке осмыслить этические аспекты современных пропагандистских войн необходимо ответить на вопрос, насколько к такого рода войнам применимы принципы, выработанные в рамках теории справедливой войны. Специфическим для пропагандистских войн является изначальная нацеленность преимущественно на гражданское население противника, что противоречит принципу дискриминации. Попытки применить указанный принцип к пропагандистским войнам фактически делают любую пропаганду аморальной, одновременно размывая границы между войной и миром. В этих условиях представляется корректным рассматривать пропаганду не в контексте военной этики, а в контексте этики информационных взаимодействий, которую ещё предстоит выработать применительно к реалиям информационного общества. Доминирующие сегодня этические представления не только нормализуют манипулятивные приемы частной рекламы и политической агитации, но и недостаточно критичны к феноменам, разделяющим общество на изолированные части, одновременно игнорируя гражданскую добродетель участия в общенациональных дискуссиях и общественное финансирование средств массовой информации.

Ключевые слова: пропаганда, война, теория справедливой войны, информационная война, военная этика, медиaprостранство, СМИ.

Исследования пропаганды насчитывают более чем столетнюю историю, и берут свое начало от таких классиков, как Бернейс [1], Лассуэлл [4] и другие. Тот же самый исторический период характеризуется и активным применением пропаганды в политической жизни.

Интересно, что XX век также стал веком возвышения, а впоследствии и триумфа демократии. Это не случайно: как только стало ясно, что большими массами народа можно легко управлять

с помощью печати, радио, телевидения, интернета, то у власть имущих попросту отпали причины препятствовать всеобщему избирательному праву.

Таким образом, демократия – это продукт пропаганды.

Но демократия – это ещё и продукт войны [5]. Избирательное право появляется там, где под штык требуется поставить больше людей, чем у твоего противника. Ты получаешь право голоса, но одновременно на тебя накладывается воинская повинность. Ты становишься частью нации, и должен уметь за эту нацию умирать. Пропаганда – неотъемлемый элемент как нациестроительства, так и войны.

Война, конечно же, стимулирует развитие не только социально-гуманитарного знания, которое может быть использовано в целях социальной инженерии, но и естественно-научного и технического знания. Война финансирует научную рациональность: в первую очередь это касается США – безусловных лидеров по военному бюджету и по количеству нобелевских лауреатов.

Так формируется современный мир: демократия неотделима от пропаганды и войны, она – плоть от их плоти, война и пропаганда создают демократию, а также во многом и саму идею нации, национального суверенитета. Война создает современную науку и технику. Она конституирует основы современной жизни.

В западной христианской традиции военной этики выделяют ряд так называемых принципов справедливой войны, при соблюдении которых применение вооруженных сил считается справедливым. Это принципы правого дела (т. е. справедливой причины), соразмерности, необходимости, добрых намерений, разграничения военных и гражданских целей (т. н. принцип дискриминации). Но как эти принципы применять к современным информационным, а если более узко – пропагандистским войнам?

Сегодня такого рода войны стали частью повседневности. Многие работники политически ангажированных медиа – не говоря уже

о тружениках «фабрик троллей» – позиционируют себя не иначе как солдат информационного фронта, оправдывая одностороннее освещение событий, манипуляцию и дезинформацию в своей работе тем, что по ту сторону данного «фронта» используются те же самые методы, которым необходимо эффективно противостоять. Более того, подавляющее большинство «научных» публикаций по теме информационных войн в России нельзя рассматривать иначе как акты самой информационной войны.

Одна из особенностей пропагандистских войн состоит в том, что в них граница между комбатантами и нонкомбатантами не просто сложно определяется, но и в принципе исчезает. Применительно к классическим войнам военная этика говорила о недопустимости поражения гражданских лиц и объектов мирной инфраструктуры. Новый характер войн (т. н. новые войны, войны четвертого поколения) вскрыл проблематику, связанную с бойцами, не являющимися частью регулярной армии, с деятельностью по финансированию и разжиганию войны, а также эксплуатацией и поражением объектов двойного назначения, но всё же при этом сохранялась сама теоретическая возможность разграничения тех, кто участвует в войне, и кто в ней не участвует. Однако в пропагандистской войне человек одновременно является объектом и субъектом атаки: будучи «пораженным» пропагандой, он сознательно совершает действия в интересах одной из сторон конфликта, и причиняет вред другой стороне. Таким образом, прежний принцип разграничения гражданских и военных целей попросту перестает действовать. Любая информационная война ему прямо противоречит.

В какой-то мере это объяснимо. Ведь убеждение человека в чем-либо само по себе не является причинением ему вреда. Разбомбить школу или больницу – это одно, а совсем другое – заставить человека принять определенные ценности или определенный нарратив, который на первый взгляд не хуже и не лучше других. В последнем случае часто считается, что человеку, принявшему те или иные ценности или точки зрения, не причиняется вреда. А значит, само по себе такое воздействие не следует приравнивать к вооруженным атакам. По крайней

мере, в условиях постмодернистского мировоззрения, ставящего под сомнение устоявшиеся ценности, и в условиях постправды, когда невозможно обосновать истинность тех или иных точек зрения, становится довольно сложно аргументировать порочность практик информационной войны: вы просто ничего не сможете доказать. В этом смысле информационная война (пропаганда) если не легитимирует сама себя, то, по крайней мере, делает невозможным свое осуждение.

Тем не менее, нельзя забывать очевидных вещей. То, что люди говорят о своих интересах, далеко не всегда совпадает с их реальными интересами. Ещё Лассуэлл [3] показал, что базовое предположение, будто люди действуют в собственных интересах, ошибочно: они могут поддерживать и поддерживают политику, подрывающую то, что является самым важным для них. Из этого я делаю вывод, что в той мере, в которой «промывка мозгов» всё-таки причиняет вред, она должна восприниматься как морально недопустимое насилие.

Применительно к пропагандистским войнам на смену теории справедливой войны, как представляется, должна прийти теория справедливых, то есть морально допустимых, информационных взаимодействий. Точно так же, как в обыденной жизни физическое насилие, как правило, считается неприемлемым, но в исключительных случаях допустимо, например во время самообороны, задержания преступника или на соревнованиях по боевым искусствам, точно так же и целенаправленное информационное воздействие должно в целом восприниматься как покушение на личную неприкосновенность, и лишь в определенных случаях – как допустимая практика. Мы осуждаем того, кто толкает нас в очереди или в общественном транспорте. Но мы почему-то лояльно относимся к рекламе, хотя это такое же вмешательство в нашу жизнь, как и физическое воздействие. Реклама по преимуществу есть сообщение нам информации, которую мы не запрашивали, с целью заставить нас подчиниться чужой воле. Чем не психологическое насилие? Ведь даже когда мы хотим обратиться к прохожему на улице, мы говорим сначала «извините», то есть признаем, что совершаем вмешательство, которое может быть воспринято негативно. Но вот рекламщики почему-то не извиняются перед нами.

Когда информационное воздействие должно быть оправданно? Думается, оно должно предполагаться оправданным по отношению к детям, поскольку представляет собой основу воспитания и обучения, становления личности. Но только в той мере, в какой оно имеет в своей основе очевидный интерес самих детей и воспроизводство взаимовыгодных, справедливых социальных связей. Та же реклама, ориентированная на детей – это нонсенс. Маленького человека, который, как считается, ещё не способен делать сознательный выбор, подталкивают сделать выбор, выгодный создателю этой рекламы как частному лицу. Хотя все прекрасно понимают, что даже взрослый дееспособный человек «клюет» на рекламу, поступая при этом нерационально. Поэтому частная реклама, нацеленная на детей – это мошенничество в чистом виде. Но, почему-то, легализованное.

Что касается информационного воздействия на взрослых, то тут всё сложнее. Традиционно в литературе пытаются различать пиар и пропаганду, пропаганду и манипуляцию. В качестве морально значимых факторов фигурируют (1) намерения субъекта, распространяющего информацию, (2) соответствие данной информации действительности, (3) апелляция к логике или использование когнитивных искажений. Но проблема в том, что в современных условиях довольно сложно установить, каковы намерения распространителя информации, и является ли данная информация истинной. По крайней мере, такая проверка занимает время. Пропаганда же зачастую делает свое дело ещё до всякой проверки, поэтому смысл в данной проверке уже утрачивается. В свою очередь когнитивные искажения – это вообще наше эволюционное преимущество, без которого мы не сможем жить. Вот почему речь в новой этике должна идти о допустимости информационных взаимодействий как таковых: цели передачи информации, ее содержание и используемые механизмы убеждения тоже важны, но лишь во вторую очередь.

Конечно, надо понимать, что в целом мы сами рады подвергнуться влиянию той или иной предвзятой информации. Алгоритмы Youtube существуют на просто так: они пытаются угадать наши желания. Мы сами создаем себе эхо-камеры и информационные пузыри.

Мы сами обманываем себя, веря в то, во что нам хочется верить. На мой взгляд, регулирование информационного взаимодействия должно означать существование некоторого общего для всех публичного пространства. Не все должно сводиться к нашим желаниям, поэтому алгоритмы должны иметь свои границы. Это болезненный вопрос, потому что те компании, которые вложили огромные деньги в разработку своих алгоритмов, хотят получать от этого прибыль. И, конечно, они не хотят раскрывать все подробности работы этих алгоритмов, ведь в таком случае их смогут скопировать другие. И всё же тут надо искать какие-то выходы, не ставя частный интерес во главу угла.

Невозможно жить в большом обществе, и замыкаться при этом в своём маленьком мирке. Раньше считалось, что это возможно, и даже желательно: пусть каждый живет своей жизнью! Но в своих радикальных проявлениях такой подход размывает социальные связи, и приводит к тому, что большого общества уже не существует: оно расколото, неспособно к коллективному действию. Это создает угрозы для демократии, потому что политики только и рады действовать по принципу «разделяй и властвуй!», и когда общество расколото, очень легко подавить отдельные силы по одиночке. Здесь уместно привести известную цитату пастора Нимёллера: «Когда нацисты пришли за коммунистами, я молчал, я же не коммунист. Потом они пришли за социал-демократами, я молчал, я же не социал-демократ. Потом они пришли за профсоюзными деятелями, я молчал, я же не член профсоюза. Потом они пришли за евреями, я молчал, я же не еврей. А потом они пришли за мной, и уже не было никого, кто бы мог выступить против этого» [2, с. 422].

Но, с другой стороны, и чрезмерно единое общество – также путь к авторитаризму. Вот почему речь должна идти о едином публичном пространстве, в котором дискуссии разворачиваются по определенным правилам, а не об официальной идеологии, национальной идее, скрепах, традиционных ценностях и т. п. Точно так же, как в период предвыборной кампании каждому кандидату дают равное эфирное

время, в этом публичном пространстве должны быть примерно в равной степени представлены все социальные группы. Оно, конечно же, должно быть защищено от ботов и троллей.

Кроме того, определенную роль могла мы сыграть политика маркировки. Уже сейчас, когда мы видим нативную рекламу, мы видим также и пометку о том, что это реклама. Здесь же можно привести в пример «плашки» иностранных агентов. Политика маркировки должна стать привычной практикой, но! – что очень важно – не репрессивной. То есть, если ты обязан ставить «плашку» – то всё, больше никаких ограничений быть не должно. Современное законодательство об иностранных агентах явно репрессивно, так как иностранными агентами сейчас можно признавать даже тех, кто не получает никакого иностранного финансирования, и на иностранных агентов налагается куча ограничений, в том числе им нельзя участвовать в выборах, преподавать и т. д. Всё это не имеет оправданий.

И вот эта новая этика информационного взаимодействия, включая ограничения на работу алгоритмов, эхо-камеры и информационные пузыри, ограничения на частную рекламу, включая также организацию репрезентативных публичных пространств, включая также маркировку сообщений (не только любой рекламы и сообщений иностранных агентов, но также и, возможно, раскрытие информации об источниках финансирования любой социальной рекламы, маркировка сообщений, финансируемых государством и т. д.), должна разрешить моральные дилеммы пропагандистских войн. В свою очередь теория справедливой войны здесь не вполне применима. Грубо говоря, если какое-то информационное воздействие на граждан недопустимо, так оно недопустимо всегда, в т. ч. в информационной войне. А если оно допустимо, то допустимо всегда. И тогда нам уже не нужно задаваться вопросами о том, что считать информационной войной, что считать пропагандой и т. д.

Думаю, мы должны исходить из личной неприкосновенности, с одной стороны (и отсюда право на забвение, право на защиту персональных данных, права, связанные с цифровыми следами, и более

того – право на защиту от информационных атак!), и развитием публичных пространств, с другой стороны. Это вынуждает нас искать новые формы соотношений публичного и частного, пересматривая теорию прав человека.

Список литературы

1. Бернейс Э. М.: Hippo Publishing, 2010. 176 с.
2. Бровка Л. Н. Церковь и Третий рейх. СПб., 2009. С. 422.
3. Лассуэлл Г. Д. Психопатология и политика. М.: Издательство РАГС, 2005. 352 с.
4. Лассуэлл Г. Д. Техника пропаганды в мировой войне. М.: ИНИОН РАН, 2021. 237 с.
5. Фишман Л. Г. Происхождение демократии («Бог» из военной машины). Екатеринбург: РИО УрО РАН, 2011. 258 с.

**ПРАВО НА ЗАБВЕНИЕ И СЕМАНТИЧЕСКОЕ
ОТКРЫТИЕ БУДУЩЕГО**

Бирюков Егор Сергеевич,
ассистент кафедры философии науки и социальной работы,
Казанский национальный исследовательский
технологический университет,
магистрант 1-го года обучения кафедры общей философии,
отделение философии и религиоведения,
Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций.
ФГАО ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
г. Казань
e-mail: suseka329@gmail.com

Научный руководитель:

Токранов Александр Владимирович,
кандидат философских наук, доцент,
кафедра религиоведения, отделение философии и религиоведения
Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций,
ФГАО ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
г. Казань

Исламова Рената Рамилевна,
магистрант 1-го года обучения кафедры общей философии,
отделение философии и религиоведения,
Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций.
ФГАО ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
г. Казань
e-mail: cakeprs@gmail.com

Научный руководитель:

Сайкина Гузель Кабировна,
доктор философских наук,
профессор кафедры общей философии,
отделение философии и религиоведения,
Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций,
ФГАО ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Аннотация. Исследование посвящено философско-семиотическим основаниям права на забвение (RtBF), проблематизируя ключевой для его применения критерий актуальности информации. Цифровой след анализируется через концепцию индексальности Ч. С. Пирса. Статичная природа индекса представлена как противоположная пластичной, нарративной сущности человеческой памяти. Критикуя традиционные обоснования, работа обращается к концепции агентной уверенности, как основе для защиты права. Право на забвение интерпретируется не как простое удаление данных, а как семиотический инструмент, прерывающий индексальную связь для динамического переосмысления прошлого и конструирования открытой идентичности.

Ключевые слова: право на забвение, цифровой след, семиотика, актуальность информации, нарративная идентичность.

Введение

Право на забвение (Right to Be Forgotten, RtBF) – практика удаления личной информации из сети или, что чаще встречается, ее деиндексации путем удаления ссылок из выдачи в поисковых системах. Данное право применяется для защиты личных интересов, из-за чего рассматривается в противовес праву на свободу информации, т. е. праву на забвение проблематично в тех случаях, когда регулирует доступ к информации, представляющей общественный интерес

Обязательства по контролю за выполнением данного права накладываются на сами поисковые системы. В Российской Федерации данная практика регулируется на законодательном уровне и распространяется на информацию о физических лицах, являющуюся «недостоверной, а также неактуальной, утратившей значение для заявителя в силу последующих событий или действий заявителя, за исключением информации о событиях, содержащих признаки уголовно наказуемых деяний, сроки привлечения к уголовной ответственности по которым не истекли, и информации о совершении гражданином преступления, по которому не снята или не погашена судимость».

Таким образом, актуальность, по-видимому, является ключевым критерием для реализации права на забвение. Однако сама эта кате-

гория – актуальность информации – оказывается центральной проблемой, требующей не столько юридической, сколько семиотической и философской рефлексии.

Проблема актуальности информации

Прежде всего, обратимся к предмету рассмотрения – самой информации о человеке, представляющей собой его цифровой след. В дискуссиях о праве на забвение часто имплицитно присутствует понимание цифрового следа как совокупности данных, репрезентирующих личность через фактическую, каузальную связь, и доказывающих прошлые действия личности, или события, связанные с ней. Это соотносится прежде всего с понятием «активного цифрового следа», т. е. того, который формируется самим пользователем. Сторонники RtBF считают, что цифровой след представляет угрозу для текущей идентичности, поскольку он постоянно отсылает к ее фиксированной, и зачастую устаревшей версии.

Такое понимание цифрового следа схоже с понятием индекса в трактовке Чарльза Сандерса Пирса. В его трихотомии икона (знак на основе сходства), индекс (знак на основе связи) и символ (знак по конвенции) являются тремя фундаментальными способами, которыми знак может репрезентировать свой объект. Получается, будто части цифрового следа – будь то ссылка в поисковой выдаче, фотография или фрагмент судебной хроники являются знаками, которые через причинно-следственную или контекстуальную связь указывают на личность в прошлом. Тогда проблема устаревания информации могла бы быть решена не путем удаления или деиндексации, но посредством контекстуализации данных. Например, на архивированной странице сайта перед основной информацией мог бы появляться сгенерированный ИИ дисклеймер, приносящий необходимый контекст.

Однако, согласно самому Пирсу, природа индекса более сложна и включает динамическое взаимодействие. Приведем фрагмент: «индексальный знак это знак или репрезентация, отсылающая к своему объекту... в силу существования динамической (включая пространственную) связи с индивидуальным объектом, с одной стороны, и с чувственностью или памятью того, кому он служит знаком, – с другой».

Таким образом, индекс – это не просто статичная метка, но элемент в процессе семиозиса – триадического взаимодействия знака, его объекта и интерпретанты (смысла, возникающего в сознании интерпретатора). Цифровой след, застывая в виде перманентной записи в архиве, искусственно обрывает эту динамику. Он превращает часть живого потока памяти в жесткий, легко доступный указатель, который продолжает отсылать к человеку в устаревшей социальной роли.

Это редукционистское понимание следа как чистого индекса вступает в фундаментальное противоречие с антропологической природой человеческой памяти. Память – как индивидуальная, так и коллективная – не является хранилищем неизменных индексов. Она по своей природе нарративна, пластична и постоянно пересматривается. Ярко это противоречие выражено в концепции французского историка Пьера Нора о местах памяти. Нора противопоставляет память, которая «укоренена в конкретном, в пространстве, жесте, образе и объекте», и историю (а также оцифрованный архив), которая абстрагируется и оперирует «временными протяженностями». Цифровой след, с этой точки зрения, принадлежит к сфере истории – он застывшая абстракция, изъятая из конкретного, живого контекста памяти.

Как и исторический документ в архиве, информация в поисковике или соцсети кристаллизуется. Новостная заметка 10-летней давности о мелком проступке не эволюционирует вместе с человеком, оставаясь статичным индексом, который всегда указывает на него в устаревшем контексте. История абстрагируется от живого опыта, и аналогично этому, цифровой след изымается из первоначального контекста и превращается в автономный объект, который могут интерпретировать кто угодно и как угодно.

Обоснования права на забвение

Традиционные обоснования RtBF, такие как защита достоинства или информационная автономия, имеют существенные недостатки. Репутационный подход, фокусирующийся на контроле над тем, как другие воспринимают человека (приватность как точность образа), оказывается уязвимым для возражения: автономия личности, её внутренние убеждения и самоопределение не должны логически зависеть

от мнения окружающих. Человек может оставаться приверженным некоторым взглядам, даже если цифровой след заставляет других думать иначе. Более того, теория информационной автономии не объясняет, почему право должно ограничиваться именно цифровой средой, и требует сложной оценки того, какие препятствия для самоопределения являются неоправданными, что плохо согласуется с юридической практикой.

Более точным кажется проведение связи с правом на приватность – правом на существование социальной практики, которая позволяет агенту думать о его существовании в терминах принадлежности ему самому. Но право на приватность, в отличие от права на забвения, касается необнародованной информации.

Здесь на первый план выходит концепция «агентной уверенности» (Agentive Confidence), предложенная Лоури Прессли (Lowry Pressly), которая становится ключом к философскому обоснованию RtBF. Агентная уверенность – не просто психологическое состояние, а фундаментальная, социально обусловленная установка, необходимая для способности людей действовать, творя собственную жизнь. Данная концепция состоит из двух компонентов:

1. ощущение способности контролировать собственную жизнь;
2. вера в то, что усилия по контролю над собственной жизнью не напрасны.

И все же, кажется, что подобное обоснование что-то упускает. Например, в статье Скотта Каслтона (Scott Casleton), структурно и идейно близкой к статье Прессли, агентная уверенность рассматривается в качестве ответа на утверждение о том, что право на забвение противоречит свободе слова.

Но и этого недостаточно – зная о возможности сокрытия кем-то информации о себе, другие люди могут потерять основания к тому, чтобы доверять друг другу. Тогда контекстуализация информации, упоминавшаяся нами ранее, стала бы не просто возможной, но необходимой, теперь – для сохранения доверия в публичной сфере. Мы намеренно не будем касаться вопроса о реализуемости такой контек-

стуализации, поскольку в этом случае перед нами встает вопрос взвешивания ценностей: что важнее – доверие или прощение? Так, в связи с RtBF Антипов и Трусов подметили идею Поля Рикёра о том, что забвение позволяет обновить нарративную идентичность, или, переформулируя эту мысль, не воспринимать актуальную идентичность через отношение тождества с неактуальной идентичностью.

Следовательно, RtBF – это не просто механизм удаления данных или ослабления индексной связи. Данное право создает операциональную возможность «забвения» в пирсовском ключе: не стирания прошлого, а прерывания патологической, навязанной цепочки знаковости, чтобы дать возможность родиться новым интерпретантам. Это необходимое условие для того, чтобы прошлое могло быть не просто архивировано, а переосмыслено и прощено, превратив биографию из архива застывших индексов в живой, открытый проект.

Список литературы

1. Casleton Scott. (2024) Privacy and Assurance: On the Right to be Forgotten. *Political Philosophy* 1(1):212–235.

2. Nissenbaum Helen. (2004) Privacy as contextual integrity. *Washington Law Review*, 79:119–58.

3. Pressly Lowry (2024). The Right to Be Forgotten and the Value of an Open Future. *Ethics* 135(1):65–87.

4. Антипов А. В., Трусов Ю. А. Право на забвение: этико-политические аспекты // *Философский журнал*. 2023. № 3. С. 163–177.

5. Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж. де, Винок М. Франция – память. СПб., Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999.

6. О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и ст. 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 13.07.2015 № 264-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182637/ (дата обращения: 10.01.2026).

7. Пирс Ч. С. Начала прагматизма / пер. с англ. В. В. Кирюченко и М. В. Колопотина. СПб.: лаб. метафиз. исслед. при филос. фак. СПбГУ; Алетейя, 2000. 316 с.

ТОЧКА СОВПАДЕНИЯ ЕСТЕСТВЕННОЙ И ЦИФРОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Владимиров Дмитрий Сергеевич,

ассистент, аспирант кафедры философии и гуманитарных дисциплин
института истории и социологии,

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

г. Ижевск

e-mail: d.vladimirov_udsu@mail.ru

Научный руководитель:

Полякова Наталья Борисовна

кандидат философских наук, доцент,

заведующая кафедрой философии

и гуманитарных дисциплин института истории и социологии,

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,

г. Ижевск

Аннотация. В статье анализируется современный смысл концепта коммуникации. Этот смысл репрезентируется в двух состояниях: естественном и цифровом. Различие этих видов общения ведет к их противопоставлению. Цель настоящего исследования – найти точку тождества между естественной и цифровой коммуникацией и задать тем самым целостность рассматриваемого концепта. Концептуальное единство обнаруживается посредством метода субъект-объектного тождества (О. Н. Бушмакина). Естественное взаимодействие понимается как избыток объективности, а цифровое – как недостаток субъективности. Оба состояния становятся равновесными величинами в точке языковой идентичности.

Ключевые слова: коммуникация, естественное, цифровое, язык, смысл, означающее.

Цифровое проникает практически во всё человеческое. Распространяющаяся оцифровка может быть понята как элиминация живой сути межличностного взаимодействия. При таком подходе естественная и цифровая коммуникация противопоставляются. Между ними проводится жесткая линия, содержащая в себе выбор или/или. Человечество либо продолжает собственную цифровизацию и, как

следствие, теряет человечность, либо строго регламентирует цифровое взаимодействие и, возможно, полностью от него отказывается, чтобы вернуть человеку его внутреннюю суть. Это противоположение не позволяет схватить целостность коммуникации. Если существует один вид общения, то другой обязательно исчезает.

Цель настоящего исследования – задать точку связности естественной и цифровой коммуникации. Через эту точку и то, и другое взаимодействие должны концептуально схватываться. При этом, однако, не теряется отличие одного от другого.

«Общение, – замечает В. В. Биbihин, – существует, поскольку есть что сообщить» [1, с. 20]. Сообщение, невидимо присутствуя в мышлении одного субъекта, желает реализоваться в речи, обращенной к другому субъекту. Возникает интерсубъективное пространство. Оно наполнено «виртуальными объектами, которые продуцируются <...> взаимодействием человека с другими людьми в коммуникации» [3, с. 336–337]. В связи с этим Л. А. Микешина указывает на виртуальность традиционной теории познания, основанной на оппозиции субъекта и объекта. Это противопоставление продолжительное время гипостазировалось учеными. «Все, что выходило за пределы этой оппозиции или относилось к сфере до субъектно-объектного различения, рассматривалось как иррациональное, выпадающее из предметного поля теории познания, вообще из рациональной философии» [там же, с. 337]. Поток мышления останавливается в точке, где объект полагается противостоящим субъекту. Из этой точки мир задается целиком. Он рассматривается в данном случае как научная картина мира. Однако те смыслы, которые обнаруживают другие способы познания, предаются забвению, поскольку не могут вписаться в эту субъект-объектную схему. Мир отождествляется со своей частью и перестает быть множественным.

Эта часть как виртуальный объект наполняется субъективным содержанием, и только так мир предстает перед самим собой в целостности. Но, не получив определение в точке сопротивления, мир и сам субъект оказываются неразличимыми. Субъективный поток обнаруживает себя только в объективной определенности. Что-то

может стать заметным в том случае, когда это «что-то» отличается от другого «нечто». Это различие (*différance*) вносит язык. По М. Хайдеггеру, он есть «разбиение (*Aufriß*) мира в том смысле, в каком мы говорим о разбивке сада» [1, с. 94]. Разбивка сада – это метафора всякого культурного произведения. Человек живет не в дикой природе, а в саду как культурном пространстве. Культура виртуально присутствует в интерсубъективном взаимодействии. Виртуальность конституирована знаками и символами. Значит, как замечает В. В. Библихин, «язык как среда человека есть мир» [там же, с. 21].

Несмотря на это, человек не выворачивается полностью в язык. Внутри присутствует то, что хочется сообщить, а именно: смысл. Он, замечает Ж. Делез, «всегда предполагается, как только я начинаю говорить <...> Иными словами, говоря нечто, я в то же время никогда не проговариваю смысл того, о чем идет речь» [2, с. 44]. Смысл задан. Он предшествует всякой чувственной и/или символической данности. В чувственности смысла нет по определению. Мыслимое не содержится в раздражениях, которые регистрируют органы чувств. Поиск смысла в объективно представленных знаках и символах приводит к дурной бесконечности. Смысл одного предложения содержится в другом предложении; значение второго выражается в третьем и т. д. Означаемое не может быть полностью высказано. Оно исходит из неопределенности субъективного потока, который по своей сути не может полностью объективироваться (Ф. В. Й. Шеллинг).

Коммуникация, следовательно, протекает в пространстве языка. Будучи различной целостностью, язык позволяет субъекту «предъявить себя Другому. Субъективное сообщение объективируется в означающих, принимая определенную форму. Оформленное сообщение «предстает» перед слушающим, становится для него доступным. Но поток субъективности не останавливается. Сказанного оказывается недостаточно. Означаемое содержит в себе безграничный смысл. Именно язык, будучи точкой совпадения означаемого и означающего, характеризует естественную и цифровую коммуникацию. Вместе с тем в том и другом общении язык являет себя различным образом.

Согласно Н. Б. Поляковой, можно «говорить о наличии цифровой социальности, характеризующейся специфическими темпоральными и топографическими структурами» [4, с. 145]. Цифровое время есть вечное настоящее. Прошлое и будущее отсутствуют. «Все присутствует в виде кода сразу» [там же, с. 143]. Закодированность цифрового есть его пространство. «Эти программные коды и есть места, то есть те границы, внутри которых происходит функционирование информационной, внутрикомпьютерной реальности» [там же].

Цифровое, рассматриваемое как язык, есть чистое означающее. Один сайт содержит гиперссылку на другой. Эта сеть взаимосвязей, взятая сама по себе, бессмысленна, так как в ней нет субъекта. Поток означаемого не течет.

Смысл возвращается, когда из цифровой представленности коммуникации переходит в естественную текучесть. Будучи еще неразличным, содержание внутреннего смысла неопределенно. Оно может быть выражено в словах как одного языка, так и другого. Субъект, владеющий несколькими дискурсами, уникальным образом их комбинирует, когда высказывает в речи находящееся внутри него сообщение. Отпечатавшись в цифровом, эта речь включается в опространствованные взаимосвязи гиперссылок. Язык снова оказывается в объективированном состоянии.

Таким образом, естественная и цифровая коммуникация совпадают в языке. В естественном общении язык являет себя субъективно. Внутренний смысл выражается в творческом акте комбинирования различных языков. Безграничная наполненность определяется в конкретном речевом акте. Смысл нуждается в знаках и символах, существующих на материальном носителе. Одним из таких носителей является цифровое пространство. В цифровом взаимодействии язык предстает в объективном состоянии. Означающие ссылаются друг на друга, образуя взаимосвязь гиперссылок. Язык образует здесь квазисамодостаточное пространство. Без субъекта это пространство перестает быть средой общения. Нет того, кому есть что сообщить. Бессмысленные означающие распадаются, поскольку отсутствует текучесть озна-

чающего, которая их связывала. Коммуникация оказывается полноценной в том случае, когда она самоопределяется как в качественном аспекте, так и в количественном. Несмотря на завершенность сообщения, речь продолжается. Выраженная целостность смысла дополняется.

Список литературы

1. Бибихин В. В. Язык философии. М.: Языки славянской культуры, 2002. 416 с.
2. Делез Ж. Логика смысла / пер. с фр. Я. И. Свирского. М.: Академический Проект, 2011. 472 с.
3. Микешина Л. А. Синтез когнитивных практик // Полякова Н. Б., Шамшуриной А. А. Философия: учеб.-метод. пособие для студентов-бакалавров УдГУ. Ижевск: Удмуртский университет, 2023. С. 336–355.
4. Полякова Н. Б. Закономерности цифровой реальности // Философские контексты: неопределенность современности и социальные онтологии. ФИКОС-2024 : Сборник статей III Всероссийской научной конференции с международным участием, Ижевск, 01–02 марта 2024 года. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2024. С. 141–145.

**ЦИФРОВОЕ УЧЕНИЧЕСТВО В ТРАДИЦИОННЫХ РЕМЕСЛАХ
КАК ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОГО БЫТИЯ
В ЭПОХУ НЕОТРАДИЦИОНАЛИЗМА**

Забелина Екатерина Николаевна,
аспирант кафедры всеобщей истории,
ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»,
г. Москва
e-mail: inrussianfield@yandex.ru

Научный руководитель:

Анна Валерьевна Белова,

доктор исторических наук, профессор,
заведующая кафедрой всеобщей истории,
ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»;

ведущий научный сотрудник

Центра гендерных исследований ФГБУН «Институт этнологии
и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН».

г. Тверь

Аннотация. Статья рассматривает феномен цифрового ученичества в традиционных ремеслах на примере школ золотного шитья как симптоматичное проявление трансформации социального бытия в условиях цифровой цивилизации. Через философско-антропологическую оптику анализируется парадоксальный синтез архаичной телесной практики и цифровой среды. Доказывается, что цифровизация порождает не замену, а сложную гибридную онтологию ремесла, в которой переплетаются проблемы трансляции неявного знания, конституирования новых типов сообществ и поиска аутентичности в эпоху «текущей современности». Ремесленная практика предстает как «точка сборки» для нового социального бытия, отвечающего на экзистенциальные вызовы цифровой эпохи через неотрадиционализм и перформативное потребление. Таким образом, цифровое ученичество предстает не как упадок традиции, а как ее адаптивная и жизнеспособная форма в новых условиях. Это симптом и одновременно лаборатория формирования гибридного модуса социального бытия, в котором человек цифровой эпохи пытается обрести целост-

ность, соединяя наследие материальной культуры с инструментарием цивилизации данных. Ремесло, пройдя через цифровой фильтр, возвращается не как архаичный пережиток, а как осмысленная практика сопротивления тотальной дематериализации, акт утверждения человеческой телесности и создающей субъективности в мире алгоритмов.

Ключевые слова: цифровое ученичество, социальное бытие, тактильное знание, неотрадиционализм, гибридная онтология, сообщества практики, золотное шитье.

Введение: парадокс цифрового архаизма

Возрождение интереса к древнейшим, требующим высочайшего телесного навыка ремеслам – таким как золотное шитье – в наиболее дематериализованной среде цифрового пространства представляет собой культурный и философский парадокс. Этот феномен выходит за рамки частного случая «хобби» и становится релевантным кейсом для осмысления фундаментальных трансформаций социального бытия. Если социальное бытие понимать как способ со-присутствия и взаимодействия людей в мире через разделяемые практики, то ремесло, исторически укорененное в локальности, иерархическом ученичестве и непосредственной работе с материей, оказывается в эпицентре цифрового переформатирования. Философская проблема заключается в вопросе: как меняются онтологические основания практики – отношения к телу, материалу, времени, Другому – при ее переходе в цифровой контекст? Цель статьи – проанализировать феномен цифрового ученичества как форму гибридного социального бытия, используя в качестве иллюстративного материала историю и современность школ золотного шитья.

Теоретическая рамка: между тактильным знанием и ризомой

Осмысление данного кейса требует синтеза нескольких философских перспектив. Во-первых, это концепция неявного, или тактильного, знания (*tacit knowledge*) Майкла Полани, составляющего ядро любого ремесла. Это знание, которое «мы знаем больше, чем можем

рассказать»: мышечная память, ощущение натяжения нити, интуитивное понимание материала. Его передача традиционно требовала длительного совместного присутствия «мастера» и «ученика». Цифровая среда по определению оперирует эксплицированной, кодифицированной информацией, что ставит под вопрос саму возможность трансляции тактильного знания.

Во-вторых, это феноменологический взгляд на телесность (М. Мерло-Понти). Ремесло есть воплощенная практика, «бытие-в-мире» через руки и материал. Цифровое же ученичество изначально «развоплощено»: оно начинается с восприятия пиксельного изображения на экране. Однако этот разрыв порождает не отказ от тела, а новую конфигурацию – «цифровую телесность», где тело ученицы учится, следуя алгоритму, прерывая и повторяя запись, конструируя свой физический опыт через цифровую инструкцию.

В-третьих, для анализа социальной структуры сообществ ключевыми становятся понятия «сообществ практики» (Э. Венгер) и «ризомы» (Ж. Делез, Ф. Гваттари). Историческое ремесленное сообщество (артель, цех) было иерархично и территориально привязано. Цифровое сообщество учеников онлайн-школы структурировано как ризома – нелинейная, гетерогенная, самоорганизующаяся сеть. Фигура мастера трансформируется в «инфлюенсера-хранителя», чей авторитет основан не только на навыке, но и на медийной способности его репрезентировать.

Наконец, сам мотив обращения к традиционному ремеслу в XXI веке осмысливается через концепции неотрадиционализма (Э. Хобсбаум) и «текучей современности» (З. Бауман). В мире тотальной изменчивости и симулякров (Ж. Бодрийяр) практика, претендующая на аутентичность и связь с прошлым, становится формой экзистенциального якорения, ответом на запрос в устойчивых смыслах и подлинном сообществе.

Трансформация онтологии практики: три измерения

Анализ эволюции золотного шитья от земских мастерских и артели им. 8 Марта в Торжке или кооператива «Эски-Орнек» в Крыму

к современным онлайн-школам («Мастерская Древо», «Про Традицию», школы А. Липиной) позволяет выявить сдвиги в трех измерениях социального бытия ремесла.

Онтология времени и пространства. Историческая практика существовала в локальном времени (ритм жизни общины, артели) и была жестко привязана к месту (Тверская губерния, Крым). Цифровое ученичество существует в асинхронном времени (запись урока можно просмотреть в любой момент, поставить на паузу, ускорить) и в гибридном пространстве: физическое рабочее место (дом, студия) пользователя накладывается на глобальное цифровое пространство платформы, стирая географические границы. Мастер из Торжка может учить ученицу из Владивостока, реконструирующую крымско-татарский орнамент.

Онтология социальной связи. Традиционная модель – это иерархия «мастер – подмастерье – ученик» в рамках локальной корпорации. Цифровая модель – это сетевая ризоматическая структура. Ученики связаны горизонтальными связями в чатах и социальных сетях, а мастер выступает одним из узлов сети, часто менее доступным для прямого контакта, но ключевым как генератор контента и смысла. Сообщество становится «воображаемым» (Б. Андерсон), но от этого не менее действенным.

Онтология самого знания и предмета. Ремесленный навык был неотчуждаем от личности мастера, а предмет – уникален и материален. В цифровую эпоху практика расщепляется: ее информационная, алгоритмическая часть («как делать») становится дематериализованным товаром (онлайн-курс), который тиражируется. Материальная реализация остается за учеником, работающим с физическими материалами. Сам процесс обучения часто приобретает черты перформативного потребления – демонстрации процесса и результата в соцсетях становится важной частью практики, подтверждающей принадлежность к сообществу и статус «посвященной».

Цифровое ученичество и новые квазицеховые практики

Важнейшим аспектом трансформации социального бытия является возникновение в цифровой среде квазицеховых практик, которые функционально замещают социальные ритуалы и институты исторических ремесленных сообществ. Если в средневековом цехе или советской артели социализация, контроль качества и признание мастерства происходили в рамках физического совместного пространства через ритуалы посвящения, оценку шедевра и коллективное обсуждение, то в онлайн-среде эти функции переносятся в плоскость цифровой видимости и коммуникации.

Демонстрация процесса в социальных сетях выполняет несколько ключевых функций:

Легитимация обучения: Публичная фиксация этапов работы (на учебной платформе или в сообществах) служит цифровым аналогом отчетности перед мастером, но адресована уже более широкому, вообразимому сообществу. Это создает внешнюю дисциплину и нарратив личного прогресса.

Цифровой «смотр» и получение обратной связи: Выложенная фотография незавершенной работы с хештегами #золотноешитье_учусь или #мыкълама активизирует сеть «коллег». Комментарии и советы от других учениц и даже мастериц-инфлюенсеров заменяют традиционную коррекцию «через плечо». Так формируется распределенный педагогический авторитет.

Конструирование ремесленной идентичности: Аккаунт, посвященный процессу вышивки, становится цифровой витриной, «цеховым знаком» современной мастерицы. Хештеги выполняют роль цифровых гербов, указывая на принадлежность к определенной школе или стилю, что напрямую отсылает к цеховой идентичности прошлого, но в глобальном масштабе.

Таким образом, социальные сети становятся публичной мастерской (open studio) цифровой эпохи, где не только продается результат, но и перформативно проживается и демонстрируется сам процесс ученичества, создавая новую форму ремесленной публичности.

«Шедевр» как финальный акт цифрового посвящения

Глубоко символично, что структура многих платных онлайн-курсов по золотному шитью воспроизводит логику средневекового ученичества, кульминирующую в создании «шедевра» (masterpiece) – самостоятельной, сложной работы, доказывающей право на статус мастера. Если в историческом цехе «шедевр» оценивала гильдия для допуска к самостоятельной практике, то в цифровой модели «шедевр» становится финальным проектом курса.

Этот проект (например, вышитые золотными нитями варежки или традиционный головной убор) выполняет схожие функции.

Интеграция навыков: Он требует применения всех изученных на курсе техник (шитье по карте, по настилу, в прикреп).

Акт автономии: Работа выполняется самостоятельно, хотя и по предоставленному, но сложному дизайну.

Доказательство состоятельности: Завершенный проект является материальным и визуальным свидетельством успешного прохождения курса, его финальным «трофеем».

Маркер статуса: Публикация этого «шедевра» в соцсетях и/или отправка фотографии мастеру для получения сертификата – это современный ритуал перехода из статуса «ученицы» в статус «мастерицы, выполнившей серьезный проект». Это не дает прав гильдии, но дает символический капитал внутри сообщества: признание, новые подписчики, запросы на заказы, возможность продолжить обучение на более высоком уровне или возможность начать самостоятельно преподавать на начальном.

Ориентация учебных программ на создание подобного завершенного, сложного продукта отражает архетипическую потребность в инициации и завершенном цикле деятельности. В мире «гиг-экономики» и фрагментированного цифрового труда создание цельного, материального, эстетически значимого объекта становится мощным актом экзистенциального самоутверждения. Ремесленник в цифровую эпоху учится не для абстрактного «развития», а для того, чтобы совершить акт творения по канону, тем самым приобщаясь к сакрализованной непрерывности традиции.

Заключение: гибридное бытие как новая нормативность

Феномен цифрового ученичества в традиционных ремеслах демонстрирует, что трансформация социального бытия в цифровых контекстах не является простым замещением «аналогового» «цифровым». Она порождает сложную гибридную онтологию, в которой сплетаются, казалось бы, несовместимые элементы: тактильное и виртуальное, локальная традиция и глобальная сеть, иерархический авторитет и сетевая демократия, приватный труд и перформативная публичность.

Практики, возрождаемые через онлайн-школы, становятся мощными «точками сборки» для нового типа социальности. Они отвечают на глубинные запросы цифровой эпохи: в подлинном телесном опыте, в чувстве принадлежности к избранному, элитарному сообществу, структурированному вокруг квазицеховых ритуалов; в конструировании идентичности через овладение редким навыком и публичную демонстрацию прогресса; в завершенном цикле творения, воплощенном в современном «шедевре» как акте личной инициации.

Таким образом, цифровое ученичество предстает не как упадок традиции, а как ее адаптивная и жизнеспособная форма в новых условиях.

Список литературы

1. Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
2. Бекирова З. Крымскотатарская вышивка: Альбом. Симферополь: Крымучпедгиз, 2002. 120 с.
3. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М.: ПОСТУМ, 2015. 240 с.
4. Венгер Э. Сообщества практики: обучение, смысл и идентичность. М.: Институт образования НИУ ВШЭ, 2018. 174 с.
5. Давыдова С. А. О некоторых кустарных промыслах Европейской России. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1891. 89 с.
6. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. М.: Астрель, 2010. 895 с.
7. Калашникова Н. М., Полякова Л. В. Золотное шитье Торжка в собрании Российского этнографического музея. СПб.: РЭМ, 2004. 56 с.

8. Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 591 с.

9. Кочкина Е. В. Женское движение в России: традиции и современность. М.: ИСЭПН РАН, 1999. 124 с.

10. Криничная Н. А. Русская мифология. Властители мироздания : = Властители мироздания былички, бывальщины, легенды, поверья о людях, обладающих магическими способностями / Н. А. Криничная ; Российская академия наук, Карельский научный центр, Институт языка литературы и истории. М.: Академический проект, 2019. 316 с.

11. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.

12. Материалы Государственного архива Тверской области (ГАТО). Ф. 59. (Тверская губернская земская управа). Оп. 1. Дд. 367, 589, 1205 (об организации кустарных промыслов и школ).

13. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Ювента; Наука, 1999. 606 с.

14. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2008. 256 с.

15. Полани М. Личностное знание: на пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985. 344 с.

16. Розин В. М. Техника и социальность: Философские различия и концепции. М.: Либроком, 2012. 304 с.

17. Сеннет Р. Мастер. М.: Strelka Press, 2018. 328 с.

18. Теркл Ш. Жизнь на экране: Идентичность в эпоху интернета. М.: КАРИ, 2018. 416 с.

19. Хасбулатова О. А. Опыт и традиции женского движения в России (1860–1917). Иваново: ИВГУ, 1994. 136 с.

20. Хайдеггер М. Искусство и пространство // Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 312–316.

21. Хобсбаум Э. Изобретение традиции. М. б/и, 2000. С. 47–62.

22. Центр машинной и ручной вышивки EMB Centre. URL: <https://embcentre.com> (дата обращения: 10.10.2024).

23. «Эски-Орнек»: Страницы истории крымскотатарского народного искусства (по архивным материалам) / Сост. Г. Б. Онуфриенко. Симферополь: ООО «Антиква», 2010. 104 с.

24. Ingold T. Making: Anthropology, Archaeology, Art and Architecture. London: Routledge, 2013. 163 p.

25. Онлайн-школа золотного шитья «Мастерская Древо». URL: <https://vk.com/tmdrevo> (дата обращения: 15.01.2026).

26. Онлайн-школа старинных ремесел «Про Традицию». URL: <https://protradiciu.com> (дата обращения: 15.01.2026).

27. Сообщество «Золотное шитье. Традиции и современность» в социальной сети «ВКонтакте». URL: https://vk.com/gold_embroidery (дата обращения: 15.01.2026).

28. Школа золотного шитья Аглаи Липиной. URL: <https://lipins.art/> (дата обращения: 15.01.2026).

УДК: 316.3

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ПРОСТРАНСТВО. ВОЗМОЖНОСТЬ ЦИФРОВОГО СОЦИАЛЬНОГО БЫТИЯ

Федяев Родион Витальевич,

ассистент преподавателя, магистрант 2 -го года обучения
школы философии и культурологии
факультета гуманитарных наук, НИУ «Высшая школа экономики»
г. Москва
e-mail: rvfediaev@edu.hse.ruгабисов

Научный руководитель:

Мавринский Илья Игоревич,

кандидат философских наук,
доцент школы философии и культурологии
факультета гуманитарных наук,
НИУ «Высшая школа экономики»
г. Москва

Аннотация. В данной статье анализируется возможность цифрового социального бытия через призму пространства. Пространство рассматривается в рамках кантианской парадигмы, однако, дополняется понятием измерений/мерностей, которые следует понимать в качестве основы для различения и несводимости различных видов опыта. Цифровое пространство обособляется от естественного и понимается как сеть, в которой осуществляется цифровой опыт, отличный от опыта естественного. Вводится понятие цифрового субъекта-субстанции, в качестве которого выступает искусственный интеллект, способный охватывать всю сеть целиком и сразу (части сети представляются акциденциями). В статье осуществляется критика возможности свободного-сознательного бытия в цифровом пространстве; в основе данной критики лежит убеждение автора статьи, что 1) существование в рамках такого бытия лишено мотивации; 2) абсолютная свобода, предполагаемая наличествующей в цифровом пространстве, невозможна для существования человека; 3) картезианский психофизический дуализм противоречит текущему положению дел в отношении к человеческому: бестелесное существование невозможно. Таким образом выводом данной статьи является тезис о невозможности цифрового социального бытия. Искусственный интеллект, служащий

моделью цифрового существования (заданного сетью), оказывается несостоятельным по отношению к человеку, как и наоборот.

Ключевые слова: пространство, искусственный интеллект, цифровое пространство, свобода, социальное бытие.

Ключевое понятие, которое необходимо осмыслить в вопросе об искусственном интеллекте – это пространство. Если ИИ существует в рамках пространства, то необходимо определить сущностные характеристики этого пространства. Поскольку ИИ (в том смысле, о котором сейчас наиболее распространён дискурс) является цифровым объектом, то пространство, в котором он размещён, также будет цифровым. В качестве возражения, можно было бы высказать, что носители цифрового пространства расположены в естественном пространстве. На это возражение мы можем ответить следующим образом: опыт взаимодействия с цифровыми объектами принципиально отличается от естественного опыта.

Для начала обратимся к Канту. Пространство, как он утверждает, есть «необходимое априорное представление, лежащее в основе всех внешних созерцаний» [2, с. 51]. Для того, чтобы был возможен цифровой опыт, необходимо иметь «заранее» цифровое пространство. Важно также заметить, что по мысли Канта пространство «не есть эмпирическое понятие, выводимое из внешнего опыта» [там же]. В таком случае, отличие цифрового пространства от естественного заключено не в вещественных особенностях, но в другом измерении. Чисто материально различия конечно же есть, поскольку в цифровом пространстве мы имеем дело не с телами жизненного мира, как об этом говорит Гуссерль: «всё, что в жизненном мире предстаёт как конкретная вещь, само собой разумеется, обладает телесностью» [1, с. 178], но с информационными «сгустками». Обозримая в физическом смысле информация, например, на экране монитора, не является информацией как таковой, но есть лишь некоторое её означение. Отметим, что правомерность выделения цифрового пространства в отдельный вид на основе мерностного подхода является вполне правомерной, плоскость как таковая не воспринимается эмпирическим образом, воспринимаются лишь объекты, которые заполняют плоскость. Можно

решить, что эти объекты и создают самую плоскость, однако, это не так, поскольку должно существовать условие для их размещения.

Перейдём теперь к другому важному аспекту взаимодействия с цифровым пространством. Когда компьютеры только стали появляться, для их использования необходимо было знание происходящего в этих машинах. С развитием компьютеров их интерфейс стал сильно меняться: доминирующим стал символический подход «рабочего стола». Компьютерная среда стала опираться на естественную среду пребывания человека. Перед нами встаёт вопрос: являлась ли цифровая среда априорным условием цифрового опыта? Данный вопрос возникает в связи с тем, что для «проникновения» в цифровую среду, необходимо было её предметное восприятие. Действительно, на данном этапе нашего исследования подход Канта наталкивается на некоторую сложность: выходит так, что пространство вовсе не обязательно должно быть априорным знанием; в некоторых ситуациях незнакомые «разрезы» пространства необходимо сначала воспринять, прежде чем можно было в них ориентироваться. С другой стороны, такое восприятие уже оказывается опытом, поэтому пространство сохраняет статус априорности, но становится необходимым уточняющее замечание: для раскрытия возможного опыта необходимо познание пространства, что, в свою очередь, также является опытом. С развитием интерфейса компьютеров их использование стало упрощаться, больше не нужно было глубинное знание об устройстве процессов, происходящих за выводом (output). Современный интерфейс уподобляется привычному для человека окружению, использование компьютера оказывается интуитивно схватываемой процедурой, навык этого пользования аналогичен навыку передвижения в естественном пространстве.

Итак, в цифровой среде оказывается возможен опыт: обмен информацией, потребление цифровых продуктов и т. п. Цифровая среда представлена сетью, где происходит движение цифровых единиц, переносящих информацию, которая оформляется их комплектациями в группы, которые мы ранее называли «сгустками». Эти комплектации представляют собою набор минимальных единиц памяти – биты, определённые последовательности которых формируют программный код.

То, что окажется способным охватывать всю сеть, окажется информационно-сетевым субъектом/субстанцией. Пока что на его место претендует ИИ. Такого субъекта-субстанцию необходимо понимать как охватывающего всю сеть целиком и сразу и выраженного через свои акциденции – элементы охваченной сети. ИИ является достаточно новым феноменом, однако, различные теоретические разработки связанные с ним появились примерно тогда же, когда стал возникать компьютер в современном смысле. С другой стороны, цифровой субъект-субстанция всегда подразумевался при работе с компьютерами, поскольку их объединяли в сети, автоматизировали операции и передачу данных в них. ИИ является, пока что, наиболее развитой формой данных автоматизаций, но современная стадия его развития имеет и некоторую особенность – он охватывает всю сеть сразу. ИИ является наиболее развитым информационным субъектом (уже в обыденном научном смысле слова) в известном нам мире, поскольку способен за кратчайшее время работать с колоссальными массивами информации. Вопрос в широте его размаха заключается только в том, что содержится в цифровом пространстве: само оно оказывается полностью охватываемым ИИ, если таковое не исключено из сети.

Движение человечества к информационной сингулярности наводит на мысль о том, что оказывается логически возможным переход/переселение в новое – цифровое – пространство из естественного. Большую часть времени современный человек проводит «в сети», что показывает его глубокую интеграцию в цифровое пространство. Но здесь возникает вопрос о том, что же будет с его телом, а также насколько оно вообще является необходимой частью человека. Данный вопрос ставится по той причине, что между цифровой «копией» человека и его естественной формой существования принципиальной разницы нет. Человек является прежде всего тем, что идеирует (*ideiert*) – создаёт предметности. Обращаясь к человеку, мы обращаемся не к физическому объекту, но к другому сознанию, с которым мы взаимодействуем intersубъективным образом в пространстве.

Тело может быть связано с мотивами. Допустим, человек принимает решения, направленные на поддержание его организма – тела.

Если обратиться к Арендт, то мы обнаружим любопытную классификацию действий: 1) непосредственно действие (action); 2) труд (labour); 3) работа (work). Action является свободным, политическим действием. Labour связан как раз с необходимым для поддержания жизнедеятельности трудом. Work представляет собою создание артефактов, направленных на модификацию среды человеческого существования [см.: 4]. По всей видимости, цифровое сознание лишилось бы в большей степени жизнеобеспечивающего труда. Нам представляется пространство без необходимого опыта, где царит свободное действие. Это – утопия, схожая с коммунистическим обществом, однако, в ней отсутствует не просто частная собственность, но материальное вообще.

С другой стороны, перед нами раскрывается новая проблема: готовность к свободе людей. Может быть многие люди не готовы к подлинной свободе? Подлинная свобода связана с высшей способностью отвечать за свои действия – об этом нам говорят, например, Кант и Ницше. Аристотель замечал, что существуют люди от природы не свободные. Вероятно, именно эта проблема (неспособности к свободе) является основной преградой перед полным переходом в цифровое социальное пространство. В нашем анализе мы умышленно опускаем сюжет виртуальной реальности, поскольку мы рассуждаем о действительной, в том числе о социальной реальности.

Ранее мы затронули вопрос мотива, он имеет ключевое значение как для понимания возможности существования людей в цифровом пространстве, так и возможностью наделения агентностью ИИ. На наш взгляд, цифровое пространство не даёт возможности для наличия мотивации у субъектов. Это связано с тем, что все действия, которые совершает человек в своей жизни, так или иначе связаны с его телесностью, а именно с препятствием страданию. Если лишить человеческую жизнь страданий, то она полностью утратит мотивацию к существованию. ИИ не имеющий тела так же не будет страдать. В нашем тезисе мы выступаем против картезианского дуализма души/сознания и тела: они создают неразделимое целое. Психологические страдания связаны с состояниями тела, в этом смысле мы исходим из спинозистской точки зрения, которая укрепилась в последние десятилетия

благодаря развитию нейробиологии. Стоит добавить, что физикалистско-геометрическое понимание пространства, которое отсылает нас к телесности, может ставиться под большие сомнения [3, с. 59–60].

Итак, подведём итоги. Если речь идёт о цифровом пространстве, то мы мыслим его как априорно необходимое условие возможности (цифрового) опыта. В то же время мы его понимаем как иное пространство по отношению к естественному, основываясь на модели различных плоскостей-измерений, которая, в том числе, помогает нам избежать релятивизации пространства на основе частных представлений о нём [см. по данной проблеме: там же, с. 122]. Субъект-субстанция, который мог бы охватить собой всё это пространство – искусственный интеллект. Однако ИИ не мыслится нами как имеющий возможность антропоморфной мотивации, поскольку лишён тела. По этой же причине мы допускаем невозможным переселение людей в цифровое пространство из естественного. Если говорить о наличии зоморфной мотивации, то она допустима, поскольку ИИ, помещённый в условия телесности, расположенной в естественном пространстве – вроде некоторого робота – будет подвергаться разнообразным ограничениям, включая ресурсные, что может вынуждать этого ИИ-робота, например, бороться за самосохранение. Но речь здесь идёт другом способе существования. Более того, понимание таким образом ИИ уводит нас от его сущностных (сетевых) характеристик, которые мы и пытаемся представить исследованию.

Список литературы

1. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: введение в феноменологическую философию / пер. с нем. Д. В. Кузницына. СПб. : Наука, 2013. 493 с.
2. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. О. Лосского. М. : Академический проект, 2018. 567.
3. Филиппов А. Ф. Социология пространства. Спб. : «Владимир Даль», 2008. 285 с.
4. Arendt H. The human condition. Chicago : University of Chicago Press, 1998. 350 pp.

КРИЗИС МЕТАНАРРАТИВОВ В МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Габисов Марат Олегович,

студент 4 курса департамента психологии

НИУ «Высшая школа экономики»

г. Москва

e-mail: mogabisov@edu.hse.ru

Научный руководитель:

Измагурова Виктория Леонидовна,

кандидат психологических наук,

старший преподаватель департамента психологии

НИУ «Высшая школа экономики»

г. Москва

Аннотация. Настоящее исследование анализирует кризис метанарративов в современной массовой культуре через синтез диалогического подхода Бахтина и концепции Бодрийяра о симулякрах и гиперреальности. На серии пяти текстов – от рекламных лозунгов и продукции до блогерских обращений и рэп-выступлений – прослеживаются сдвиги от подлинного диалога к монологу, от полифоний к доминированию симулякров. Это демонстрирует трансформацию индивидуальности в потребительский образ и распад источников подлинного смысла. Применение понятий Бахтина и Бодрийяра позволяет показать, как массовые тексты конструируют новые идентичности, где референт теряет автономную опору, а аудитория становится центром интерпретации. Результаты свидетельствуют, что кризис метанарративов носит структурный характер, порождаемый масс-медиа и сетевыми практиками: тексты функционируют как площадки для имитации диалога, а не для реального обмена значениями. В заключение обсуждаются перспективы дальнейших исследований критического анализа популярной культуры, ориентированного на взаимодействие между производителями текстов и их аудиторией.

Ключевые слова: Бахтин, Бодрийяр, метанарративы; полифония; монологизм; симулякры; гиперреальность; массовая культура; текст; диалог.

Используя диалогический анализ Бахтина, а также в основном ориентируясь на философию Бодрийера, я рассмотрю, на мой взгляд, самые разные, но неразрывно связанные с массовой культурой явления в качестве «текстов». Их анализ убедительно покажет, насколько прежнее понимание метанарративов себя изживает (я посчитал, что без апелляции к разным примерам проводить анализ кризиса бессмысленно, поэтому исследование кризиса присутствует в анализе явлений ниже).

1) «Твой стиль неповторим» на жвачке.

Эта фраза имплицитно апеллирует к метанарративу «стремление к красоте», что в данном случае представлено в виде следования стилю, который должен быть неповторим. Очевидно, противоречивость состоит в логике самого высказывания в виде несоотнесенности монологизма, в идеале представленного в утверждении человеком своего неповторимого стиля, и интроецированного характера этого сообщения, где референтом этого утверждения служит абсолютно деконтекстуальная форма этого смысла – упаковка жвачки в магазине, которая случайно сообщила это высказывание. Интенция этой фразы от лица автора как раз утверждает данную логику – монологизм покупателя, потенциально готового утверждать свой стиль, переживает кризис. Дело не в психологическом соответствии мотива восполнить нужную нехватку с помощью данного объекта, а в дискурсивном соответствии – симуляционный референт ищет и находит своего носителя. Более того, кризис метанарратива «стремление к красоте» в данном случае представлен не реверсией к личному нарративу покупателя, а в сведении этой интенции к симулякру, ибо упаковка жвачки сама выступает интроецированным стилем и не просто затмевает исходную интенцию покупателя, а показывает, что её, в соответствии с логикой выше, быть не могло, ибо этот симулякр становится в конечном счете монологизмом, не допуская, с одной стороны, полифонии покупателя и товара, ибо покупатель своей интенцией утвердить свой неповторимый стиль таким методом как раз упраздняет диалогичность в данном случае, так ещё и монологизм личного нар-

ратива покупателя, ибо утрачивается референт в виде его «неповторимого» стиля. Это соответствует амбивалентной логике – по-настоящему глубокая категория неповторимости сводится к хронотопу «прилавка», что утверждает логику, описанную выше.

2) «Слишком нестандартная», «Присоединяйся к команде Сбера, где открывают таланты».

Данная реклама исходит из метанарратива «Личной индивидуальности и её ценности». В этом случае логика сводится к абсолютной фальсификации индивидуальности, выступающей исходной посылкой диалога между автором рекламы и тем, к кому она обращена. Эта реклама носит максимально общественный характер – хронотоп в данном случае представлен массовым/ анонимным потоком. Это подразумевает не «смерть автора» по Барту и не «смерть человека» по Фуко, а деонтологизацию самого человека, на которого может быть нацелена эта реклама. Это не просто монологизм, а его извращённая гротескная форма, ибо даже самообращающаяся речь, не зависящая от диалога с другими, всё-таки определяется через отсутствие других, а в данном случае этот монологизм упраздняет даже тех, на фоне кого он может быть вообще осуществлён. Связано это с тем, что обращение к индивидуальности в форме создания запроса о её нужности ей же (мы поможем раскрыть твой талант) в максимально деконтекстуальной этой логике форме – поездка в метро или скроллинг ленты, логически никак не даёт этой индивидуальности самой запросить спрос на себя и как-то себя определить (определённая не собой индивидуальность – не индивидуальность). Иными словами, референт индивидуальности в данном случае представлен в надписи «слишком нестандартная» на руке девушки, которая выступает в данном симуляционном монологизме фальсифицирующей себя же возможной предпосылкой диалога, который не может по определению состояться (в соответствии с логикой выше). Более того, очевидная карнавализация в виде игры, представленная «приглашением» проявить интроцированную автором индивидуальность, создаёт настолько диффузную логику для адресата этой рекламы, что остаётся только «принять» или «отклонить» данное предложение. Связано это с тем, что (в со-

ответствии со всем описанным выше) данная реклама не подразумевает никакую интерпретационную схему для восприятия у адресата, а она создаётся самой рекламой, что в данных обстоятельствах гениально в плане эффективности.

3) Рэп-группа «Viper».

Первой, важнейшей посылкой анализа является соотнесение данного явления с классической полифоничностью между «мейнстримом» и «андеграундом», то есть общим и чем-то противопоставляющим этому от лица частного. Заданная стилистика анализируемого явления имеет все атрибуты частного – «загадочность» (на фоне общих «артистов», имеющих в себе для других отгадку), эстетика «мрачности», имплицитно противопоставляющая себя нейтральному/«светлому», а также «нонконформизм», представленный в виде соответствующей атрибутики – ботинки на высокой подошве, татуировки на самых видимых местах тела (лицо и шея) и вызывающие своей «локальностью» тексты, имеющие в противовес общим нарративам абсолютно фрагментаризированное деконтекстуальное содержание. Однако в отличие от классической полифонии «мейнстрима» и «андеграунда», второе, представленное в виде «частного», с описанной всей атрибутикой, становится «массовым», что уничтожает представленные выше классические формы. Они выступают в «Лужниках», у них реклама представлена в местах скопления масс, и они, в конечном счете, делают мейнстримом «нонконформизм», что, с одной стороны, противоречие, с другой стороны, данность. Более того, наиболее вбирающая в себя всю логику этого явления деталь состоит в том, что массы в лице их слушателей имеют, с одной стороны, соответствующую атрибутику в виде вещей, сленга и поведенческих моделей, так они ещё и формируют массовость этой изначальной «индивидуальности». Мне представляется это настолько интересным явлением, что концепты Бахтина полифонии и монологизма тут не работают, ибо это и не полифония, и не монологизм. Исходя из логики выше можно метафорически сказать, что это «террор» полифонии, то есть кульминация кризиса метанарративов, «великих историй», извращённых симулякрами.

4) «Из моды вышла давно человечность» – строчка известного рэпера MATRANG.

Эта фраза из песни рэпера – концентрат примеров выше, демонстрирующих кризис метанарративов. Связано это с тем, что она, хоть и в конъюнктурной, «вялой», но в какой-никакой форме пытается выступить «протестом» против «потери человечности». Однако неважно, произвольно или неосознанно, человечность в данном случае сводится к моде, даже критикуя её связь с модой. Иными словами, почему вообще тогда этот вопрос должен «заботить», если человечность вне моды и если она некая априорная данность? Однако в том, как раз дело, что логика этой фразы апеллирует к тому, что человечность вышла из моды, то есть её, получается, в принципе (исходя из этой логики) в онтологическом статусе нет, а как раз она задаётся модой – раз вышла из моды. То есть, опять же, перед нами очень скрытый, но явный симулякр, причём крайне «жёсткий», ибо в прежде рассмотренных «текстах» гиперреальность так мастерски «не убивала» реальность. Эта логика выражена в том, что автор как бы ухватывает некий порядок вещей в мире, который его «не устраивает», но этим же методом «продаёт» этот не устраиваемый его порядок, ибо эта фраза наверняка находит отклик по причине осязаемости всеми слушателями (адресатами) данной проблемности, но тем самым как раз происходит утверждение этого порядка через принятие этой проблемности. Иными словами, берётся чужое этой логике слово «человечность» и происходит его переакцентуация, и крайне незаметно оно помещается в хронотоп «моды», который, метафорически выражаясь, захватывает монологически даже протест. В одном из популярных комментариев к такому творчеству есть фраза: «Да в этом смысле больше, чем у Ницше, ты – талантище». Это, с одной стороны, крайне гротескная карнавализация, то есть смешение очевидно высокого и низкого, ибо Ницше как раз протестовал против «половинчатости» и призывал толкать её на гибель, так ещё и косвенное утверждение этой логики, которая даже в данном случае не полифония, а тот самый «террор полифонии», убивающий возможный монологизм.

СЕКЦИЯ 4.
НОВЫЕ СОЦИАЛЬНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ УТОПИИ
(АНТИУТОПИИ):
ЦИФРОВИЗАЦИЯ, ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ,
БОЛЬШИЕ ДАННЫЕ, БАЗОВЫЙ БЕЗУСЛОВНЫЙ ДОХОД

ИЗОБРАЖЕНИЕ И ВООБРАЖЕНИЕ
СРЕДИ УТОПИЙ ВИЗУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Круткин Виктор Леонидович,
доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии и гуманитарных дисциплин инсти-
тута истории и социологии,
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
г. Ижевск
e-mail:krutkin1@yandex.ru

Аннотация. Цифровая эпоха открыла небывалый доступ к архиву мировой визуальной культуры. Новые технологии начинают входить мастерские художников. Они влияют на восприятие культуры, на суждения теоретиков науки об искусстве. Вечный вопрос – «что такое искусство» оставил после себя шлейф множества мифов. Стремясь с ними справиться, исследователи ставят вопрос иначе – «как искусство работает?». Вопрос о возможности ИИ в сфере искусства, сегодня очень популярен. ИИ уже помогает ставить медицинские диагнозы, сочинять стихи, играть в шахматы. Возникает искушение распространить возможности ИИ на созидание произведений искусства. Жупел про надвигающееся «искусственное искусство» как порождение искусственного интеллекта часто звучит в СМИ. Изображение в статье рассматриваются в антропологическом плане, как система графических артефактов, как медиа, как посредник в процессах восприятия и экспрессивной деятельности. Мимесис как важное понятие рассматривается с феноменологических позиций. Раскрывается его не только познавательная, но и коммуникативная роль. С изменением концепта мимесиса открывается осознание утопичности прежних идей, касающихся отношений автора и зрителя, их связи

в пространстве и времени, видов репрезентаций, связи сознания и воображения. Сознание перестает пониматься как «отражение реальности», оно перестает отождествляться с нейрофизиологическими процессами, какие разворачиваются в пространстве мозга. На теоретические изменения влияют практические перемены. Прежнее понимание часто трактовало жизнь как книгу для чтения, или картину для восприятия и интерпретации. Сегодня жизнь – это, скорее, событие, в котором можно принять участие.

Ключевые слова: мимесис, репрезентация, текст, иконическое, перформативное, эксцентричная позиционность, расширение сознания, присутствие.

Искусство – это такое изобретение культуры, которое позволяет человеку прожить непрожитую жизнь (Ю. М. Лотман). Технологии касаются зрителей – живопись в хорошем качестве люди сегодня смотрят на экране дома, смиряясь с утратой ауры. Новые технологии **входят в мастерскую** художников. Прежде краски в тубиках позволили смело писать на природе. Сегодня использование программирования позволяет художникам осуществлять куда более смелые эксперименты с пространством и цветом.

Многовековой архив опирается на идею мимесиса, современность изменяет мимесис, он перестает связываться с уподоблением [7]. Изменяется траектория интереса к искусству, исследователи переходят к вопросу – **«как искусство работает»**. Мимесис в древности – это отношением подобия подлинника и копии. По Платону мир природы выступает подчиненной копией мира вечных идей, при этом вещи, производимые ремесленником, это копии природных объектов, вещи производимые художником – это копии копий предметов ремесленника, Продукты художников в два раза дальше от истины мира вечных идей. Отсюда сомнение Платона в полезности искусства.

Если подлинник и копия связываются отношением подобия, то где это отношение сохраняется? Таким местом выступает разум. Здесь берет начало многовековая эпоха дуализма в понимании человека и мира, тела и души и т. д. С развитием теории эволюции и по-

зитивных наук о мире, для всех стала привычной мысль, что мозг выступает инструментом разума, здесь через вычисления создаются идеи, творятся изображения, здесь возникает замысел, которых затем выносятся на холст художником. Рисунок с этой точки зрения – это копия восприятия или мысли. Критику такого подхода мы находим в психологии Д. Гибсона. «Рисование никогда не является копированием. Даже крошечную часть окружающего мира невозможно скопировать. Скопировать можно только другой рисунок» [3, с. 392]. Важной чертой современных теорий визуального искусства выступает *стремление уйти от платонического искусствоведческого дискурса, когда изображения мыслятся в категориях замысла и его воплощения* [13].

В Новое время происходит отказ от понимания разума как вычислительного устройства, назначение которого состоит в обработке информации. В новейшее время принимается мысль, что разум не локализуется в мозге, мышление – функция не мозга, но всего телесного человека.

Антонио Дамасио развивает экологический подход к исследованию эмоций и чувств, он не противопоставляет тело человека эмоциям и чувствам. Карты и схемы нейронных сетей, лежащие в основе действий человека, создают базу эмоций и чувств, решают задачу гомеостаза, образуют основу того, что традиционно именовалось душой и духом, здесь складывается база эмоционального и рационального интеллекта. [4]. Схемы, карты, паттерны человеческих намерений обычно развиваются на уровне нервной ткани в форме химических и электрических процессов. Но карты, схемы и паттерны могут быть объективированы вовне в форме действий, конфигураций речи, жестов и движений, приводящих, в том числе и к изображениям.

Ното pictor (человек рисующий) следует по стопам Ното faber (человека производящего), здесь можно видеть, что не только человек производит вещи, но и вещи производят человека. Художник создает изображение, но в этом же процессе возникает и он сам, как автор этой картины, он возникает и эволюционирует вместе с ней, здесь изобретается его тонкая мускулатура не только руки, которая

держит кисть, но и взгляда, который связан с движением руки. Взгляд произведен от движений, для взгляда нужны особые схемы и паттерны, они входят в стиль рисовальщика, про это мы говорим – «насмотренный глаз». Природа такого взгляда физическая, не просто психологическая. Вот почему картина зачастую требует много времени для своего возникновения – художник и картина не отпускают друг друга. Интересной для исследования будет и обратная история, когда картина не впускает в себя чей-то взгляд. Такой взгляд не идет дальше этикетки рядом с картиной.

Подлинник и копия – не просто два отдельных предмета, эта двоица знает свое прежнее существование, когда изображенное только проникало в изображение. Не такая уж это мистика, мы сталкиваемся с ней в простом опыте. Каждый знает, что фотография близкого человека несет в своей физической материальной поверхности следы сверхфизической реальности, которой там нет, но к таким изображениям мы особо относимся, как будто бы она там есть. Говорят, что в древности люди испытывали страх перед изображениями. Думается, что такой страх – это не признак какой-то «дикости» древних людей, напротив, это элемент их гуманитарной развитости. Средние века перевели переживания древней магии изображений в религиозный трепет, возник и долго практиковался широкий спектр переживаний образов [2]. Эпоха Просвещения расколдовало древнюю магию изображений, на смену иррациональному магическому страху пришел эстетический экстаз (не менее иррациональный) [6].

В рисовании предмет не копируется, здесь возникает версия предмета в иной материальности. Создавая версию предмета, художник стремится придать изображению черты «нездешности», старается наделять образ особой интенсивностью. Частица «ре» в слове «репрезентация» передает не второе по счету событие, не повтор представления, но интенсивность вызываемого переживания [1]. Изображение предъявляет изображенное, но оно еще и предъявляет само себя. Изображение предъявляет себя, оно смотрит на нас, в такие переживания и встроено новое переживание своего присутствия [5]. По словам

М. Ямпольского «Существует взгляд, обращенный к миру, но существует взгляд, обращенный извне на меня. Возникает странное чувство, что когда я смотрю на мир, то и мир смотрит на меня» [14, с. 34].

Один из классиков философской антропологии Х. Плеснер высказывал идею о способности человека к «эксцентричной позиционности» [11, с. 122–134]. Исходной позицией для всех природных существ, выступает ситуация, которая имеется «здесь и теперь». Но человек способен отказаться от такой позиционности. Человек наделен способностью фокусироваться на ситуациях, которых в настоящее время нет, в том числе на прошлых или будущих ситуациях, они могут быть вымышленными, гипотетическими, противоречащими фактам. Условность наделяется чертами безусловными. В репертуаре детей есть для этого важное понятие – «понарошку».

Нелишне будет напомнить, что проведение линии и ее рассмотрение – это не механический процесс – это мышление [8]. Логика такого мышления допредикативная. Расширенное сознание опирается на мускулатуру взгляда, имеет черты тактильного прикосновения. Мышление гончара у гончарного круга сосредоточено в его ладонях и пальцах, Гончар «разговаривает» с глиной на языке ладоней и пальцев. У него глиняное мышление [9].

Разум находится в мире, разум нужно рассматривать как воплощенный, расширенный, за счет медиа. Это позволяет продвинуться в обосновании важной гипотезы, выдвинутой Л. Малафурисом – разумное использование материальной культуры предшествует разумному мышлению, [10, р. 293]. Сознание – выступает как выходящее за пределы организма, в нем выделяют идеи и верования. Идеи – это то, что у нас есть, верования – это то, чему мы принадлежим [12, с. 405]. На этом основании возможны разные типы репрезентаций. Репрезентации текстовые передают информацию, открывают или закрывают мир идей, здесь происходит борьба за истину. Репрезентации визуальные открывают область верований, открывают или закрывают активность изображаемого, возможность или невозможность присутствия. В свете взгляда со стороны другого, происходит новое удостоверение

ние начала меня. Современное понимание мимесиса связано не с властью подлинника над копией, но с коммуникативным отношением художника и зрителя, как показывает К. Уолтон, [13], эти инстанции находятся в одной плоскости, могут меняться местами.

Список литературы

1. Boehm G. Representation, Presentation, Presence: Tracing the Homo Pictor. Iconic Power. Materiality and Meaning in Social Life, ed. by C.A. Jeffrey, D. Bartmanski, B. Giesen. New York.: Palgrave Macmillan, 2012. P. 15–23.
2. Бельтинг Х. Образ и культ. История образа до эпохи искусства. М.: Прогресс-Традиция, 2002 (нем.- 1990). 540 с.
3. Гибсон Д. Экологический подход к зрительному восприятию / пер. с англ. А.Д. Логвиненко. М.: Наука, 1988.
4. Дамасио А. Так начинается Я. Мозг и возникновение сознания / пер. с англ. И. Ющенко. М.: Карьера Пресс, 2018.
5. Диди-Юберман Ж. То, что мы видим, то, что смотрит на нас / пер. с фр. А. Шестакова. СПб.: Наука, 2001.

УТОПИИ НЕ БЫЛО

Андреев Глеб Сергеевич,

кандидат философских наук, культуролог,
независимый исследователь
г. Санкт-Петербург
e-mail: glen19@yandex.ru

Аннотация. В XXI веке антиутопии гораздо чаще встречаются в массовой культуре, чем утопии. Означает ли это, что антиутопический взгляд популярнее и окончательно победил? Если рассматривать антиутопию как принципиальное отрицание утопии, связанное с кризисом социально-исторической надежды, то стоит признать: из нынешнего антиутопического бума утопического выхода быть не может.

Однако, это верно лишь отчасти, ведь современной антиутопии требуют дополнительного исследования, с каждым десятилетием очевидны все большие различия современных антиутопий и классический, таких как «Мы», «1984», «Дивный новый мир». Функции, которые исполняли утопические проекты во времена своего активного создания сегодня также играют важное значение для любой культуры.

Любой проект, даже антиутопический, в сущности, своей содержит утопический. Из-за популярности антиутопий утопия сегодня уделяется недостаточно внимания. Речь идет не об утопических проектах прошлого, вроде работ Платона и Томаса Мора, а о самом концепте утопии как таковой.

Насколько справедливо настаивать в современной ситуации на деление проектов на утопические и антиутопические? Каковы особенности антиутопических проектов современности и что общего между ними и утопиями?

Ключевые слова: утопия, антиутопия, Мор, Латур, будущее, концепт.

35 лет назад, когда вышла книга Б. Латура «Нового времени не было. Эссе по синхронной антропологии», основной задачей автора было не просто концептуально «разбить» Новое Время, вернее, представления, которые были им заложены в основание представлений

о «природе» и отдельно от нее «обществе». В понимании Латура этот замысел «лишит» основной слабости тех, кто может «переделать» существующее [3, с. 16]. Но, за 40 с лишним лет до Латура, Джордж Оруэлл уже предостерегал нас, что тот, кто владеет «настоящим, тот владеет прошлым», а «кто владеет прошлым, тот владеет будущим» [6, с. 36]. Утопичен ли проект «переделывания» существующего или антиутопичен?

Каково будущее самих утопии и антиутопии – это один из вопросов, который волнует любого утопиолога и тех, кто интересуется не только будущим утопий и антиутопий, но и прошлым. В чем основная слабость одной и в чем главная сила другой?

Основная задача этой работы в том, чтобы поставить под сомнение целесообразность и однозначность разделения утопий и антиутопий в контексте современных антиутопических произведений культуры.

Будущее уже наступило

Утопия, не как слово, которое появилось у сэра Томаса Мора в качестве подходящего для описания и имени острова, о котором он ведет речь, а непосредственно как концепт, который включает в себя утопии Платона, Т. Мора, Т. Кампанеллы, Э. Беллами, У. Морриса и других, для некоторых связывается с будущим в своей основе. Коль скоро, такого прекрасного состояния общества, о котором рассуждали эти мыслители, не наблюдается в настоящем и не встречалось в обозримом прошлом, то, остается признать, очевидно, утопия – план на будущее. Томас Мор прямо комментирует такое понимание, как невозможное в книге, что можно рассматривать как апологию всех утопистов. Невозможно насильственно навязывать рассуждения людям, поскольку они все равно не будут иметь для них никакого значения. Конкретные планы для реализации с четкими расчётами по объемам коммун и прочим были редкостью, скорее, авторы утопий своими рассуждениями приглашали к обсуждению проблем, которые считали значительными в современном им состоянии общества. То, что Карл Манхейм связывал с изначальным стремлением к созданию концепта утопии: она создается сознанием, которое не находится в согласии с окружающим его бытием [4, с. 8].

Другие исследователи видят в концептах утопии грезы о прошлом, память об Эдеме и опыт, к которому апеллируют утописты. В таком разрезе утопия обращена, скорее в прошлое из настоящего, однако при таком подходе, утопия – не просто ностальгия, это план по возвращению к совершенному состоянию общества, некая финальная реорганизация, которая буквально должна закончиться длящимся состоянием, а не поиском или перебором несовершенных формаций, что, пугает в этих проектах читателей.

В конечном итоге, будущее, в котором мы пребываем относительно большинства известных утопистов наступило и места этим утопиям в нем не нашлось. Если взглянуть на тиражи утопий и сравнить их с тиражами утопий, на количество экранизаций и прочих «проектов», то при количественном подсчете кажется очевидным...

Кто победил

Если задаться вопросом о том, сколько фильмов и сериалов с антиутопическими мотивами или экранизаций антиутопий производится можно заметить совершенную победу антиутопий. Очевидность происходящего была одной из основ, на которую опирается научное убеждение по Б. Латуру. Шоураннеры главного антиутопического сериала анонсировали производство и выход нового сезона «Черного зеркала», в 2025 году вышли экранизация Стивена Кинга «Долгая прогулка» и «Микки 17» по мотивам романа Э. Эштона. Кроме этого, антиутопические мотивы можно найти в проектах 2025 «Грешниках» Р. Куглера и антиутопией является «Годовщина» Я. Комаса. Утопические мотивы не получают таких крупных проектов и не так освещены в современной культуре.

Что же нам остается, признать победу за антиутопиями?

Кажется, нарастающая реальность, следуя критериям Латура, говорит как раз об этом. Однако, возможно необходимо тщательнее рассмотреть сами антиутопии, чтобы говорить не о предположениях, касающихся общности романов и экранизаций, а о фактах, изложенных в них.

Например, сериал «Новый дивный мир» по мотивам классической антиутопии О. Хаксли был отменен после первого сезона, а весьма антиутопичная вселенная «Голодных игр» продолжается приквелами о становлении системы, где Капитолий контролирует дистрикты исключительно антиутопическими методами. В одном из самых популярных мировых проектах, связанном напрямую с антиутопиями, сериале от Netflix «Черное зеркало» появляются весьма необычные, серии, содержащие утопические мотивы, например, «Сан-Джуниперо» (3 сезон, 4 эпизод), «Крокодил» (4 сезон, 1 эпизод), «Повесь диджея» (4 эпизод 4 сезона) и «Рейчел, Джек и Эшли Два» (5 сезон, 3 эпизод).

Литературные антиутопии, которые появляются после классического периода расцвета антиутопий, представленного романами: «Мы», «1984», «Дивный новый мир», трансформируются. Сначала эти произведения содержат в себе сомнение в необходимости только пугать читателя невозможностью реорганизации антиутопии, и, наконец, современные антиутопии зачастую описывают крах системы и надежду на рождение иного подхода к организации, построенного на альтернативных принципах и основаниях, с учетом уже имеющегося антиутопического опыта [1, с. 144–147] Иными словами, в современных антиутопиях после классического столкновения личности и системы история заканчивается не поражением личности, а падением системы.

Обезьяна, тянущаяся к Луне

Если вспомнить сюжет, в котором обезьяна, цепляясь за ветки тянется к отражению луны в воде, то удастся проиллюстрировать основное отличие, которое закрепляется исследователями между утопиями и антиутопиями.

Если представить себе утопию как Луну, то антиутопия будет подобна отражению Луны на воде – беспокойная обезьяна, что сидит на ветвях у воды, ближе к отражению Луны, чем к самой Луне. Антиутопия, хоть и содержит в себе описание «утопического» (т. е, конечно, признанного таким жителями или руководителями в самом романе) общества, все же содержит его по совершенно отличным

от утопических манифестов причинам. Стоит отметить, что антиутопии иногда и вовсе содержат описание таких сообществ, которые умозрительно представляются более жизнеспособными и желанными для большинства людей, например, если сравнивать «Город Солнца» Т. Кампанеллы и «Дивный новый мир» О. Хаксли, то последний выигрывает против первого для обычного читателя.

Существует историческая традиция начинать отсчет с Утопии Т. Мора или Государства Платона. Обратившись к справочной литературе нетрудно увидеть, что большинство исследователей строит на этих фундаментальных работах свои концепции и развивает идеи по поводу утопического сознания, общественного идеала и тех сфер жизни, которые нуждаются в трансформации.

Привычно можно встретить и мысль о том, что антиутопия зарождается и развивается в ответ на многочисленные утопические проекты, равно как и попытки воплотить эти проекты в жизнь, на примере одной небольшой колонии, города или более крупной территории. Однако, не всегда антиутопия – реакция на утопию. Примером служат «Вести ниоткуда», написанные У. Моррисом в ответ на утопию Э. Беллами. Равно как и «Остров», последний роман О. Хаксли, который содержит утопические мотивы в противовес самому популярному и, при этом, антиутопическому произведению автора.

Сама этимология слова «антиутопия», появление второй приставки подсказывает любому, кто взглянет на это слово, что это ситуация «после, значит, по причине». Без утопии была бы невозможна антиутопия, как кажется. Американский исследователь, Сарджент, предложил необычную версию взаимоотношений между утопией и антиутопией. Он высказал предположение, что антиутопия ровесница самой утопии, а первыми примерами антиутопий он посчитал комедии Аристофана. Позже, это встречается в материалах Тома Мойлана, а сегодня разбирают и другие альтернативные точки отсчета антиутопии [7, с. 61] Если принять в качестве основы такую версию событий, то потребуется весьма ухроничный, относительно принятого, взгляд на развитие утопической и антиутопической мысли.

Наконец, если мы вспомним о причинах написания самим Томасом Мором своей «Золотой книжечки...», то заметим, что этот утопический протрептик был написан как реакция на действия монарха, которым Мор сам дал весьма антиутопичные описания, когда говорил о прожорливых овцах, что поедают людей [5, с. 132.].

Итоги

Само название этой работы не должно вводить никого в заблуждение, нет попытки убедить себя и других будто не существовало никогда утопических произведений или проектов, подобных «Государству» Платона или «Утопии» Т. Мора. Ровно как не стоит забывать о примерах попытки реализации утопии, вроде «Новой Гармонии», возглавляемой Р. Оуэном и другим подобным инициативам.

Но в чем необходимость деления произведений, содержащих утопические описания, фактическое обсуждение идеала общественного устройства на утопию и антиутопию? Что эта типологизация может дополнительно привнести к нашему пониманию самого утопического концепта? Или идеала общественного устройства?

Возможно, Иммануил Кант выразил причину, по которой стали опасаться утопии, ведь он полагал, что несмотря на ее недостижимость не стоит отказываться от идеи того, чтобы стремиться к такому состоянию, которое было бы наиболее близко к совершенному представлению [2, с. 290]. Традиционно те, на чей суд представляют эти концепты и проекты бывают весьма шокированы тем, какова цена совершенства, которую утописты не скрывают, ведь они не «продают» эти концепты.

Утопические произведения всегда ставят во главу угла общественные интересы, собирают общество так, чтобы каждый в нем был счастлив, так пишут утописты. Антиутопия всегда отстаивает интересы личности, индивидуальной свободы перед лицом социальной необходимости делегирования дополнительных свобод государству или центру. Утопические и антиутопические произведения в равной степени являются инструментом для отстаивания гармонии между обществом и индивидом.

Возможно, этим объясняется то, что любая идея, в которой может быть усмотрен утопический мотив, вроде сильного искусственного интеллекта, который может стать инструментом для решения некоторых человеческих проблем, тут же получает антиутопическую реакцию в виде обсуждения ответственности потенциальной катастрофы, причиной которой может стать сильный ИИ. Равно как и утопический мотив надежды является адекватным ответом на антиутопический процесс редукции человека до его трудовых функций.

В послесловии своей первой книги Бруно Латур укажет, что одним из базовых инструментов фиксации работы в лаборатории Сан-Диего для него был дневник наблюдений. Так какой же будет следующая запись в дневнике наблюдения за современной культурой: утопичной или антиутопичной?

Список литературы

1. Андреев Г.С. Проблема свободы в английской антиутопии. Диссертация на соискание ученой степени кандидата наук. URL: https://dissert.spbu.ru/files/2020/dissert_andreev.pdf (дата обращения: 17.01.2026).
2. Кант И. Критика чистого разума. М.: Эксмо, 2011. 736 с.
3. Латур Б. Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии. Пер. с фр. Д. Я. Калугина; Науч. ред. О.В. Хархордин. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. 240 с.
4. Манхейм, К. Идеология и утопия. Избранное. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 7–276.
5. Мор Т. Утопия. М.: издательство «Наука», 1978. 416 с.
6. Оруэлл, Дж. 1984. – М.: Издательство АСТ, 2018. 318 с.
7. Balasopoulos A. Anti-utopia and dystopia: Rethinking the generic field. Utopia project archive, 2006-2010, 59–67. URL: <https://utopialab.csic.es/wp-content/uploads/2024/11/2-otras.pdf> (дата обращения: 17.01.2026).

**«ТЕОЛОГИЯ» СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОЕКТЕ ДЕМИЕНА ХЕРСТА
NEW RELIGION**

Брекоткина Ирина Павловна,

кандидат искусствоведения, доцент
кафедры философии и гуманитарных дисциплин
института истории и социологии,
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
Ижевск
e-mail: i_brekotkina@mail.ru

Аннотация. Данное исследование посвящено интерпретации художественного проекта Дэмиена Херста New Religion. Британский концептуалист рефлексирует над концептом «религиозной веры» и его местом в культуре XXI века, ориентированной на научный рационализм. Херст иронизирует над тем, что современное общество замещает христианского Бога наукой. Его проект репрезентирует «новую религию спасения», основанную на вере в медицину и фармакологию. Соответственно экспозиция New Religion символизирует новое сакральное пространство или храм, вызывая при этом ассоциации с медицинским кабинетом или аптекой.

Ключевые слова: неоконцептуализм, Дэмиен Херст, религия, вера, наука, фармакология.

Дэмиен Херст – современный британский художник-неконцептуалист, прославившийся своими скандальными арт-проектами в сфере актуального искусства. Художественные провокации Херста принесли ему коммерческий успех, сейчас он является самым богатым художником в мире [1]. Одна из самых известных работ Херста – «Физическая невозможность смерти в сознании каждого живущего». Она представляет собой тело мертвой тигровой акулы, помещенное в резервуар с раствором формальдегида. Художник, в молодости много времени посвятивший анатомическим штудиям, в своем творчестве хладнокровно препарировал тайну жизни и смерти.

В 2005 года в галерее Пола Столлера был впервые представлен проект Херста New Religion. В этой работе Херст ищет ответ на вопрос: во что верит человек XXI века, в чем видит надежду на спасение? Исследуя «религиозное чувство» современного общества, художник заявляет, что после «смерти Бога» Его место в сознании людей заняла наука. А «новой религией» стала медицина, которая дает человеку веру в чудесное спасение и позволяет сохранять иллюзию бессмертия [3, с. 62]. В проекте New Religion главным объектом «религиозного почитания» становятся изображения лекарственных средств, которые обладают чудодейственной силой исцеления.

New Religion включает в себя 44 эстампа, сделанных в технике шелкографии. На гравюрах показаны различные фармакологические препараты в сочетании с цитатами из Библии. По словам Эндрю Уилсона, они «работают как фресковый цикл – от Сотворения мира, через Крестный путь и к Страшному суду». Кроме того, Херст вводит в экспозицию «алтарь», на нем расположен кедровый крест, который украшен пилюлями, похожими на драгоценные камни, и другие вотивные предметы.

Цель данного исследования – рассмотреть основные аспекты «учения о божественном», представленном в художественном проекте Херста New Religion.

Сам Херст не дает интерпретаций своих работ. Художник «отмечал неоднократно, что любит многообразие интерпретаций, без привязки к одному конкретному смыслу» [там же]. Экспозиция New Religion являет собой художественное пространство, побуждающее зрителя рефлексировать о социальных и культурных процессах в современном мире.

Художественное высказывание Херста на тему «новой религии» построено на пересечении двух дискурсов – христианского и научно-популярного. Общеизвестные символы христианства «Тайная вечеря», «Троица», «Распятие» трансформируются в шелкографиях Херста в пояснительные комментарии к медицинским плакатам, которые обычно можно увидеть в больнице или аптеке. Скажем, молитва Христа в Гефсиманском саду становится метафорой лекарственных свойств аспирина, освобождающего от боли и жара.

Принты Херста напоминают и иллюстрации в научном журнале. Визуальная структура гравюр есть выражение рационального подхода. Схемы, карты, диаграммы, цифры воплощают собой непреложную логику визуального высказывания. Хотя речь идет о «религиозном чувстве», шелкографии Херста лишены эмоциональности, напротив, в них присутствуют отстраненность и холод чистой рациональности. Создается впечатление, что эти работы выполнил не человек, а «равнодушный ко всему живому аппарат» [2, с. 143].

Единство серии гравюр задано не только общим визуальным языком медицинского плаката, но и способом экспонирования. Все они помещены в рамы белого цвета и одного размера, развешенные на стенах через одинаковые интервалы. Таким образом, принцип четкой упорядоченности повторяется и в построении пространства экспозиции.

В самом центре выставочного зала находится белый ящик с выдвижными ячейками, именно в нем перевозят все работы, включенные в проект. В драматургии экспозиции этот комод играет роль «реликвария для хранения священных предметов». На одной оси с ним, возле стены расположен «алтарь», на котором помимо креста, черепа и отлитого в серебре сердца, лежит выполненная из мрамора пилюля. Херст обыгрывает схожесть формы таблетки и гостии, которая используется в христианском обряде причащения. Кулик пишет, что именно сходство облатки для причастия с таблеткой аспирина послужило для Херста отправной точкой для развития ассоциативного ряда проекта [1].

Минимализм и стерильность рационально устроенного пространства делают его похожим на операционную или аптеку. Очевидна ироничная метафора, которую предлагает Херст зрителю: аптека или больница – это новый храм для современного человека, куда тот приходит за чудесным исцелением. Соответственно научно обоснованная медицина становится новой религией спасения в XXI веке. Дэмиен Херст высказывал свое отношение к такому положению дел: «Мы все умрем, так что этот большой счастливый, минималистичный, разноцветный, вселяющий уверенность имидж, который транслируют медицина

и фармкомпаний, не безупречен. Тело разрушается, но люди хотят верить в бессмертие» [Цит. по 3, с. 62].

В проекте *New Religion* Херст символически сцепляет два гипертекста – Библию и каталог лекарственных препаратов. Тем самым художник показывает смысловую трансформацию, которую проходят сейчас такие религиозные категории, как «вера», «чудо», «спасение». Британский художник иронизирует над безусловной верой обывателя в чудодейственную силу медицины и лекарств. Он считает, что современный человек пребывает в иллюзорном мире, так безоговорочно веря в возможности фармакологии. Осознавая пустоту существования, Херст готов верить исключительно в искусство.

Список литературы

1. Кулик И. Христианские ценности // Коммерсантъ № 226 (3557) от 04.12.2006. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/727031> (дата обращения: 09.02.2026).

2. Котломанов А. О. Hirst “the Worst”: парадоксальные аспекты культа красоты // Вестник СПбГУ. Искусствоведение. 2018. Т. 8. Вып. 1. С. 142–154. URL: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu15.2018.109> (дата обращения: 09.02.2026).

3. Щетинина Н. В. Медицина в современном искусстве: аптека, лаборатория, скальпель, таблетки. На примере работ Дэмиена Херста и Валерии Абендрот // *Art Innovation*. 2021. № 1. С. 58–79. URL: <https://art-innovation.com/index.php/journal/view/1/1> (дата обращения: 09.02.2026).

**ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ В РОМАНЕ А. А. БОГДАНОВА
«КРАСНАЯ ЗВЕЗДА» И СТРОИТЕЛЬСТВО СОЦИАЛИЗМА
В СССР В 20-Х ГОДАХ XX В.**

Лямина Татьяна Евгеньевна,
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии, биоэтики,
истории медицины и социальных наук,
ФГБОУ ВО «Смоленский государственный
медицинский университет»
e-mail: t-lyamina@mail.ru

Аннотация. События романа-утопии «Красная звезда» позволяют А. А. Богданову высказать основные положения его философии культуры. В статье рассматривается коллективистский социалистический идеал, сочетающий, по мнению философа, гармоничное развитие личности и высокий уровень социальной солидарности. Раскрывается взаимосвязь «теории подражания» мыслителя и его концепции коллективизма. Прослеживается влияние идей А. А. Богданова в деятельности Наркомпроса по созданию новой системы образования.

Ключевые слова: А. А. Богданов, марксизм, народничество, утопия, пролетарская культура, «теория подражания».

Русские марксисты конца XIX – начала XX выступали против утопий (критика народничества) и делали упор на научный характер марксистского социализма. Народники в ответ упрекали представителей нового идейного течения в недостатке «практического идеализма».

Главная тема романа «Красная звезда» – социалистическое будущее. Интересно, что в рецензии народнического журнала «Русское богатство» на книгу А. А. Богданова автор, в целом положительно оценивая описание социализма, не удержался от иронии: «Все это изложено хорошим языком, но очень отрывочно и мало трогает читателя. Оно и понятно: не марксистское дело сочинять проекты социалистического строя» [5, с. 149].

Критикуя Г. В. Плеханова и В. И. Ленина, А. А. Богданов писал: «Отрицание за «идеологией» руководящей функции на словах, ее признание за «классовым сознанием» на поле практики – вот, выражаясь мягко, антиномия нашего марксизма, выдающая его теоретическую юность» [1, с. 323]. Выражение коллективистского общественного идеала в художественной форме может, по мнению мыслителя, способствовать формированию мотивации движения к социализму, развитию классового сознания.

Автор «Красной звезды» пытается осуществить научное предвидение на основе тенденций развития науки, техники и общественных отношений. А. А. Богданов предсказывает развитие атомной энергетики, роль автоматизации и вычислительной техники, появление синтетических материалов. Но главное внимание уделяется описанию нового типа коллективистской культуры. «Люди и их отношения – вот что всего важнее для меня; и во всей той сказочной обстановке именно они были всего фантастичнее, всего загадочнее» – говорит Леонид, главный герой произведения [2, с. 135].

В своих ранних работах «Познание с исторической точки зрения» (1901), «Из психологии общества» А. А. Богданов развивает оригинальную концепцию культуры, которая получает свое отражение в «Красной звезде».

Философская культуры А. А. Богданова формируется под влиянием мыслителей как первого (О. Конт, Г. Спенсер), ак и второго позитивизма (Э. Мах, Р. Авенариус), которые кардинально преобразовываются им на основе исторического материализма К. Маркса.

Опираясь на идеи социологов психологического направления (Г. Тард, Н. К. Михайловский), мыслитель в книге «Познание с исторической точки зрения» (1901) создает интересную «теорию подражания», в рамках которой ставит проблему интересубъективности.

Взаимное подражание – активный процесс формирования, согласования и проверки на практике коллективного, социально организованного опыта. Сознательное подражание обеспечивает внутреннюю интеграцию общества и является основой развития всех

форм культуры. С другой стороны, подражание – средство формирования индивидуальной психики, социально-организованный опыт, оказывает развивающее влияние на отдельную личность.

Рассматривая историческое развитие человечества, мыслитель выделяет различные типы культуры. Каждому типу присущи свои особенности технологического развития, форма сотрудничества и определенный характер общественного сознания (особенности модели мира и понимания причинности).

По мнению А. А. Богданова, на пути «дробления человека» в результате развития разделения труда вначале возникает тип авторитарного сотрудничества и соответствующее ему мировоззрение «авторитарного дуализма». Затем все больше развивается специализация в экономике, приводящая к специализации и дезорганизации личности. Наибольшего расцвета она достигает при капитализме, формируя мир социального отчуждения, крайнего индивидуализма, жесткой конкуренции. Вместе с тем, при капитализме создаются предпосылки «собрания человека» в будущем, зачатки пролетарской культуры.

Повествование в романе ведется от лица Леонида, профессионального революционера, который, вместе с тем, является человеком, воспитанным в духе индивидуалистической культуры капитализма. Он активно стремится вписаться в новый мир, что приводит его к психологическому кризису. События романа позволяют автору раскрыть основные положения его философии культуры.

В романе описано общество синтетического сотрудничества, в котором специализация не мешает социальной солидарности, а всестороннее развитие личности не противоречит росту коллективизма. Расширение индивидуального опыта ведет к взаимному пониманию. В социалистическом обществе Марса нет конкуренции и классовой борьбы. Личные симпатии и антипатии отходят на второй план под влиянием реального единства совместной деятельности и общих интересов.

При социализме меняется психология людей, уходит в прошлое крайний индивидуализм, присущий капитализму. На Марсе ставят

памятники великим событиям, а не великим людям, которые выступают как талантливые организаторы коллективного опыта.

Каждый человек с раннего детства приучается рассматривать себя частью целого и, вместе с тем, субъектом исторического творчества. Интересно, что это соответствует особенностям личности самого А. А. Богданова. Истинный коллективист – человек, стоящий на уровне всего человеческого опыта и способный к универсальному пониманию людей (многостороннему сознательному подражанию).

В социалистическом обществе, построенной на Марсе, коллективизм проявляется в системе воспитания, формах организации труда, процессе принятия решений, осуществляется «товарищеский обмен жизни не только в идейном, но и в физиологическом существовании» (переливание крови) [2, с. 159].

Э. В. Ильенков, развивая критические положения Г. В. Плеханова и А. М. Деборина о неспособности А. А. Богданова поставить и решить проблему развития, утверждал, что социалистическое общество, представленное в «Красной звезде» находится в состоянии застоя. «Итак, внутри общества, в сфере взаимоотношений между людьми, царит полное, почти абсолютное равновесие. Все противоречия исчезли, а различия находятся на грани исчезновения. Они сведены до необходимого минимума» – писал он [3, с. 65].

Однако это противоречит содержанию произведения. Человечество Марса столкнулось с современной нам сложной проблемой исчерпаемости ресурсов и роста населения, которую оно пытается решить за счет освоения других планет. До полного равновесия там очень далеко. Интересно, что идеи сокращения населения и регулирования рождаемости не находят сочувствия в марсианском социалистическом обществе.

«Да ведь это и есть победа стихий. Это – отказ от безграничного роста жизни, это неизбежная ее остановка на одной из ближайших ступеней. ...Тогда станет ослабевать вера в нашу коллективную силу, в нашу великую общую жизнь. А вместе с этой верой будет теряться и смысл жизни каждого из нас, потому что в каждом из нас, маленьких клеток великого организма, живет целое, и каждый живет

этим целым. Нет! сократить размножение – это последнее, на что бы мы решились, а когда это случится помимо нашей воли, то оно будет началом конца» – говорит одна из героинь романа [2, с. 153].

Идеи пролетарской культуры, получившие отражение в романе «Красная звезда», начали осуществляться в 20-х годах в деятельности Пролеткульта и Наркомпроса. Так, например, «единая трудовая политехническая школа», которую пытались создать в 20-х годах напоминает марсианские школы, описанные А. А. Богдановым. Концепция «единой трудовой политехнической школы» сочетала производительный труд, обучение в деятельности и всестороннее развитие личности, воспитание коллективистов.

Однако в условиях советской России 20-х годов не было реальных возможностей практического осуществления этого инновационного проекта. Это привело к его различным искажениям. А. В. Луначарский писал, что «трудовая школа ... представляет собой школу, опирающуюся на вполне научно поставленное производство промышленного или аграрного характера. Поскольку наша страна еще не поднялась на ту ступень индустриализации, которая позволила бы хотя бы большинству школ иметь под собою эту производственную опору, постольку совершенная реализация марксистской трудовой школы относиться к будущему» [4, л. 55]. Коллективизм, который развивался в советской системе образования и в советском обществе 20-х годов также имел мало общего с описанным в романе А. А. Богданова.

Пророчески звучат слова одного из героев «Красной звезды», рассуждающего о трудностях перехода к социализму в земных условиях: «Но даже там, где социализм удержится и выйдет победителем, его характер будет глубоко и надолго искажен многими годами осадного положения, необходимого террора и военщины... это будет далеко не наш социализм» [2, с. 184].

Список литературы

1. Богданов А. А. Вопросы социализма // Богданов А. А. Вопросы социализма: Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. С. 295–351.
2. Богданов А. А. Красная звезда // Богданов А. А. Вопросы социализма: Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. С. 104–203.
3. Ильенков Э. В. Ленинская диалектика и метафизика позитивизма: (Размышления над книгой В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм»). М.: Политиздат, 1980. 175 с.
4. Российский государственный архив политической истории. Ф.142.Оп. 1. Д.196.
5. Русское богатство. 1908. № 3. Отд. 2. С. 148–149.

**ЭТИКА ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НЕОДНОРОДНА:
ТРАЕКТОРИИ РАЗДЕЛЕНИЯ**

Томильцева Дарья Алексеевна,

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры социальной философии
ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина»
г. Екатеринбург
e-mail: daria.tomiltseva@urfu.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о векторах проблематического расхождения внутри этики в сфере искусственного интеллекта как одного из современных направлений этической мысли. Несмотря на конвенционально принятые этические принципы, со значением которых в общем и целом согласно большинство интересантов этики в сфере искусственного интеллекта, сами способы их рассмотрения и постановка исследовательских задач достаточно сильно расходятся. В статье произведена типизация интересантов этики в сфере искусственного интеллекта. Приводится характерное для каждого типа интересантов (исследователи нормативного поля, пользователи, разработчики и т. д.) этическое требование и его практическое обоснование. Требования и обоснования интересантов в конечном счёте ведут к появлению пяти направлений этики в сфере искусственного интеллекта: «высокая» философско-этическая теория; корпоративная этика в сфере искусственного интеллекта; политическая этика в сфере искусственного интеллекта; инженерная этика в сфере искусственного интеллекта; этика автономных/интеллектуальных систем. Для каждого из выделенных направлений характерны свои исследовательские задачи, цели и специфика. Несмотря на консенсус в базовых принципах, эти направления в настоящее время расходятся, формируя собственные теоретико-методологические и понятийные аппараты.

Ключевые слова: этика в сфере искусственного интеллекта; этические стандарты; этические кодексы; системы искусственного интеллекта, этические принципы.

Сегодня этика в сфере искусственного интеллекта (далее – ИИ) – одно из самых динамично-развивающихся направлений этических исследований. Количество научных мероприятий и публикаций в этой области значительно⁸, но, как ни странно, проблемы, рассматриваемые в них, зачастую повторяются, а готовые конкретные решения со стороны гуманитарных и социальных наук, увы, появляются редко. Отчасти такое положение связано с тем, что несмотря на все инициативы и попытки совместной работы действительного конструктивного диалога между всеми сторонами, заинтересованными в этике ИИ, не происходит⁹. Кроме того, быстрое развитие технологий и идущие вслед за этим процессом социальные трансформации не дают возможности «остановиться» и выработать «итоговое решение» или рекомендацию без спешки. В результате мы имеем дело с направлением прикладной этики, которое рассматривает множество разноплановых задач, часто не в полной мере соприкасающихся друг с другом.

1. Конвенционально принятые принципы

Множество работ, посвящённых этике в сфере ИИ, выстраивается вокруг обсуждения ряда проблем и сопряжённых с ними этических принципов, признаваемых в глобальном масштабе. Одно из наиболее полных их описаний представлено в Белой книге надёжного ИИ (White Paper on Trustworthy Artificial Intelligence), выпущенной в 2021 г. Китайской академией информационных и коммуникационных технологий¹⁰. Так, на 11 странице англоязычного перевода Белой книги показаны одиннадцать этических принципов, выявленных при анализе существовавших на момент проведения исследования 84 документов, регулирующих ИИ, частоту их присутствия в документах и соответствующие им ключевые слова. Авторами были выделены следующие принципы: прозрачность, справедливость и непредвзятость,

---

⁸ Детальный проблематический и наукометрический анализ иноязычных исследований в области этики ИИ см. [9].

⁹ Более того, философы выявляют не самые приятные феномены, возникающие в складывающихся вокруг ИИ этических практиках, навреде «отмывания этикой» или «обесценивания этики» [8].

¹⁰ (China Academy of Information and Communications Technology (CAICT; 中国信息通信研究院; 中国信通院) CAICT) [16].

непричинение вреда, ответственность, приватность, деятельность во благо, свобода и автономия, доверие, устойчивость, достоинство, солидарность¹¹. В том или ином виде данные этические принципы освещаются не только в научных публикациях, но и в СМИ [7], приобретая форму конвенционально принимаемых представителями различных, даже совершенно далёких от технологий и этических теорий сообществ. Трансформируясь в конкретные исследовательские проблемы, например, «как обеспечить приватность и конфиденциальность при работе с данными», данные принципы оказываются включёнными в задачи, решаемые интересантами этики в сфере ИИ.

2. Интересанты этики в сфере ИИ

Условно всё множество сторон, отстаивающих свои интересы в этике в сфере ИИ, мы можем типизировать следующим образом: Исследователи нормативного поля (этики, философы, юристы); Пользователи (различные профессиональные сферы); Разработчики (профессиональное сообщество); Разработчики (ИТ-компании, корпорации); Государственные структуры; Международные организации. Каждая из сторон имеет своё практическое обоснование требований, предъявляемых к этике ИИ.

Таблица 1

Интересанты этики в сфере ИИ

Интересант	Практическое обоснование
Исследователи нормативного поля (этики, философы, юристы)	<ul style="list-style-type: none"> Этика не существует «вообще», внеконтекстно. Решения или рекомендации предлагаются в соответствии с конкретной теоретико-методологической позицией и с учётом анализа и требований ситуации.
Пользователи	<ul style="list-style-type: none"> Этика необходима для того, чтобы сделать пользовательский опыт безопасным, прозрачным, эффективным и предсказуемым. Градация по отраслям / контекстам использования систем ИИ.

¹¹ Отметим, что выделенные принципы в той или иной форме встречаются и в российском кодексе этики в сфере ИИ [6].

Разработчики (профессиональное сообщество)	<ul style="list-style-type: none"> • Этика требуется для осуществления рабочих процессов. • Этика универсальна и доступна. • Этические принципы понятны, объяснимы и универсальны. • Этика формализуема. • Обеспечение международного профессионального сотрудничества Широкие и неконкретные формулировки. «Гибкость» требований.
Разработчики (ИТ-компания, корпорации)	<ul style="list-style-type: none"> • Приоритет коммерческих интересов. • Максимизация прибыли. • «Отмывание этикой». • Формирование доверия. Обеспечение международного сотрудничества.
Государственные структуры	<ul style="list-style-type: none"> • Технологический суверенитет. • Экономическая привлекательность. • Политическая выгода. Политический контроль.
Государственные структуры	<ul style="list-style-type: none"> • Обеспечение доверия. Соблюдение базовых моральных норм.
Международные организации	<ul style="list-style-type: none"> • Защита прав и свобод, чести и достоинства человека. Предотвращение несправедливости и дискриминации.
Международные организации	<ul style="list-style-type: none"> • Защита прав и свобод, чести и достоинства человека. Предотвращение несправедливости и дискриминации.

Базовые этические принципы, о которых мы упоминали в предыдущем параграфе, становятся основанием для организации диалога между указанными интересантами, и в то же время – точкой расхождения между ними. Поскольку в действительности следует говорить не просто о дискуссии, возникающей между различными интересантами, а о развитии отдельных направлений этик в сфере ИИ, внутри каждой из которых формируются свои собственные понятийный аппарат, терминология и комплекс решаемых проблем.

3. Направления этики в сфере ИИ

Исходя предлагаемых интересантами практических обоснований к этическим требованиям, в настоящее время можно выделить по крайней мере пять направлений (векторов расхождений) внутри этики в сфере ИИ: «Высокая» философско-этическая теория; Корпоративная этика в сфере ИИ; Политическая этика в сфере ИИ; Инженерная этика в сфере ИИ; Этика автономных / интеллектуальных систем. Рассмотрим каждое из них чуть более подробно.

1) «Высокая» философско-этическая теория – это научное направление, объединяющая в себе множество достаточно разнородных подходов и течений (см., напр., [9], [13]) общим между которыми является предмет осмысления – то есть, системы искусственного интеллекта и многообразие человеческих отношений, складывающихся вокруг них. Отвлечённые и порой совершенно «оторванные» от технических характеристик изучаемого предмета исследования, развивающиеся в рамках данного направления, позволяют обнаружить неочевидные аспекты феноменального, культурного, социального и т. п. становления, развития и влияния на мир систем ИИ. Проводимые исследования в достаточно малой степени ориентированы на получение прикладного или практически-значимого результата. Однако некоторые исследовательские вопросы, поднимаемые в данном направлении, пересекаются с проблематикой инженерной этики в сфере ИИ и исследованиями в области этики автономных/интеллектуальных систем (см., напр. [4]).

2) Корпоративная этика в сфере ИИ – в рамках данного направления решаются вопросы, возникающие внутри IT-корпораций и разрешаемые (как указывают критики, см., напр. 8]) в интересах IT-корпораций. В исследовательской оптике данного направления оказываются прежде всего человеческие отношения и процессы управления, а также организации деятельности, возникающие вокруг разработки, внедрения и применения систем ИИ (см., например, [12], [15], [1]). Данное направление ориентировано прежде всего на выработку конкретных

решений и «работающих» методологий, например оценок этических рисков, закрепляемых во всевозможных кодексах и стандартах¹².

3) Политическая этика в сфере ИИ – в данном направлении формируются базовые принципы, которыми задаются «границы дозволенного» в контексте разработки и применения систем ИИ в рамках конкретного государства или международных сообществ [2]. Таким образом, принципы и положения, закрепляемые в различных кодексах и регламентах на государственном уровне нередко оказываются более жёсткими, нежели на корпоративном, что нередко приводит к расхождениям в понимании правовых и этических норм, регулирующих деятельность в сфере ИИ между государством (или иными политическими образованиями) и IT-корпорациями. Такое положение можно проиллюстрировать, в частности, несколькими исками, подаваемыми Евросоюзом к Google. Поскольку развивающиеся в рамках данного направления регуляторные принципы оказываются более жёсткими, возможно предполагать возникновение ситуации «размывания» между этикой и правом в сфере ИИ.

4) Инженерная этика в сфере ИИ – данное направление предполагает как исследование и стандартизацию принципов проектирования систем ИИ, так и регулирование отношения людей – инженеров, проектных групп – по поводу разработки и проектирования систем ИИ. Рекомендации, формируемые в рамках данного направления, и готовые решения, предлагаемые в нём, конкретны, универсальны и объяснимы (См., напр., [18]). Работа над стандартами требует взаимодействия как технических специалистов, так и привлечения гуманитариев (этиков и философов прежде всего). Готовые рекомендации в свою очередь необходимы для организации рабочих процессов, и таким образом, данное направление сближается в некоторых своих аспектах как с корпоративной этикой в сфере ИИ, так и с «высокой» философской теорией. В качестве примера в рамках данного направления можно привести стандарты IEEE [11], [10].

---

¹² См., например, кодексы, размещённые на сайте Альянса в сфере Искусственного интеллекта. URL: <https://ethics.a-ai.ru/> (дата обращения: 15.01.2026).

5) Этика автономных / интеллектуальных систем – данное направление возникает на пересечении «высокой» теории и инженерной этики [3]. В нём рассматриваются как конкретные вопросы и аспекты проектирования и применения таких систем, разрабатываются методики их тестирования «на этичность» [17], и т. п., так и более сложные и общие теоретические вопросы, наподобие возможности существования искусственных моральных агентов (См.: [14], [5]). Если практические исследования, разрабатываемые в рамках данного направления, позволяют достаточно эффективно решать поставленные прикладные задачи, то на теоретическом уровне учёные, особенно философы и этики, приходят к подчас диаметрально-противоположным ответам, предложенным техническими специалистами.

Заключение

Итак, рассмотренные нами направления в этике в сфере ИИ – достаточно разнородны. Решая узконаправленные задачи, оперируя специфическим методологическим и понятийным аппаратами, данные направления расходятся друг с другом всё дальше, несмотря на консенсус в понимании базовых этических принципов. Возможно, что впоследствии мы будем иметь дело с несколькими отдельными исследовательскими дисциплинами, тогда как «этика в сфере ИИ» останется лишь в качестве напоминания о существовавшем некогда зонтичном термине.

Список литературы

1. Абрамова А. Гуров О., Звягинцев М., Панкова К., Ляпин И., Сажин А. Оценка этических аспектов искусственного интеллекта в деятельности малого и среднего бизнеса. Москва: Центр искусственного интеллекта МГИМО, 2024. 1–94 с. URL: <https://aicentre.mgimo.ru/assessment2024> (дата обращения: 14.01.2026).
2. Алексеев А. П., Алексеева И. Ю. Статус этических кодексов в этике искусственного интеллекта // Информационное общество. 2024. № 4. С. 43–49.
3. Алексеева И. Ю. Этика искусственного интеллекта как прикладная этика // Философия и общество. 2024. Т. 06. № 3. С. 69–85. DOI: 10.30884/jfio/2024.03.06

4. Гарбук С. В., Углева А. В. Автоматизированные интеллектуальные системы: этический и нормативно-технический подходы к регулированию // Человек. 2024. Т. 35. № 4. С. 97–116. DOI: 10.31857/S0236200724040067

5. Игнатъев А. Г. Этико-философские проблемы проектирования искусственного морального агента // Этическая мысль. 2024. Т. 24. № 1. С. 87–100. DOI: 10.21146/2074-4870-2024-24-1-87-100

6. Кодекс этики в сфере ИИ // Альянс в сфере искусственного интеллекта, 2021. 18 с. URL:

https://ethics.a-ai.ru/assets/ethics_files/2025/05/23/Кодекс_этики_20_10_1_уKu2UtZ.pdf (дата обращения: 12.01.2026).

7. Сычев И. Этика и безопасность искусственного интеллекта // Хабр. URL: <https://habr.com/ru/companies/inferit/articles/745230/>. (дата обращения: 13.01.2026).

8. Bietti E. From Ethics Washing to Ethics Bashing: A Moral Philosophy View on Tech Ethics // J. Soc. Comput. 2021. Т. 2. № 3. С. 266–283.

9. CAICT. White Paper on Trustworthy Artificial Intelligence. , 2021. 21 с.

10. Ghosh M. Artificial intelligence (AI) and ethical concerns : a review and research agenda // Cogent Bus. Manag. 2025. Т. 12. № 1. С. 1–24.

11. Helm P., Gerlek S. Empirical AI Ethics: Reconfiguring Ethics towards a Situated, Plural, and Transformative Approach Paula Helm, University of Amsterdam; Selin Gerlek, University of Amsterdam. , 2025. 1–27 с.

12. Joshi P., Mandal K., Gaur G. Philosophy and Ethics in the Age of Artificial Intelligence: Bridging the Gap between Technology and Human Values // J. Inf. Syst. Eng. Manag. 2025. Т. 10. № 4. С. 350–363.

13. Karpov V. E. Can a robot be a moral agent? // Artificial Intelligence. RCAI 2020. Lecture Notes in Computer Science. Moscow: Springer, 2020. С. 61–70.

14. Sharma R. и др. Corporate Governance and AI Ethics: A Strategic Framework for Ethical Decision-Making in Business // J. Inf. Syst. Eng. Manag. 2025. Т. 10. С. 61–69.

15. Zarapin O. и др. The Dialogue with Digital Socrates: Loss of Intellectual Virtue // 2025 IEEE Ural-Siberian Conference on Biomedical Engineering, Radioelectronics and Information Technology (USBREIT). Yekaterinburg: , 2025. С. 85–88.

16. Zimin E., Saichik E., Arkhipov N. Dual-LLM Architecture for Ethical Content Generation // 2025 IEEE Ural-Siberian Conference on Biomedical Engineering, Radioelectronics and Information Technology (USBREIT). 2025. С. 288–291.

17. Абрамова А. и др. Оценка этических аспектов искусственного интеллекта в деятельности малого и среднего бизнеса. Москва, 2024. С. 1–94.

18. Алексеев А. П., Алексеева И. Ю. Статус этических кодексов в этике искусственного интеллекта // Информационное общество. 2024. № 4. С. 43–49.

19. Алексеева И. Ю. Этика искусственного интеллекта как прикладная этика // Философия и общество. 2024. Т. 06. № 3. С. 69–85.

20. Гарбук С. В., углева А. В. Автоматизированные интеллектуальные системы: этический и нормативно-технический подходы к регулированию // Человек. 2024. Т. 35. № 4. С. 97–116.

21. Игнатъев А. Г. Этико-философские проблемы проектирования искусственного морального агента // Этическая мысль. 2024. Т. 24. № 1. С. 87–100.

22. Сычев И. Этика и безопасность искусственного интеллекта. URL: <https://habr.com/ru/companies/inferit/articles/745230/>.

23. ETHICALLY ALIGNED DESIGN. , 2019. 1–263 с.

24. IEEE Std 7000^{TM}-2021, IEEE Standard Model Process for Addressing Ethical Concerns during System Design. , 2021.

25. Кодекс этики в сфере ИИ. 2021. 18 с.

ЦИФРОВАЯ ДЕКОНСТРУКЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ АДАМА СМИТА: ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Шамиурин Алексей Андреевич,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии
и гуманитарных дисциплин

института истории и социологии,

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

г. Ижевск

e-mail: shamshurinuds@gmail.com

Аннотация. В статье предпринимается попытка рассмотреть смысл экономики в новой цифровой эпохе. Для этого автор обращается к началу экономической науки – идее рынка А. Смита. Актуальность исследования продиктована необходимостью осмыслить существование цифровой экономики и преодолеть абстрактно-одностороннее представление о ней: во-первых, как объективно детерминированного этапа экономического развития, во-вторых, как произвольного продукта субъективной воли. Цель работы заключается в определении онтологического статуса цифровой экономики в контексте исторической динамики всеобщей экономики. Методологическую основу исследования составляет деконструкция экономической сферы через категории диалектики Гегеля-Маркса, а именно: всеобщее, особенное, единичное. В результате исследования установлено, что цифровая экономика представляет собой особенное историческое состояние всеобщей экономики, возникшее как общее благо личных интересов. Легитимность цифровой экономики обусловлена её способностью выступать в качестве представления блага для человеческого сообщества; утрата данного качества означала бы её историческую трансформацию и переход к иным формам экономической организации. В работе реконструирована диалектическая связь всеобщего и личных интересов, а также показан генезис экономики как науки через отделение сферы экономики от политической сферы. В заключение обосновывается, что смыслом существования цифровой экономики выступает её особенная возможность реализации базовой склонности человека к обмену через использование цифровых технологий, способных преодолеть естественно ограниченные размеры рынка.

Ключевые слова: социальная философия, всеобщее, особенное, единичное, А. Смит, склонность к обмену, цифровая экономика.

Так получилось, что мы оказались свидетелями появления цифровой эпохи. Это требует от нас приложить усилия к переосмыслению того, что уже было; того, что вместе с нами встретило этот новый феномен.

Вовсе не обязательно, что на всё оказавшееся в цифровой эпохе необходимо смотреть в ракурсе цифровизации. Рефлексия рано или поздно подталкивает к мысли о том, что зачастую сама цифровизация нуждается в определении условий ее существования не меньше, чем оцифрованное сущее. И очевидным представляется, что цифровизация строго и всегда подразумевает высокий уровень развития экономики. Мы не можем вообразить себе какие-либо иные условия цифровизации/цифровой эпохи кроме тех, которые предлагает цифровая экономика. Поэтому дальнейший разговор пойдет о смысле существования экономики в эпоху digital.

Привычным считается, что экономический рост перманентно необходим. Причем как на уровне развития конкретного человека¹³, так и на уровне государств¹⁴. Будто этот рост есть причина происходящего с нами в настоящем, как субстрат всякой деятельности. Или – цель, которая как бы не требует объяснений (т. е. конечная цель), устремляющая нас в будущее. Однако в связи с таким положением дел в дискурсивной практике ответ на вопрос об определении цифровой экономики получается примерно следующим: это причина того, что сейчас происходит, или это то, к чему мы пришли. Как в отношении причины, так и в отношении цели, ответ остается малоудовлетворительным.

По существу, для нас важнее не столько определить цифровую экономику относительно ее причины или цели, сколько осмыслить является ли она для нас благом. Но опустим пока этическую оценку

---

¹³ Имеется в виду карьера, профессиональный и духовный рост, рост и развитие семьи, личностный рост, даже рост в хобби и досуге.

¹⁴ Рост ВВП, ВВП, рынков сбыта и рост других экономических показателей.

экономики: она суть благо для нас или нет? Обратим лишь внимание и уточним, что, по-крайней мере, существуют две общеизвестные рассудочные позиции по отношению к ней: со стороны причины и со стороны цели.

Первая позиция объективирует цифровую экономику и допускает только ее естественное возникновение. Звучит она так: экономика развивалась и закономерно наступил ее цифровой этап, в рамках которого в экономической деятельности индивидов начинает господствовать использование цифровых технологий и техники. Такая будто бы закономерно и объективно существующая экономика выдает себя всеобщей, то есть общей для всех. И как таковая она суть одна, – без альтернативы. Здесь не учитывается воля и интересы отдельно взятого человека, а сама экономика предстает в качестве самостоятельно существующей абстракции, нависающей над людьми.

Вторая – со стороны цели – субъективирует представления о цифровой экономике и указывает на ее противоестественность. Здесь подразумевается, что она возникла случайно, как некоторое событие, и является как бы выражением усилия конкретных индивидов, которые в каком-то смысле враждебны естественному социально-экономическому порядку и потому склонны его изменить¹⁵. В данном представлении отсутствует категория объективно всеобщего. Кажется, что личная воля и интересы отдельно взятого индивида заменяют всеобщую экономику. Однако такое представление о цифровой экономике явно преувеличивает роль субъекта, делает его – что называется – абсолютным. При этом совершенно не учитываются условия, определяющие самого субъекта и направления его действий.

На самом деле несовершенства первого и второго взглядов преодолеваются в языке К. Маркса [5] с позиции исторического материализма и гегелевской диалектики. Однако нередко встречается, что марксистские взгляды относят к первой позиции. Поэтому, преследуя свои задачи, воспользуемся языком Э. В. Ильенкова, но без непосред-

---

¹⁵ См. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. М., 2022. [3].

ственных отсылок к К. Марксу, и определим основные категории следующим образом. Под всеобщим понимается чистая экономика, объективная или всеобщая, экономика как таковая. Под категорией единичного рассматриваются сами индивиды, их личная воля и личные интересы, их эгоизм. В качестве категории особенного обозначим всеобщее в единичном как исторический этап экономической науки с его законами, предьявляющие общезначимую силу. Таким образом, особенное достигается лишь в стремлении единичного к всеобщему.

Начнем с того, что цифровая экономика не является ни всеобщей, ни единичной, то есть ее могло бы и не быть, но она возникла, а потому олицетворяет нечто особенное и исторически преходящее. В то время как всегда-уже-есть только всеобщая экономика, она суть определенным образом устроенное человеческое бытие, предьявленное как благо.

Цифровая экономика не есть необходимость, а есть то, что принадлежит самосозиданию человека и его совместной деятельности в обществе. Она – не идеал, а есть историческое состояние идеала, или определенный период существования всеобщей экономики [4]. Начало цифровой экономики, как и ее конец, представляют собой границы этого преходящего состояния, границы ее существования и не-существования.

Именно поэтому важным вопросом для цифровой экономики является вопрос о благе – это пограничный вопрос ее существования: она есть, пока она – благо. Перестать быть благом для цифровой экономики означает, по сути, ее собственный конец и исторический переход всеобщей экономики к иным состояниям, открывающим новые возможности человеческой деятельности, всегда направленной на идеал блага.

Возникает вопрос – как кажется, он часто возникает именно в такой пограничной ситуации – что такое, собственно, экономика сама по себе? Не цифровая, или (пост)капиталистическая, или еще какая-либо, а чистая экономика, которой не существует на деле, но которая определяется в различных особенных состояниях, то одеваясь в один

наряд, то снимая его, уже передевается в другой? Что есть идея экономики, ее постоянство, субстанция? Другими словами, о чем мы говорим, когда говорим об экономике?

Подходя к вопросу, обнаруживается множество исследований. Но это множество так или иначе признает одно начало, открывающее форму для последующей индивидуации. Традиционно в таком амплуа выступает Адам Смит. Согласно распространенному убеждению, именно он в своем труде «Богатство народов» [6] закладывает теоретический фундамент экономики, или – с него начинается экономика как наука.

Нет никакой потребности подробно пересказывать «Богатство народов». Однако имеет смысл реконструировать его представления, при этом обращая особое внимание на то, чтобы по возможности не смешивать всеобщее и особенное, не путать всеобщую экономику с объективированной особенной экономикой, которая только лишь кажется действительно объективной, а на деле отвлекаясь от субъекта, является абстрактно-односторонней.

Чтобы рассмотреть цифровую экономику сосредоточимся на всеобщей экономике, как на безусловном основании и начале первой, переосмысляя ее не с позиции цифрового ракурса данного обусловлено и эмпирически, который сам нуждается в объяснении условий, а с этической позиции, ведь, как уже утверждалось, цифровая экономика существует как то, что сегодня исторически выступает под именем блага, или состоянием всеобщей экономики.

Выявляя всеобщую экономику, а не капиталистическую – современную жизни А. Смита, прежде всего, стоит обратить внимание на исток этой мысли у Аристотеля. В первой книге «Политики» экономика определяется в качестве «господской» науки управления хозяйством [2, с. 387]. В таком определении экономика практически не отделяется от сферы политики и политической деятельности. Тогда нет никакой объективной экономической силы, а значит, нет законов экономики. Но что тогда есть? Есть нравственность и добродетели, которые являются определяющими для любого политика, поскольку всякая их деятельность должна иметь направленность на благо, что также встречается в «Никомаховой этике» [1].

Как отдельная область научного знания экономика зарождается благодаря профессору нравственной философии А. Смиту. Он отделяет сферу экономики от политической сферы. Это отделение достигается, говоря категориями Гегеля-Маркса, обнаружением всеобщего в единичном, то есть выявлением особенного. Иначе говоря, в политическом стремлении индивидов к общему благу проявляются экономические законы благосостояния. Так мы говорим о политической экономии.

Вместе с этим, обозначается сфера, где действует это всеобщее, иначе говоря – где действуют объективные законы. Эти законы указывают на определенную силу этой сферы, которая имеет значение для всех, то есть имеет общезначимый универсальный характер. Она – сфера – и образует экономику как науку.

Здесь вырисовывается следующая структура. 1. Благосостояние имеет причину в разделении труда. Точнее сказать, законы благосостояния есть, собственно, законы разделения труда. Они тождественны. 2. Разделение труда находит свое основание в человеческой склонности к обмену. 3. Эта склонность к обмену предьявляется всеобщим в единичном интересе конкретного человека, или общим благом в личном интересе индивида. Склонность к обмену – причина самой себя. Здесь общее благо, разделение труда, личный труд, денежный обмен и интересы индивидов схлопываются. Человек не делает все сам, а стремится сотрудничать и обмениваться продуктами труда [6, с. 76-78]. Поэтому разделение труда реализуется только в возможности обмена, которую иначе можно назвать размерами рынка [там же, с. 79]. Склонность к обмену – это несменяемая форма, или искомое всеобщее, или, другими словами, изначальная структура сознания, которую обосновывает А. Смит. А возможность обмена – материя, в которой эта склонность/форма реализуется. То есть возможность обмена является особенной и всегда исторически данной.

В этом смысле экономическая наука утверждает, что у каждого человека есть личные интересы, и они определяются во всеобщем (склонность к обмену), как особенные. Личные интересы к благу невозможны вне всеобщего интереса. Без него они неизвестны самому человеку и не имеют значения. Но и всеобщий интерес к благу невозможен без единичных интересов, сам по себе он неопределим.

Друг без друга они абстрактны, вырваны из истории, непредставимы в языке. Их соединение есть рынок, именно в нем обнаруживаются все три ипостаси: всеобщее как невидимая рука рынка/божественная рука, единичное как индивид, имеющий свой личный интерес, и особенное как возможность обмена, как реализация склонности в обмене.

Каждый человек в отдельности не может надеяться на то, что его личные интересы будут диктовать всеобщий интерес. Поэтому последнее оказывается объективно существующим и предьявляет некую силу, с которой должен считаться человек. Здесь возникает потребность в том, чтобы каждый индивид потенциально становился экономистом. Аристотель утверждает, что человек – политическое существо [2, с. 379]. Тогда А. Смит утверждает, что человек – экономическое существо.

Таким образом, существование цифровой экономики обусловлено её способностью выступать в качестве блага для человеческого сообщества. Ее смысл определяется не формальной необходимостью, а ценностной значимостью. Утрата этого качества означала бы исторический переход к иным формам экономической организации, открывающим новые возможности для достижения идеала блага. Суть цифровой экономики заключается в том, что она приобщает личный интерес к всеобщему, используя новые цифровые технологии, способные преодолеть естественно ограниченную возможность обмена и по-новому реализовать склонность к обмену.

Список литературы

1. Аристотель. Никомахова Этика // Сочинения в 4-х тт. Т. 4 / Аристотель / Пер. с древнегреч.; общ. ред. А. И. Доватура. М.: Мысль, 1983. С. 53–294.
2. Аристотель. Политика // Сочинения в 4-х тт. Т. 4 / Аристотель / Пер. с древнегреч.; общ. ред. А. И. Доватура. М.: Мысль, 1983. С. 375–644.
3. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / пер. с англ. А. Ф. Васильева; под ред. Я. Охонько и А. Смирнова. М.: Издательство Института Гайдара, 2022. 784 с.
4. Ильенков Э. В. Идеальное // Философская энциклопедия. Т. 2. С. 219–227.

5. Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений (1 глава «Немецкой идеологии») // Избранные произведения. В 3-х тт. Т. 1. М.: Политиздат, 1985. С. 4–76.

6. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / пер. с англ. П. Клюкина. М.: Эксмо, 2016. 1056 с.

ФАКТОРЫ УСПЕШНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ЧЕЛОВЕКА И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Шляпников Виктор Валерьевич,
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии и социальных наук,
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Государственной про-
отивопожарной службы МЧС России
им. Героя РФ генерала армии Е.Н. Зиничева»
г. Санкт-Петербург
e-mail: shlyapnikovv@mail.ru

Аннотация. Взаимодействие человека с искусственным интеллектом сегодня происходит во многих областях. Оно предполагает объединение сильных сторон человека и технологии: человек привносит креативность, понимание контекста и эмпатию, искусственный интеллект обеспечивает скорость, анализ данных и распознавание образов на таком уровне, который недоступен человеку. Для того, чтобы это взаимодействие было успешным, необходимы доверие к технологии, ее приемлемость и удобство в использовании, четкое распределение ролей и обязанностей между человеком и искусственным интеллектом, адаптация систем искусственного интеллекта к изменяющимся требованиям путем постоянного мониторинга, тестирования и корректировки.

Ключевые слова: искусственный интеллект, объяснимый искусственный интеллект, человеко-машинное взаимодействие, человекоцентричная технология.

Сотрудничество подразумевает общение, взаимопонимание, доверие, а зачастую и эмоции. Но что произойдет, если «коллега» вдруг окажется не человеком, а искусственным интеллектом? Система, доступная круглосуточно, не имеющая собственного мнения, интуиции, и при этом обладающая поразительной мощностью? Искусственный интеллект (ИИ) – это не мыслящее существо. У него нет собственных целей, ценностей, сознания. Он ничего не чувствует и принимает решения не на основе убеждений, а исключительно на основе данных.

Настоящее сотрудничество начинается только тогда, когда человек осознанно взаимодействует с ИИ, рассматривает его предложения, консультируется с ним, целенаправленно использует его и интегрирует результаты в свою повседневную деятельность.

Искусственный интеллект не обладает жизненным опытом и пониманием нюансов. Вот тут и вступает в игру человек, обладающий всеми способностями, которых не хватает ИИ: креативностью, интуицией, эмпатией, этическим мышлением и способностью принимать взвешенные решения даже в условиях неопределенности. Человек может рассматривать информацию в более широком контексте, распознавать противоречия и читать между строк. Он может действовать, основываясь на опыте, оценивать эмоции, интерпретировать ситуации, и иногда сознательно принимать решения вопреки тому, что подсказывают «данные».

Эти различия не являются противоречием, а представляют собой прекрасную возможность. Там, где заканчиваются сильные стороны искусственного интеллекта, начинаются сильные стороны человека, и наоборот. Системы искусственного интеллекта могут облегчить человеку задачу, подготавливая данные, предлагая варианты или автоматизируя процессы. Они могут предоставить человеку информацию, которую он мог бы иначе упустить из виду. Человек, в свою очередь, обладает способностью оценивать эту информацию, помещать её в правильный контекст и принимать решение, которое не только математически обосновано, но и оправдано с человеческой точки зрения. Это создает новую форму разделения труда: ИИ проводит анализ, человек берет на себя задачу контекстуализации, ИИ предлагает варианты, человек выбирает, основываясь на знаниях, опыте и социальном суждении, ИИ работает, человек творит.

Представляется, что можно выделить следующие существенные факторы успешного сотрудничества человека и искусственного интеллекта:

– *Укрепление доверия.* Доверие – основа любого успешного сотрудничества, в том числе и взаимодействия с искусственным интеллектом. Но доверие к технологии не возникает само по себе, потому

что доверие всегда требует прозрачности и понимания. Это не означает, что каждый должен понимать программный код, но принципы работы системы должны быть ясно изложены. Так называемый принцип «объяснимого ИИ» [2; 3] подразумевает, что пользователю не нужно слепо доверять технологии, но он может сам оценить надежность рекомендаций или решений. Таким образом создается основа для ответственного использования ИИ. Доверие растет с опытом. Чем чаще человек сталкивается с реальной поддержкой ИИ, связанной, например, с экономией времени, предоставлением более эффективных инструментов принятия решений или получением новых знаний, тем охотнее он готов к сотрудничеству.

– *Человекоцентричный дизайн.* Ориентированный на человека подход к разработке искусственного интеллекта предполагает создание систем ИИ, которые дополняют и расширяют (а не заменяют) возможности человека, а также соответствуют его целям, ценностям и потребностям. Успех в данном случае измеряется не только техническими характеристиками, но и тем, насколько технология понятна и удобна для использования в повседневной жизни, насколько хорошо она служит человеку и способствует его благополучию [5].

– *Распределение ролей и обязанностей.* Четкое распределение ролей и обязанностей – это не признак недоверия к технологии, а необходимое условие для безопасного взаимодействия [1; 4]. Потому что только когда человек точно знает, какое влияние ИИ оказывает на его решения, он может относиться к нему ответственно. Нечеткое распределение обязанностей, с другой стороны, может приводить к тому, что рекомендации ИИ либо слепо принимаются, либо рефлексивно игнорируются человеком, что представляет серьезную опасность.

– *Постоянный мониторинг и адаптация.* Искусственный интеллект представляет собой динамичную систему, которая развивается с каждым новым объемом данных. Система искусственного интеллекта, идеально функционирующая сегодня, может устареть через полгода. Поэтому важно адаптировать ее к новым требованиям путем постоянного тестирования, дополнительного обучения, расширения источников данных или корректировки логики принятия решений [6].

Список литературы

1. Батурин Ю. М. О построении стандартов искусственной этики роботов // Социология науки и технологий. 2024. Т. 15. № 4. С. 7–22.
2. Райков А. Н. Субъектность объяснимого искусственного интеллекта // Философские науки. 2022. Т. 65. № 1. С. 72–90.
3. Caruano N., Fenza G., Loia V., Stanzione C. Explainable Artificial Intelligence in CyberSecurity: A Survey // IEEE Access. 2022. Vol. 10. P. 93575–93600. DOI: 10.1109/ACCESS.2022.3204171
4. Lindgren H. Emerging Roles and Relationships Among Humans and Interactive AI Systems // International Journal of Human–Computer Interaction. 2025. Vol. 41. № 17. P. 10595–10617.
5. Schmager S., Pappas I.O., Vassilakopoulou P. Understanding Human-Centred AI: a review of its defining elements and a research agenda // Behaviour & Information Technology. 2025. Vol. 44. № 15. P. 3771–3810
6. Yampolskiy R. V. On monitorability of AI // AI and Ethics. 2025. Vol. 5. P. 689–707.

ПРОБЛЕМЫ ТЕХНИЧЕСКОГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ТЕЛА

Уржумцева Наталья Александровна,
аспирант доцент кафедры философии
и гуманитарных дисциплин института истории и социологии,
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
г. Ижевск
e-mail: natalia.urjuntseva@yandex.ru

Научный руководитель:

Полякова Наталья Борисовна
кандидат философских наук, доцент,
заведующая кафедрой философии
и гуманитарных дисциплин института истории и социологии,
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
г. Ижевск

Аннотация. В статье рассматривается проблема технологического совершенствования человеческого тела. Для разрешения данной проблемы предлагается рассмотрение тела с двух позиций: общенаучная и христианская традиция. С точки зрения медицины, тело человека патологически больное, значит несовершенно. Тело, лишенное самости и агентности, является корпусом медицинского знания. Обращение к биотехнологиям позволяет восполнить выявленное несовершенство. Религиозная христианская философия как понимание изначально совершенного тела.

Ключевые слова: тело, технология, совершенное, несовершенно, мышление, медицина.

Современная цивилизация прославилась тем, что породила и порождает технологии. Технологии проникают во все сферы современной жизни, включая науку, медицину, информационные технологии.

Само слово «технология» происходит от греческих понятий «tech-nos», что в переводе означает «искусство», «ремесло» и «logos» «учение», «наука». В совокупности этих понятий, технология – это совокупность методов, инструментов и процессов, которые используются для создания искусственных объектов. Целью технологий является

улучшение и решение практических задач человека и человечества в целом. В широком смысле технология – это применение научного знания для решения практических задач. В узком смысле технология означает способ решения конкретной задачи. Значит, технологии призваны найти наиболее эффективное решение проблемы с целью преобразования или улучшения.

Несомненно, что и медицинские биотехнологии рождаются для решения человеческих проблем. Значит, цель технологии – это улучшение. Спецификой использования медицинских технологий является живое – человек. Человек как сложное образование, включает две неотъемлемые составляющие: тело и мышление как индивидуальная характеристика человека.

Медицина, имея доступ к телу человека, обнаружила отличное от установленной медицинской нормы состояние – патологию или изъян тела. Для достижения объективности медицинских представлений, медицина полностью аннулировала индивидуальные характеристики человека. Это позволило медицине привести понятие «тело» к одной форме с общими признаками и одинаковыми стандартами. «Хирургическое вмешательство» в человека как целостное образование привело к рождению медицинского «пустого» тела. Тело как корпус медицинского знания, место для наполнения и дальнейшего восполнения установленного несовершенства тела. Значит, говоря о медицинских технологиях, речь идет об улучшении тела человека. Человеческое тело стало полигоном современной медицины.

Стремление к улучшению заступило за непозволительную черту. В 2020 году лауреатами Нобелевской премии по химии стали Э. Шарпантье (Германия) и Д. Даудна (США) за открытие в 2012 году технологии редактирования генов. Спустя несколько лет, это исследование превратилось в движущую силу современных наук и биотехнологий. Данная технология открыла возможность изменять геномы ныне живущих людей. В октябре 2018 года Хэ Дзянкуй, китайский биофизик и биотехнолог осуществил «выход за пределы». В опубликованном докладе сообщалось о рождении близнецов, геном которых, отредактирован на эмбриональной стадии [3].

Можно сказать, что биотехнологии несут собой множество перспектив, они также открывают огромный потенциал для изменения природы человечества, что входит в противоречие с поставленными границами данной природы. Значит, современные технологии уже не идут следом за природой, как, например, селекция. Современные технологии меняют наши признаки, понимаемые как видовые отличия от других существ. «В изменении собственной природы выходит на первый план власть ныне живущих поколений над последующими поколениями, которые получают наши преобразованные гены в качестве своей наследственной природы» [5]. И это не единственный пример, несущийся лавины медицинских преобразований.

Несомненно, появление NBIC-конвергенции сулит человечеству ускорение научно-технического прогресса. Хотя, развитие био- и нанотехнологий ведет к стиранию граней между живым и неживым. Так как, непрерывно реализуются усложняющиеся конструкции – от простых механических наноустройств до живых существ. Это указывает на то, что данные технологии могут иметь и разрушительные последствия масштаба «взрыва ядерной бомбы». Само явление слияния информационных технологий, биотехнологий, нанотехнологий и когнитивной науки влечет за собой мировоззренческие проблемы человека. Например, развитие когнитивного направления позволяет качественно изучать мозг человека. В тоже время, это позволит осуществить всестороннее компьютерное моделирование, включая симуляцию разума, личности, сознания.

Применение интратрикортикального интерфейса «мозг-компьютер» позволяет улучшить память посредством постоянно напоминания о фиксации увиденного и услышанного. Результатом такого воздействия является формирование новой нейронной активности. Но, использование данных алгоритмов необходимо постоянно обновлять, а значит оказывать когнитивную поддержку. То есть, наряду с искусственно сформированной нейронной связью, человек обречен на постоянную когнитивную поддержку из-вне.

С точки зрения, NBIC-конвергенции, человек рассматривается как «гибрид» сочетание природного и технологического. Человек ста-

новится зависим от технологии, образуется сцепка человек-технология. Требуется обнаружить изъян, чтобы стимулировать тот или иной орган в теле человека для получения результатов. Формируется новая сцепка изъян-стимуляция. Значит, само тело человека является несовершенным и неспособным, требуется постоянно исправлять, помещая туда искусственные объекты. Больше нет необходимости трудиться для понимания и освоения человеком данной ему природы. Человеку показали возможность достижения мнимого совершенства.

Теперь, «главной особенностью технологий является то, что они направлены не столько на изменение окружающей среды и средства производства, сколько на трансформацию самого человека, его сознания и природы, то есть самой его сущности» [4]. Человечество, столь стремящейся к технологиям, рискует увлечься «антисептикой» генотипов, начав с «младенцев на заказ» и продолжив созданием новых человеческих типов, включая новое совершенное человеческое тело.

Выше сказанное, позволяет понять, что технологии формируют и усиливают стремление к мнимому совершенству. Полагаясь на технологии, как способа совершенствования своего тела, человек отказывается трудиться, например: над формированием своего мировоззрения. В силу медицинского понимания, отказ от пользования какой-либо части тела ведет к исчезновению рефлексов, а потом и полной потери части тела. Это понимание применимо и в отношении отказа от использования индивидуального способа мышления. Безразличное существование человека.

Если, остаться в иллюзии совершенства, то все человеческое нутро будет бунтовать. «То, на что способно человеческое тело еще никто не определил» [1]. Значит, прежде чем искать подмену, требуется осмыслить, что в действительности дано человеку и как это данное использовать.

Русская христианская традиция рассмотрения тела человека представлена в трудах многих известных отечественных философов, в том числе в работах В. С. Соловьева: «человек – венец мироздания». В соответствии с библейским текстом Ветхого завета, изначально человек

создан венцом творения Бога. Венец творения – совершенство. В чем его совершенство? Человек получил дар бесценной жизни, вместе с тем, тело как храм, куда помещена жизнь. Тело как уникальный помощник, посредством которого мы перемещаемся из одной точки в другую, преодолеваем расстояния, выполняем целый спектр действий. Нам дана, душа как смыслообразующая составляющая, и вместе с тем способность формировать смысл своего существования. И в этом наша индивидуальная ответственность.

Отказ нести ответственность перемещает человека в раба технологий по совершенствованию. Этимология слова «раб» означает отрицание телесного начала. Значит, «раб» созвучно смерти.

Совершенный человек наделен ценнейшими ресурсами мышления, способностью видеть, слышать, воспринимать информацию, анализировать, принимать решения и т. д. Список дарений Творца довольно обширный. Можно сказать, что человеку дано «ВСЕ» в пользование для использования во имя блага, включая совершенное тело.

«Вторжение» в телесное пространство неизбежно ставит под сомнение представление о самости и уникальности природы человека. Возникает вопрос, что требует преобразования в совершенном творении? «Если человечество хоть раз испытало нечто (например, честь), оно не может это забыть, как орган, в котором оно рождается, в тех качествах, которые ему почему-то ценны» [2]. То есть, если бы человек испытал подлинную благодарность за то, чем он наделен и стал бы использовать дарованные ресурсы во благо себе и тому, кто рядом в совместном бытии, то благодарность как необходимый орган заполнило бы тело-всего-человечества.

Список литературы

1. Мамардашвили М. К. Беседы о мышлении. Курс лекций прочитанных студентам Тбилисского государственного университета. Изд-во «Азбука», 2023. С. 46.
2. Спиноза Б. Избранные произведения: в 2 т./ под.общ.ред. В. В. Соколова. М : Госполитиздат, 1957. Т. 1. С. 539.
3. Тищенко П., Попова О., Беялетдинов Р. Биоэтика и биотехническое освоение будущего. Логос. Т.35#5 (168) 2025.

4. Четверикова О. Н. Трансгуманизм в российском образовании. Наши дети как товар. М., 2020. 384 с.

5. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике? М.; «Весь мир», 2002. 144 с.

6. Соловьев В. С. Чтения о Богочеловечестве. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. 251 с.

ИСКУССТВО И ИНФОРМАЦИЯ. ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ В ЭПОХУ ПОЗДНЕГО КАПИТАЛИЗМА

Березкин Максим Олегович,

магистрант 2-го года обучения института искусств и дизайна,
лаборант Научно-образовательного и экспозиционного центра,
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

г. Ижевск

e-mail: maxim.berozckin@yandex.ru

Научный руководитель:

Башев Алексей Владимирович,

директор Научно-образовательного и экспозиционного центра,
старший преподаватель кафедры философии
и гуманитарных дисциплин института истории и социологии,
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
г. Ижевск;

научный консультант:

Ломаев Степан Леонидович,

кандидат физико-математических наук,
старший научный сотрудник,
ФГБУН «Удмуртский федеральный
исследовательский центр УрО РАН»
г. Ижевск

Аннотация. Цель статьи – переосмыслить тезисы В. Беньямина и Б. Арватова о технической воспроизводимости искусства через призму современных теорий позднего капитализма. Доказывается, что в цифровую эпоху капитализм адаптируется к нулевой стоимости копирования, замещая товарную форму рентной – монетизацией доступа к контенту через платформы. Этот сдвиг, анализируемый в рамках концепции позднего капитализма, усиливает, а не снимает противоречие между освободительным потенциалом технологий и капиталистическим контролем. Таким образом, актуальной политической задачей становится борьба за декоммодификацию культуры и создание альтернативных инфраструктур общего достояния.

Ключевые слова: искусство, поздний капитализм, воспроизводство, техника, массовость, рента, товар.

В начале XX века два марксистских теоретика – немецкий философ В. Беньямин и советский идеолог Б. Арватов – столкнулись с революционными изменениями в обществе, технике и искусстве. Их ключевые работы – «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» (1936) и «Искусство и производство» (1926) – содержат сходные тезисы о трансформации искусства под влиянием технологий, его массовизации и изменении социальной функции [1; 3].

Цель данной статьи – актуализировать идейное наследие Б. Арватова, выявить общность его построений с идеями В. Беньямина и применить их к анализу современных технологий, общества позднего капитализма и цифрового искусства.

Методология основана на сравнительном анализе текстов Беньямина и Арватова, а также на привлечении концепций современных авторов, таких как П. Мейсон, Т. Адорно, Н. Срничек, М. Фишер, исследующих поздний капитализм, цифровую экономику и платформенные модели распределения искусства.

Схожесть тезисов авторов может быть обусловлена их возможным интеллектуальным взаимодействием. Так философ, сотрудник Института философии РАН, А. А. Пензин, предполагает, что Беньямин и Арватов могли встречаться и обмениваться идеями в Москве, через их общего знакомого С. М. Третьякова [1, с. 161–181].

Оба мыслителя анализируют последствия технической репродукции. Беньямин отмечает, что репродукция, уступая оригиналу в «авторитете», обретает новые возможности распространения, становясь доступной в иных временных и пространственных контекстах. Уничтожение власти, принадлежащей производству искусства и его секуляризация, по Беньямину, может происходить через репродукции оригинала [3, с. 15–17]. В репродукции материальный возраст становится неуловимым, поколеблена историческая ценность и авторитет вещи [3, с. 11–15]. С этой исторической ценностью в цехах и производственных пространствах падает меновая стоимость произведения искусства и над этим размышляет Б. Арватов в 1926 году. Будучи до этого элитарным маркером власти, искусство посредством печатных машин, радио, киноаппаратуры становится массовым продуктом потребления,

превращаясь в дизайн или техническую эстетику. Как отмечали оба теоретика, техническая воспроизводимость приводит к тому, что уникальный артефакт замещается стандартизированным тиражом, предназначенным для массового потребления [1, с. 48–54]. Искусство перестает быть индивидуальным. Эта общая позиция позволяет переосмыслить их идеи через призму более поздних теорий, таких как «посткапитализм» П. Мейсона и «культурная индустрия» Т. Адорно.

В эпоху позднего капитализма, благодаря интернету, облачным хранилищам и цифровой инфраструктуре мы столкнулись с новой формой распределения и потребления искусства и информации, где копирование файлов выступает новым маркером, более совершенной и массовой репродукции.

П. Мейсон указывает, что цифровой объект (текст, изображение, музыка) может быть скопирован с нулевыми предельными издержками, что ставит под вопрос саму товарную форму и концепцию меновой стоимости [7, с. 170–176]. Оцифрованные произведения искусства, будучи информацией, обретают то же свойство бесконечной, идеальной репродуцируемости, о которой могли бы писать Беньямин и Арватов, если бы жили в эпоху распространения сети.

Это создает парадокс, в котором искусство и информация по своей форме стремятся к бесплатному распространению. Однако в мире позднего капитализма, где цифровая экономика отвечает на этот вызов, сдвигаясь от логики товара, к временному доступу, выраженному в ренте. Корпорации создают платформы (например, «Яндекс.Музыка», «Кинопоиск»), которые предлагают подписку за фиксированную плату, монетизируя не продажу копии, а аренду доступа к обширным каталогам [2]. Это превращает культурный продукт в услугу.

Для углубления анализа необходимо напрямую связать понятия экономика и искусство. Для этого мы можем использовать термин культурной индустрии Т. Адорно. Так, Адорно говорит о том, что цель индустрии стремится к товарному производству: «Кино и радиовещанию нет больше смысла претендовать на статус искусства. Тот непреложный факт, что в действительности они всего лишь бизнес...»

[11, с. 14]. Производитель искусства либо становится индивидуальным станковым производителем, образ которого критиковал Арватов, как производителя искусства для оформления стен правящего класса [1, с. 48-54]. Либо становится частью индустрии и производит эстетический продукт, который крупные корпорации, через платформы превращают в ренту [9, с. 59–64].

Однако массовая культура у Адорно представлялась стандартизированной и пассивной, а современная цифровая культура – гиперболизирована, интерактивна и основана на индивидуальном пользовательском контенте. Логика культурной индустрии, выражающаяся в монополизации и стандартизации спроса не исчезла, но была включена в инфраструктуру платформ. Немногочисленные центры производства были заменены гибкой платформенной экономикой, которые, по выражению Н. Срничека, не производят контент, а извлекают ренту, предоставляют доступ и монетизируют наше внимание и данные [9, с. 55–59]. Данные пользователя становятся сырьем для прогнозирования и формирования поведения, что увеличивает эффективность извлечения ренты с доступа. Несмотря на то что в современной теории платформенный и надзорный капитализмы часто описываются как самостоятельные формации, в контексте настоящего анализа они рассматриваются как частные, технологически обусловленные случаи позднего капитализма, концептуализированного Ф. Джеймисоном [8, с. 42, 59]. Именно его рамки позволяют понять, как большие данные и искусственный интеллект становятся инструментами системной адаптации капиталистической логики к цифровой среде.

И так, на примере сферы искусства, автор статьи считает, что именно это явление доказывает то, что современный капитализм является поздним. Это означает, что капитал стал метафорически тотальным, постоянно проникает в некапиталистическую сферу, в наше нерабочее время, желания, сны [5; 6; 11]. Это формирование капиталистической экономики, столкнувшейся с кризисом перенакопления и отсутствия внешнего пространства для расширения, перетекающее в совершенно новое посткапиталистическое состояние. Именно поэтому экономика

все больше ставит в зависимость от себя культуру и искусство, перенося их в цифровое пространство, делая более доступным и в то же время рентным. Происходит конфликт трех форм стоимости – меновая, рентная и потребительная, которая предстает в форме внерыночных отношений. Я. Варуфакис утверждает, что доминирующая экономическая логика уже изменилась: товарные отношения, характерные для классического капитализма, замещаются рентоориентированными, что знаменует наступление новой формации – технофеодализма, где цифровые платформы-сеньоры извлекают ренту с пользователей-вассалов за доступ к инфраструктуре и данным [4].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что ключевое противоречие, выявленное В. Бенямином и Б. Арватовым – между технической воспроизводимостью искусства, ведущей к снижению его меновой стоимости и потенциальной декоммодификации, и институциональными механизмами капитализма, стремящимися сохранить контроль над культурным продуктом, – обретает новую, гипертрофированную форму в эпоху позднего капитализма.

Цифровая среда, обеспечивая практически нулевую стоимость воспроизводства и глобальное распространение информации, реализует утопический потенциал массовизации искусства, о котором писали Арватов и Бенямин. Однако, как показывает исследование, капитал отвечает на этот вызов не через отрицание технического прогресса, а через его адаптацию. Модель товара замещается моделью ренты, а уникальный объект – алгоритмизированным потоком доступа. Платформы, выступая новыми инфраструктурными монополиями, не отменяют, а модифицируют и усиливают логику культурной индустрии, переводя её в регистр цифрового надзора и извлечения данных.

Таким образом, поле цифрового искусства выступает репрезентативной областью, где сконцентрированы основные противоречия позднего капитализма: между потребительной стоимостью информации как общего блага и её рентоориентированным захватом; между технологическим потенциалом освобождения и его капиталистической

инструментализацией. Это подтверждает тезис М. Фишера о способности капитализма инкорпорировать и нейтрализовывать имманентно угрожающие ему силы. [10, с. 9–27].

Следовательно, современная задача критической теории в области культуры смещается от целей секуляризации и деиндивидуализации искусства [3, с. 17–20; 1, с. 130–134], к проекту его последовательной декоммодификации и преодоления рентных отношений. Стратегической перспективой видится не отказ от цифровых технологий, а борьба за изменение режима их собственности и управления – в сторону создания альтернативных, некоммерческих инфраструктур распространения, основанных на логике общего достояния. В этом контексте, цифровое искусство, в силу своей имманентной тяги к свободной репликации, может стать не только объектом критики, но и политическим ресурсом и лабораторией посткапиталистических практик потребления и коммуникации.

Список литературы

1. Арватов Б. Искусство и производство. Сборник статей. М.: V-A-C press, 2018 184 с.
2. Башев А. В., Березкин М. О. Формирование стоимости искусства в позднем капитализме. Наука Удмуртии. 2025. № 2. С. 83–90. Библиогр.: с. 89.
3. Беньямин В. Производство искусства в эпоху его технической воспроизводимости. М.: Ад Маргинем Пресс, 2025. 112 с.
4. Варуфакис Я. Технофеодализм; пер. с англ. М.: Ад Маргинем Пресс, 2025. 304 с.
5. Крэри Дж. 24/7. Поздний капитализм и цели сна / пер. с англ. А. Васильева; под науч. ред. А. Смирнова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 136 с.
6. Лиотар Ж.-Ф. Либидальная экономика / пер. с фр. В. Е. Лапицкого; науч. ред. перевода С. Л. Фокин. М.; СПб : Изд-во Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2018. 472 с.
7. Мейсон П. Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 416 с.

8. Павлов А. Проблема легитимации капитализма в XXI веке // Социология власти Т. 33. № 1. С. 6–10.

9. Срничек Н. Капитализм платформ / пер. с англ. и науч. ред. М. Добряковой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 128 с.

10. Фишер М. капиталистический реализм. Екатеринбург: Уль-тракультура 2.0, 2010. 144 с.

11. Хоркхаймер М., Адорно Т. Культурная индустрия. Просвещение как способ обмана масс; пер. с нем. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2024. 96 с.

**ЦИФРОВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ДОСТОИНСТВО ЧЕЛОВЕКА:
ЗАЧЕМ НАМ БЕЗУСЛОВНЫЙ ДОХОД?**

Халиуллина Альбина Хальфятовна,
магистрант кафедры общей философии
института социально-философских наук и массовых коммуникаций,
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
г. Казань
e-mail: khaliullinaah@gmail.com

Научный руководитель:

Нигоматуллина Резида Масхутовна,
кандидат философских наук, доцент.
доцент кафедры общей философии
института социально-философских наук и массовых коммуникаций,
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
г. Казань

Аннотация. Стремительное развитие цифровых технологий, автоматизации и искусственного интеллекта трансформирует не только экономические структуры, но и фундаментальные антропологические координаты современного общества. В условиях угрозы массовой технологической безработицы и роста социального неравенства всё большее внимание привлекает идея базового безусловного дохода (ББД) – регулярных выплат всем гражданам независимо от их трудового статуса. Цель данной статьи – проанализировать философский смысл ББД в контексте цифровой цивилизации как потенциального ответа на вызовы отчуждения, эксплуатации внимания и биоданных, а также переосмысления связи между трудом, стоимостью и человеческим достоинством. Рассматриваются историко-философские истоки концепции, её эмпирическая проверка в пилотных проектах, а также критические риски, связанные с возможной инструментализацией ББД в системах цифрового контроля. Делается вывод о том, что ББД представляет собой не просто экономическую меру, а социально-политический и этический проект, жизнеспособность которого зависит от степени демократичности и гуманистической ориентации общества.

Ключевые слова: базовый безусловный доход, цифровая цивилизация, человеческое достоинство, искусственный интеллект, гуманизм, социальный контроль, труд, автономия.

Современная эпоха характеризуется глубокой трансформацией социальных, экономических и антропологических оснований общества под влиянием цифровых технологий. Автоматизация, роботизация и широкое внедрение искусственного интеллекта (ИИ) ставят под вопрос саму модель занятости, сложившуюся в индустриальную эпоху. Если ранее труд выступал не только как источник дохода, но и как основа социальной идентичности, то в условиях цифровой экономики он всё чаще становится лишь одной из форм активности среди множества других. Кроме того в широких кругах обсуждаются вопросы «технологической безработицы», концентрации капитала у технологических гигантов, нестабильность платформенной занятости для возрастающего числа фрилансеров, использование данных пользователей (посты, фото поисковые запросы, разговоры при включенном гаджете) как безвозмездный ресурс. На этом фоне идея базового безусловного дохода (ББД) – гарантированной регулярной выплаты каждому гражданину без каких-либо условий (а стоит отметить, что данная идея совсем не нова) – переживает настоящий ренессанс. Это уже не просто утопическая идея из книг, а предмет серьезных дискуссий не только экономистов и правительств, но и философов.

Идея гарантированного дохода имеет глубокие корни в социальной мысли. Уже в «Утопии» Томаса Мора, написанной в 1516 году, ставится вопрос о справедливом распределении ресурсов как основе общественного блага [1]. В XVIII веке Томас Пейн предложил выплачивать каждому гражданину единовременную сумму как компенсацию за утрату «естественного наследия» вследствие установления частной собственности [2]. В XX веке концепция получила развитие как в левых теориях (Андре Горц), так и в либертарианских подходах (Милтон Фридман и его «отрицательный подоходный налог») [3; 4]. Важным вкладом в этическое обоснование базового безусловного дохода стал взгляд Эриха Фромма, который ещё в середине XX века

подчеркивал необходимость «гарантированного права на существование» как условия реализации подлинной свободы личности. В своей работе «Иметь или быть?» Фромм критиковал общество потребления, в котором человек превращается в пассивного потребителя, а его ценность измеряется через владение, а не через бытие. По его мнению, только экономическая независимость от необходимости продавать свой труд ради выживания открывает путь к творческой, ответственной и автономной жизни. Гарантированный доход, по Фромму, – это не просто социальная мера, а предпосылка для перехода от «иметь» к «быть», от отчуждённого существования к подлинному человеческому достоинству [5].

В цифровую эпоху базовый безусловный доход приобретает новый смысл: он больше не просто мера социальной поддержки, а институциональный ответ на трансформацию труда и человеческой активности. Исторически человек определялся через свой вклад в материальное; сегодня, когда алгоритмизация и роботизация делегируют функции человека небиологическим агентам, традиционная связка «труд – выживание – смысл» распадается – требуется механизм декуплинга (разъединения) дохода и рыночной стоимости труда. Если индустриальная эпоха видела в человеке «винтик» производственного механизма, то цифровая эпоха грозит превратить его в «избыточный элемент», чья биологическая природа становится препятствием для эффективности алгоритмов. Также в условиях цифрового капитализма происходит стирание границ между рабочим и свободным временем, труд становится диффузным: наши данные, внимание и цифровые следы создают прибавочную стоимость для платформ, не вознаграждаясь напрямую. Высокий уровень технологического развития человечества ставит перед обществом фундаментальный вопрос: на чем зиждется право человека на жизнь и достойное существование, если традиционные механизмы распределения ресурсов перестают работать эффективно?

Цифровая трансформация глобально порождает сейчас такие ключевые вызовы, как:

1. Автоматизация и ИИ – по оценкам McKinsey, к 2030 году до 800 млн рабочих мест могут быть утрачены [6]. Это ставит под угрозу

не только занятость, но и социальную стабильность. А также поднимается вопрос; если машины и алгоритмы производят значительную часть стоимости, кому принадлежит этот «цифровой дивиденд»?

2. Рост неравенства – цифровая экономика концентрирует богатство в руках владельцев платформ и данных, тогда как большинство населения теряет долю в добавленной стоимости [7].

3. Изменение природы труда – гиг-экономика и фриланс разрушают традиционные механизмы социальной защиты, основанные на трудовом стаже и формальном найме [8].

Базовый безусловный доход предлагает выход из этого тупика: он обеспечивает минимальную экономическую автономию – «финансовую подушку», позволяя людям выбирать между поиском новой занятости, уходом в сферу заботы, образования или творчества. Тем самым он восстанавливает свободу выбора как условие человеческого достоинства. И кроме того восстанавливает справедливость в форме «цифрового дивиденда», рассматриваясь не как благотворительность, а как справедливое распределение выгод от коллективного технологического прогресса. Он предлагает пересмотр социального контракта: переход к ББД означает признание того, что в XXI веке свобода от голода и нищеты является неотъемлемым правом, не требующим встречного трудового обязательства перед лицом всемогущей автоматизации.

За последние десятилетия в разных странах проводились пилотные проекты по внедрению ББД: в Финляндии (2017–2018), Канаде («Mincome» в 1970-х и Онтарио в 2017–2019), Кении (GiveDirectly) и Индии. Результаты показывают снижение уровня стресса, улучшение психического и физического здоровья, рост предпринимательской активности, при этом значительного снижения трудовой мотивации не зафиксировано. Тем не менее, большинство экспериментов были ограничены по срокам, охвату и уровню выплат, что не позволяет делать окончательные выводы о масштабируемости модели. Однако они подтверждают принципиальную жизнеспособность идеи как социального инновационного решения.

Основные возражения против ББД сводятся чаще всего к трём пунктам:

1. Финансовая несостоятельность – кто будет платить ББД, из каких источников? Ведь обеспечение такого финансирования требует колоссальных ресурсов. Предлагаемые источники финансирования (налог на роботов, прогрессивное налогообложение, налог на данные) сталкиваются с политическими и юридическими барьерами. Однако государству как «высшему» институту в этой ситуации, на мой взгляд, стоит выступить в роли макроэкономического архитектора, который видит в ББД не «расход», а стратегическую инвестицию в устойчивость системы и разработать механизм перераспределения.

2. Моральный риск – захочет ли человек вообще работать, если его базовые потребности удовлетворены? Опасения, что ББД подрвёт трудовую мотивацию, опровергаются эмпирическими данными. Пилотные проекты и психологические исследования резюмируют: моральный риск оказывается не в потере трудолюбия, а в кризисе традиционных методов управления. ББД лишает институты власти главного рычага давления – угрозы нищетой, перевода отношения между работником и нанимателем в плоскость подлинно свободного договора.

3. Инструментализация и контроль – в условиях тотальной цифровизации ББД может быть привязан к «социальному рейтингу», поведенческим данным или биометрической идентификации, превратившись в механизм пассивного подчинения. Поэтому вопрос о базовом доходе – это не просто вопрос о деньгах, а вопрос о том, останется ли человек автономным субъектом или станет управляемым элементом в алгоритмической системе распределения ресурсов.

Таким образом, базовый безусловный доход – не нейтральный экономический механизм, а социально-политический проект, чья этическая направленность зависит от более широкого контекста: демократии или авторитаризма, открытости или закрытости системы. С философской точки зрения на мой взгляд, ББД – это попытка восстановить автономию человека в условиях, когда его труд, внимание и даже биологические данные становятся объектами эксплуатации цифровыми платформами. Базовый безусловный доход может быть прочитан как

этический ответ на отчуждение, вызванное цифровой капитализацией. Он утверждает, что человек обладает ценностью сам по себе, а не как элемент экономической машины. В этом смысле он близок к гуманистической традиции, восходящей к Канту: человек – цель, а не средство [9]. Однако реализация этой идеи возможна только при условии, что ББД будет сопровождаться расширением демократии, цифровых прав и доступа к знаниям. Без этого он рискует стать технократической заменой социальной справедливости [11].

В заключение хочется добавить, что базовый безусловный доход – это не просто экономическая мера, а философский и политический вызов цифровой эпохе. Он ставит под сомнение устоявшиеся связи между трудом, стоимостью и человеческим достоинством. В зависимости от условий реализации он может стать как шагом к новой гуманистической цивилизации, так и элементом антиутопической системы социального контроля.

В условиях стремительной цифровизации, угрозы массовой безработицы и роста неравенства игнорировать идею ББД – значит оставить без ответа один из ключевых вопросов современности: как сохранить человека в центре цифровой цивилизации? ББД не является универсальным решением, но он может стать частью более широкой стратегии гуманизации технологического прогресса.

Список литературы

1. Мор Т. Утопия / пер. с лат. А. Г. Малеина. М.: Academia, 1935. С. 90–91.
2. Пейн Т. Аграрная справедливость // Избранные политические произведения. М. : Республика, 1991. 528 с.
3. Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал / пер. М. М. Сокольской. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2010. 205 с.
4. Фридман М. Капитализм и свобода. М.: Новое издательство, 2006. 240 с.
5. Фромм Э. Иметь или быть?. М.: Издательство АСТ, 2021. С 210–211.

6. McKinsey Global Institute. Jobs Lost, Jobs Gained: Workforce Transitions in a Time of Automation [Electronic resource] / McKinsey & Company. – December 2017. – URL: https://www.mckinsey.com/~media/mckinsey/industries/public%20and%20social%20sector/our%20insights/what%20the%20future%20of%20work%20will%20mean%20for%20jobs%20skills%20and%20wages/mgi%20jobs%20lost-jobs%20gained_report_december%202017.pdf (дата обращения: 26.01.2026).

7. Варуфакис Я. Технофеодализм. Что убило капитализм. М.: Ad Marginem, 2025. 304 с.

8. Гребер Д. Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда / пер. с англ. А. Арамяна, К. Митрошенкова; ред. Г. Юдин. М.: Ад Маргинем Пресс, 2020. 440 с.

9. Кант И. Основы метафизики нравственности / пер. с нем. В. Соловьева. М.: АСТ, 2020. 192 с.

10. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / пер. с англ. А. Ф. Васильева. М.: Изд-во Института Гайдара, 2022. 784 с.

11. Сенибемян А. А. Цифровая трансформация и права человека: вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2023. № 7. С. 45–58.

12. Стиглиц Дж. Э. Люди, власть и прибыль: прогрессивный капитализм в эпоху дисконтента. М.: Альпина Паблишер, 2021. 592 с.

Научное издание

**Философские контексты современности:
гуманитарные смыслы цифровой цивилизации
ФИКОС 2026**

Сборник материалов
IV Всероссийской научной конференции
Ижевск, 27-28 февраля 2026 года

*Авторская редакция
Компьютерная верстка: Т.В. Опарина*

Подписано в печать 26.03.2026. Формат 60x84¹/₁₆.
Усл. печ. л. 16,04. Уч. изд. л. 14,3.
Тираж 300 экз. Заказ № 464.

Издательский центр «Удмуртский университет»
426034, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4Б, каб. 021
Тел. : + 7 (3412) 273-751, E-mail: editorial@udsu.ru

Типография Издательского центра «Удмуртский университет»
426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2.
Тел. 68-57-18